

В. П. СЕМЕНОВ-ТЯН-ШАНСКИЙ

ТО, ЧТО ПРОШЛО

Оглавление

II	Зрелые годы, старость (XX век)	
	Часть 1. Предреволюционные годы	3
XI	Географо-статистические работы (1900 — 1908)	5
XII	Географо—статистические работы и поездки за границу (1908 — 1914)	53
XIII	Годы первой европейской войны (1914 — 1917).....	103
	Примечания	140
	Указатель имен	146

Том II

Зрелые годы, старость (XX век)

Часть 1

Предреволюционные годы

XI

Окончательный переход на географо-статистические работы (1900 — 1908)

Переходный между двумя столетиями XIX и XX — 1900-й год был переходным и лично для меня. Нежданная-негаданная смерть первенца перевернула все начавшие было слажаться порядки в семье на методы активной борьбы за здоровье детей. Вера стала вечно настороже при всяких малейших грозивших им опасностях. Я тоже серьезно надо всем этим задумывался и в душе решил поддерживать ее во всем, не считаясь ни с какими расходами на лечение и врачей, даже в случаях, когда они могли бы оказаться продуктами чистой мнительности. Эти методы впоследствии оправдали себя полностью, как будет видно из дальнейшего повествования.

Для моей геологической работы в университете обстоятельства складывались все менее и менее благоприятно. У меня положительно не хватало времени на подготовку к магистерскому экзамену. Кроме того, к экзаменам я чувствовал вообще непреодолимое отвращение, считая их не оправдывающей себя случайной лотереей. В Геологическом кабинете в то время был один оставленный для приготовления к профессорскому званию, весьма способный и умный молодой человек, занимавшийся палеонтологическими работами у приват-доцента Николая Ивановича Каракаша, ученика Иностранцева, по меловой фауне. Он был на год или два моложе меня. Фамилию его я забыл. На него Иностранцевым, Каракашем и другими научными работниками кабинета возлагалось больше надежд, чем на меня. Он тоже попробовал начать подготовку к магистерскому экзамену, но, получив какую-то платную постороннюю геологическую работу, неожиданно изменил и ушел. Перед уходом он говорил мне и другим молодым людям, работавшим в кабинете, что окончательно убедился в том, что для того, чтобы получать ученые степени и стать профессором, нужно иметь только «свинцовое сиденье» и больше ничего, а потому он без всякого сожаления переходит на другое, более живое дело. Это, впрочем, не оказало влияния на следовавших за нами молодых магистрантов — минералога Петра Петровича Сущинского и геологов Иннокентия Павловича Толмачева, Бориса Анфировича Попова (петрографа-старообрядца) и Владимира Владимировича Ламанского, но с моим тогдашним настроением совпало, и я ступешался.

После удачного начала во время самого производства переписи я не по своей вине, а по господствовавшему в Центральном статистическом комитете порядкам, был лишен какой

бы то ни было возможности проявлять там свою творческую деятельность. Таким образом, одну калитку — геологическую я тихо сам затворил, а другая — статистическая была передо мною захлопнута и завешена замком. Но возле этих калиток оказались новые вольные тропы, которые я мог пролагать сам. Одна из них была географическая в издании «Россия», а другая — географо-статистическая в министерстве финансов, о которой скажу дальше, а пока перейду к нашему новому городскому жилищу.

Квартиру, как я говорил, мы наняли в доме № 12 по Коломенской улице, принадлежавшем довольно любезному в обращении еврею Клейнаделю, связанному какими-то торговыми делами с Веней и жившему тут же. Квартира была значительно приветливее нашей прежней, хотя также имела окна только по одному заднему фасаду домового флигеля. Над ней был всего один самый верхний (кажется, 6-й) этаж, где жил какой-то русский купец с целой ватагой «молодцов» — приказчиков или артельщиков, человек в 40. Когда они ранним утром начинали все одновременно надевать свои смазанные сапожища, то у нас в квартире происходило такое сотрясение всего потолка с качанием ламп и пр., как во время землетрясения, и спать было совершенно невозможно до самого момента их ухода на работу. Спали они у хозяина, понятно, вповалку на полу. Неистово стуча по последнему в такт сапогами, они загоняли к нам вниз через балки полчища клопов, которые тонкими струйками и широкими потоками нисползали с карнизов по обоям или прямо сыпались с потолка. Мы вызвали домового тараканщика. Он явился и, осмотрев их, спокойно сказал: «Это еще что! А вот наверху, если б вы видели, так даже меня самого, опытного и бывалого человека, жуть берет от того, что там делается». Клейнадель говорил, что ему очень трудно справиться с этой стихией, но что, если мы, не выдержав, нарушим контракт и уедем, то никаких претензий с его стороны к нам не будет, ибо такие квартиры, как наша, он называет «хлеб с маслом» — настолько они легко сдаются. Нам, впрочем, к этому прибегать не пришлось, так как клоповое засилие, по каким-то неведомым мне причинам, скоро стихло, хотя я еще долго поглядывал подозрительно на карнизы. С нянями для нашего в то время единственного сына Володи не очень-то везло, хотя все-таки было легче, чем при покойном Андрюше. Одна няня у него была очень добродушная и недурная, но она происходила из фабричных работниц и потому, укачивая его перед сном, не умела петь ничего другого, кроме не совсем цензурных по содержанию частушек, которых он, имея всего год с небольшим от роду, конечно, понять не мог и засыпал, убаюканный ими.

По министерству финансов я перешел, как уже упоминалось, в статистическое отделение канцелярии товарища министра Владимира Ивановича Ковалевского, заведовавшего делами торговли и промышленности. Дух министерства был совершенно иной, чем внутренних дел: это было самое передовое ведомство того времени, и в нем на видных должностях служило немало лиц с революционным прошлым, как напр., сам Ковалевский или Василий Иванович Покровский в статистике Таможенного департамента, Дмитрий Иванович Рихтер в статистике Дворянского банка и пр. Моим непосредственным начальником был мой гимназический и студенческий товарищ, брат жены Н. М. Штруппа, над ним — управляющий канцелярией весьма культурный немец барон Михаил Эмилиевич Нольде, дальше В. И. Ковалевский и над ним министр финансов С. Ю. Витте. Таким образом, условия для проявления моего личного творчества в географо-статистическом деле были наиболее благоприятные. Отделение находилось на перепутье: Ковалевский не был удовлетворен предыдущей рутинной его работой и готов был приветствовать всякие новые пути. Между прочим, в отделение поступили от казенных палат статистические анкеты податных инспекторов по промысловому обложению в 1899 г. торговых и промышленных предприятий, по

каждому из них в отдельности, с точными их адресами. К этому материалу отношение было, как к чисто фискальному, и мне было поручено его просмотреть и дать заключение, что из него можно было бы сделать в обработке, причем абсолютно никакими рамками я стеснен не был и мог проявить свое творчество совершенно свободно. Ознакомившись с материалом, я пришел к заключению, что он представляет очень удобный источник для составления подробных стенных карт географического распределения торговли и промышленности России по районам с объяснительным текстом. Поэтому я предложил, для первой пробы, разработать с этой целью близко мне знакомую Рязанскую губернию, а переведенный одновременно с Н. М. Штруппом помощник столоначальника Генрих Генрихович Толпыго взялся произвести, по моему плану и под моим руководством, такую же пробную работу по своей родной Могилевской губернии. Заведовавший в нашем отделении статистикой товарных цен столоначальник Константин Григорьевич Голубков, будущий член кадетской партии, заинтересовавшись нашей работой, предложил проследить статистически грузооборот в установленных нами районах по сырым материалам перевозок, публиковавшимся железнодорожным департаментом и отделом статистики и картографии министерства путей сообщения по водным путям. В отделе торговли имелись сведения об ярмарках. Таким образом получался достаточно полный статистический материал для районных характеристик торговли и промышленности. Его оставалось дополнить лишь общегеографическими характеристиками районов и сведениями о полезных ископаемых, путях сообщения, почте, телеграфе, кустарных промыслах, истории развития торговли и промышленности и пр., что не представляло затруднения по литературным источникам. Все это, вместе с комментариями к статистическим таблицам торговли, промышленности и грузооборота, и должно было составлять объяснительный текст. Самое же трудное было удачно объединить все эти мелкие данные в естественные географические районы и достаточно выразительно изобразить все это на карте.

Работа по изданию труда «Россия» весьма быстро убедила меня в том, что официальное разделение на губернии и уезды, установленные в XVIII веке при Екатерине II, по чисто статистическим, именно демографическим признакам — абсолютному количеству тогдашнего населения (в губернии полагалось от 300 до 400 тысяч душ, в уезде от 20 до 30 тысяч), чисто искусственно и в географическом отношении совершенно не удовлетворительно, как не соответствующее естественным физико-географическим условиям, с одной стороны, а с другой, как отставшее давным-давно от фактического размещения как самого населения, так и быстро развивающейся торговли и промышленности, а между тем с тех пор почти неизменное. Яркими примерами тому были описанные моим отцом в I томе «России» крупные промышленные пункты — Иваново-Вознесенск с более чем 50 тысячами жителей у границ Шуйского, Нерехотского и Кинешемского уездов и в особенности Орехово-Зуево с более чем 40 тысяч жителей как раз на границе Богородского уезда Московской губернии и Покровского уезда Владимирской губернии. Но едва ли не самым красочным был исторический анекдот о фабрично-заводском поселении Гусе-Баташовом, расположенном на самой границе Рязанской и Владимирской губернии у огромной заводской запруды близ Оки. Владелец здешнего завода, землевладелец Баташев в первой половине XIX века отличался необычайной наглостью и, делая всевозможные беззакония, бесцеремонно подкупал судей и администрацию. На него сыпалось столько жалоб отовсюду, что наконец было приказано его арестовать. Дом Баташева находился как раз на самой губернской границе, которая была обозначена белой чертой на полу его столовой. Когда к нему являлся касимовский исправник для ареста, он встречал его, сидя во владимирской половине своей столовой, и

не пускал его в рязанскую. Исправник уходил с пустыми руками, не имея права арестовать его на территории чужой губернии. Затевалась длительная переписка между двумя губернаторами, затем приезжал меленковский исправник для ареста Баташева и, застав его в рязанской половине столовой, снова уходил ни с чем. Эта «сказка про белого бычка» повторялась неоднократно, пока не приехало из Петербурга какое-то высокопоставленное лицо с полномочиями во что бы то ни стало арестовать его вне зависимости от губернской территории, и арест таким образом наконец состоялся. Впрочем, Баташев и его наследники умудрились тягаться с крестьянами из-за окских лугов более полу столетия, пока наконец мой брат Валерий не раскопал этого «дедовского» дела в Сенате и не направил его в такое русло, по которому выиграла крестьяне и притом окончательно.

Я решил твердо произвести в своем опыте полную статистическую революцию и навсегда отказаться, при установлении торгово-промышленных районов, от каких бы то ни было губернских и уездных границ и группировать их исключительно из смежных волостей, однохарактерных в торгово-промышленном отношении. Это привело меня к необходимости отмечать в объяснительном тексте к статистическим таблицам наиболее характерные для каждого данного района отрасли торговли и промышленности.

Но как можно было изобразить всю эту сложную картину на одной общей стеной карте? Вот тут-то и возникали самые серьезные изобразительно-технические затруднения, которые предстояло во что бы то ни стало преодолеть. Для меня было очевидно, что для общей экономической характеристики каждый район картографически должен быть окрашен лишь в один цвет, соответствующий наиболее характерной для него отрасли торговли или промышленности, причем интенсивность окраски можно поставить в зависимости от бойкости всей его торгово-промышленной деятельности, вычисленной на одного жителя. Как же сделать, чтобы остальные отрасли торговли и промышленности, существующие в районе, при этом совершенно не утонули бы на карте? Вместе с тем было ясно, что надо на карте отметить как-то и все бойкие торгово-промышленные пункты в зависимости от их величины.

Со всей этой запутанной механикой в голове я однажды шел по Невскому и не знал, как ее практически разрешить. Совершенно неожиданно на помощь мне пришло — что же? Как это ни странно, — пуговицы многочисленных встречных прохожих. Они только и спасли все дело. Пуговица, поделенная на секторы, есть круглая статистическая диаграмма. Ее диаметр можно поставить в зависимость от общей величины всего торгово-промышленного оборота данного пункта. Ее можно покрасить на карте или всю, или по отдельным секторам в цвета, отличающиеся от общего тона района. Вот и второстепенные отрасли торговли и промышленности в районе на карте не пропадут. Просто и хорошо. Впоследствии я сообщил все это моему другу отрочества и юности, профессору философии И. И. Лапшину, а он отметил мое сообщение в своей книге «Психология изобретателя». Живо помню, в какой дикий восторг привели меня эти пуговицы. Это был мой первый научный восторг, соответствующий, так сказать, магистерской степени моего научного сознания. Через 13 лет мне было суждено испытать еще один восторг, более глубокий, более высокого полета, так сказать соответствующий докторской степени моего научного сознания, и, наконец, еще через 17 лет — снова один восторг, так сказать, сверхдокторский, но об них после. Чаще, чем через подобные промежутки времени, такие восторги не даются, но ради них одних стоит жить.

Теперь мне предстояла следующая забота — подобрать наилучшим образом тона цветной шкалы по отраслям торговли и промышленности для окраски районов и отдельных

торгово-промышленных пунктов на стенной карте. Задача оказалась весьма трудной и отняла у меня 3 месяца самой напряженной, непрерывной опытной работы. Прежде всего, надо было расклассифицировать возможно проще все многочисленные отрасли торговли и промышленности. Для этого я применил метод пасьянса на этажерке. А именно, на ее полках я стал раскладывать стойками заполненные анкетные листки податного обложения, соответствующие, каждый, одному предприятию. Переложив множество раз их так и этак по специальностям, я получил, в конечном счете, 14 стопок, из них 7 торговых и 7 промышленных, а внутри каждой стопки — еще более мелкие группы, в общем более 60. Каждую стопку я назвал «типом». В торговле у меня оказалось:

- I тип — торговля сельскохозяйственными растительными продуктами,
- II тип — торговля животными продуктами,
- III тип — торговля древесными материалами и изделиями,
- IV тип — торговля металлами и минералами и изделиями из них,
- V тип — торговля мануфактурой и галантереей,
- VI тип — торговля питейно-трактирная,
- VII тип — торговля смешанная и бакалейная.

Наибольшее количество курьезных сочетаний предметов торговли, конечно, оказалось в анкетном материале VII типа. Тут попадались в глухой провинции, например, такие предприятия, как одновременная торговля селедками и гробами и пр., но это были, конечно, мельчайшие и редчайшие единицы, совершенно тонувшие среди колоссальной массы мелочных и бакалейных лавок. Для этого есть прекрасное финское выражение «Sekatavarakarppa», т. е. продажа всякого товара. В промышленности получились аналогичные типы:

- I тип — обработка растительных питательных веществ,
- II тип — обработка животных продуктов,
- III тип — обработка дерева,
- IV тип — обработка минералов и металлов,
- V тип — текстильная промышленность,
- VI тип — химическая промышленность,
- VII тип — мелкая промышленность смешанного типа.

К. Г. Голубков свел к тем же типам и классификацию грузооборота. Большого количества типов нельзя было бы технически воспроизвести в цветной шкале карты без ущерба ясности окраски. Оставалось подобрать осмысленно тона шкалы. Я решил для 7 торговых типов дать более матовую окраску, а для 7 промышленных — более яркую и прозрачную. Затем я выбрал сам цвета, несколько подлаживаясь под общий тон соответствующих продуктов или товаров. Так, I торговый тип — сельскохозяйственный растительный я окрасил в оливковый

цвет, соответствующий вянущей растительности, II — животный в рыжий, соответствующий козам, III — в зеленый, соответствующий лесу, IV — минеральный и металлический в лиловый — условно, V — мануфактурно-галантерейный в красный, соответствующий кумачу, VI — питейный в коричневый, соответствующий пиву, VII — смешанный в серый, соответственно массе всяких товаров. В промышленности I тип — охряной, соответственно цвету перерабатываемого зерна, II — желтый, соответственно ярко отжелченной коже, III — зеленый, соответственно лесу, IV — стально-синий, соответственно стали, V — малиновый, соответственно малиновым тканям, VI — оранжевый, условно, VII — темно-коричневый, тоже условно. Моя шкала настолько понравилась в картографическом заведении Ильина, что ее оттиски сохранили специально, в качестве образцового в техническом и художественном отношении подбора тонов.

Когда вся пробная работа моя, Толпыги и Голубкова с текстом и картами, была закончена, она была представлена в рукописи на просмотр В. И. Ковалевскому. Он ее чрезвычайно одобрил, и с его благословения было решено разработать по моему методу и плану имевший поступить в течение 1901 года в статистическое отделение такой же материал за 1900 год по всей Европейской России, с приглашением, для усиления личного состава отделения, временных вольнонаемных сотрудников. Так началось новое грандиозное предприятие, возникшее по моей идее и плану и потребовавшее для своего завершения 10 лет сплошного усиленного труда. Средства на осуществление этого издания все время очень искусно наскребывались счетным отделением канцелярии из остатков по общему бюджету, благодаря неустанным стараниям весьма культурных начальников этого отделения — сначала Владимира Михайловича Веселовского, а потом Викентия Ивановича Вериго. Я был на этот раз счастлив и быстро и находчиво преодолевал все многочисленные встречающиеся в процессе работы затруднения. Первое из них заключалось в отсутствии основного картографического источника — 10-верстной военно-топографической карты Европейской России на 180 листах. Начальство из экономии не решалось затратить на ее приобретение крупную сумму, а для ускорения работы она была нужна вся сразу. Я нашел выход, а именно, по несколько раз в неделю стал посылать в магазин Главного Штаба кого-либо из служащих за 2 — 3 листами, каждый раз на сумму полтора-два рубля, и такие мелкие счета, как бы на канцелярские надобности, охотно покрывались казной. Когда большая часть карты была таким образом приобретена, приказчик Главного Штаба заметил это и сказал нашему служащему: «Однако, вы — ловкий господин: незаметно приобрели всю карту», что и требовалось делом, свободным от канцелярщины.

Наше статистическое отделение, кроме Н. М. Штруппа, своего начальника, состояло в это время из 4 столоначальников, 4 помощников столоначальника, около 10 вычислителей и нескольких временных вольнонаемных сотрудников. Их 4 столоначальников два были новые — я и К. Г. Голубков и два старые — Константин Антонович Новицкий и Сергей Константинович Карасевич. Карасевич был худощавым, весьма молчаливым, очень скромным, кротким, бледнолицым человеком, через несколько лет впавшим в тихое помешательство. Новицкий был пожилым человеком, подвижным, самолюбивым и бестолковым. Однажды он заявил Н. М. Штруппу, что наконец закончил свою многолетнюю работу по истории акционерных предприятий в России и передал ему на просмотр рукопись со статистическими таблицами, а также послуживший ему материал карточек по каждому предприятию в отдельности. Мы с Н. М. стали рассматривать его работу и проверять ее. При этом оказалось, что целый ряд анкетных карточек отсутствует. Когда Н. М. недоуменно обратился к Новицкому с вопросом, что это значит, последний ответил, что эти предприятия закрылись,

а потому он их карточки уничтожил. Понятно, что при таком ведении дела весь его многолетний труд пропал и печатать его было невозможно. Все четыре помощника были новые. Из них Фотий Николаевич Белявский, кандидат духовной академии, был очень неглупым и работоспособным человеком, Григорий Александрович Сластион — тоже неглупым и корректным работником, но в случае подпития (к которому он имел некоторую склонность) обнаруживал придирчивость, самодурство и крепостнические черточки характера. Далее был Павел Осипович Глушинский, экс-дипломат с массой иностранных орденов, выгнанный из миссии в Константинополе и с чьим-то высокопоставленным орденом присланный в министерство финансов. В те времена чуть не во всех ведомствах существовало «золотое правило»: некуда — так в статистику. Так было поступлено и в данном случае: Глушинского прислали к нам. Хотя он был очень неглупым человеком, с образованием, но, конечно, никуда на работу не годился и манкировал по месяцам, пока за какой-то автомобильный фиктивный счет якобы по казенной надобности его не попросили удалиться из министерства финансов.

Четвертым помощником столоначальника у нас был уже упомянутый Г. Г. Толпыго. Он был человек неглупый и живой, но большой лентяй, не могший долго сосредоточиться ни на одном деле. У него было немало черт характера общих с Иностранцевым. Он умел и любил рассказывать массу анекдотов, подчас очень остроумных, но большею частью нецензурных. С ними он по очереди подсаживался то к одному, то к другому из сослуживцев и, говоря им под руку, то и дело надоедал и мешал работать. Я в таких случаях сурово молчал и упорно продолжал работать. Толпыго как-то робел и называл меня «Рамзесом». Все сотрудники часто ходили за нужными нам при работе книгами в общую библиотеку министерства финансов, помещавшуюся в том же здании, но в другом этаже, окнами на Мойку, как и наше отделение. Библиотекарем там был коренастый, еще молодой, но совсем лысый, громко говоривший, добродушный Николай Иванович Иващенко, его помощником — седой плохо говоривший по-русски немец, фамилию которого я забыл. Толпыго, придя за книгой, подсаживался к кому-либо из них, напускал на себя вид серьезнейшего экономиста и говорил: «Обратите внимание на эту скромную частную баню на той стороне Мойки: главными ее доходами являются дневные посещения с Невского» и тут же, вынув часы и положив их на стол тоном авгура предсказывал: «Вот сейчас с Невского придет раскрашенная особа, войдет в подъезд, а через минуту, с независимым видом туда же «случайно» войдет кавалер с Невского, затем еще через столько-то минут белая занавеска в окне второго этажа опустится, и так будет столько-то минут; еще через столько-то минут кавалер выйдет из подъезда и пойдет обратно на Невский; а еще через столько-то минут последует туда же накрашенная особа, и в это время белая занавеска в окне раскроется.» Действительно, все это совершалось точно, без опоздания, как по команде, а Толпыго проверял по часам. Так повторялось изо дня в день. Понятно, что Иващенко и его помощник, да и другие случайные посетители библиотеки то и дело глазели в окна и отрывались подолгу от работы. Оставалось только удивляться его наблюдательности и знанию уличных нравов. С временными вольнонаемными сотрудниками статистического отделения Толпыго держал себя так: с барышнями он был вполне скромен и не говорил ничего рискованного, а дамам рассказывал анекдоты, которые можно было понять так и этак, смотря по тому, обладала ли его собеседница *esprit mal tourné* или нет. Делал он это очень ловко и уверял, что доставляет им большое удовольствие. Однажды, в декабрьский темный день, когда работали при лампах, под конец присутствия в 4-м часу дня погасло электричество и долго не зажигалось. Стало совсем темно, и все поневоле прекратили работу. Вдруг среди общего молчания раздался

серьезный предупреждающий голос старика Новицкого: «Дамы в опасности». Все, разумеется, громко расхохотались. Толпыго особенно радовался и сочувственно пожимал руку Новицкому.

Если я не ошибаюсь, в 1901 году был в Петербурге съезд естествоиспытателей и врачей. Я на нем участвовал, хотя сообщений не делал, и познакомился с приехавшими из Москвы географами Д. Н. Анучиным и его учеником А. А. Крубером. Они оба интересовались изданием «Россия». В том же году вышел свет VI том ее, заключающий описания Среднего и Нижнего Поволжья и Заволжья [1]. Этот том был всецело написан, подобно III тому, приглашенными сотрудниками, и на мою долю пришлось лишь редакционная работа, а на долю моих руководителей небольшие дополнения. В VI томе участвовал, в качестве одного из основных сотрудников, геолог Павел Александрович Ососков, способный и живой, седой коренастый человек, который не прочь был выпить. По редакционным делам я как-то навестил его на его квартире в Лесном, где познакомился с его приятелем — писателем, красивым Гариным-Михайловским. В то же время все Семеновы, т. е. мой отец, я и все мои братья за исключением Валерия, а также сестра подготавливали в рукописи II том «России», заключающий описание столь близкой нам всем Среднерусской черноземной области. Больше всего работы в этом томе выпало на долю мою и моего отца. В определенные дни недели мы с ним по утрам работали вместе за одним столом в его кабинете, а, кроме того, я работал и один дома у себя по вечерам. Мы сидели у него за ломберным столом, составляя совместно описания замечательных местностей, т. е. «русский Бедекер». На мне лежало нахождение по 10-верстной военно-топографической карте всех тех местностей, которые отец извлекал из литературных источников, и затем, окончательно убедившись вдвоем, что местность верно приурочена к тому или иному месту на карте, мы тут же совместно составляли текст. Так как справки по картам требовали много места, то я сидел на диване, а отец рядом — на стуле. Ему в это время было уже 74 года, и хотя работоспособность его была весьма велика, но не отличалась уже той необычайной быстротой, как было в былые более молодые годы. У меня же, 31-летнего, было в это время как раз наоборот. Я сам себе удивлялся, с какой быстротой, точностью и ясностью я стал теперь наводить справки и все соображать — значительно быстрее, чем раньше. Бывало, наведу я их, соображу и молча спокойно сижу и жду, пока минут через 5–10 Петр Петрович закончит свою часть работы. Я нарочно не совался раньше времени с готовыми справками и соображениями, чтобы понапрасну его не нервировать. Работа у нас шла чрезвычайно дружно, и он был очень доволен ею. Его, между прочим, очень увлекала форма путеводителя, в которой он сам на старости лет работал в издании «Россия», впервые в своей жизни. При этом он повторял, что ему давно хотелось превратить материал географо-статистического словаря в нечто подобное, но случая к тому не было. Редко мне приходилось работать столь продуктивно, тем более что я тут же на практике учился у него многому из его многолетнего опыта, в чем я был еще совершенно не опытен. Одним словом, за этой работой я прошел большую и самую главную часть курса у моего незабвенного учителя и притом чисто практически. Дух Гумбольдта и Риттера, которых лично знал в молодости Петр Петрович, как бы витал над нами в часы наших занятий. У него, в сущности, было за всю его долгую жизнь только два настоящих географа, в полном смысле слова, среди его учеников: старшим был кн. Петр Алексеевич Кропоткин в 1860-х и начале 1870-х годов (как он мне сам признавался в письме 1920 г.) и младшим — я в конце 1890-х и начале 1900-х годов, т. е. через 30 лет позднее.

В 1901 году праздновался 50-летний научный и служебный юбилей Петра Петровича в зале родительской квартиры. Помню, как с ним долго разговаривал председатель Геогра-

фического Общества в. кн. Николай Михайлович, а я в это время занимал академиком — геологов Александра Петровича Карпинского и Феодосия Николаевича Чернышева, с которыми был и до того хорошо знаком по Обществу естествоиспытателей.

Мои усиленные и успешные занятия над «Россией» и «Торговлей и промышленностью Европейской части по районам», с одной стороны, и ожидание Верой третьего ребенка, с другой, смягчали тяжесть утраты, постигшей нас весной 1900 года. Приближалось лето. Надо было думать о даче. По совету акушерки мы остановились на Териоках и нашли там дачу Костиайнена. Наша быстроногая кухарка, спасавшая маленького Володю в 1900 г. во время пожара в Гунгербурге и происходившая из села Мураевни Рязанской губернии, при всех своих талантах оказалась весьма разгульной женщиной. У нее постоянно бывали в гостях два огромных, здоровенных солдата лейб-гвардии Семеновского полка, приятели, никогда друг с другом не ссорившиеся. Но из детской за тонкой стенкой было нередко по вечерам слышно чоканье трех рюмок и слишком оживленные беседы их с кухаркой. Они совместными усилиями наконец провалили ее кровать и потом совместно же ее починили своими руками, затем стали настолько долго засиживаться, что Вера должна была поставить ультиматум кухарке и прятать, по их уходе, до утра ключ от черной лестницы. После этого кухарка вскоре ушла. Тем временем в конце апреля 1901 года маленький Володя захворал очень тяжелой формой кори. Как раз перед этим весьма неудачная его няня сменилась на очень хорошую, молодую, но весьма серьезную и смышленную, вполне надежную, ухаживавшую перед тем за каким-то немолодым больным. Не успела она у нас побыть и десяти дней, как за ней на кухню явилась жена этого больного и сманила ее обратно на прежнее место. Володя был в это время сплошь ярко-лиловый и метался в сорокаградусном жару. Так как Вера, по своему положению не могла его носить на руках, то мне пришлось носить его самому на своих руках и качать целые ночи напролет. Положение было тяжелое и тревожное. К счастью, он стал медленно поправляться, и доктор Георгий Дмитриевич Соколов, призванный нами год тому назад к умиравшему Андрюше, на этот раз одобрил нас и, после нескольких ванн, разрешил его перевести в Териоки, пользуясь чудной теплой погодой, около 1-го июня, а сам прислал фельдшера произвести в нашей квартире дезинфекцию формалином, пока мы уехали на дачу.

Володя был очень слаб и бледен и с трудом ходил после болезни, несмотря на то, что ему был в это время уже 1 год и 9 месяцев. Наконец в 20-х числах июня нам пришлось пригласить в Териоки нашу петербургскую акушерку Федорову, и 27 июня утром у Веры родился третий сын — прехорошенький аккуратный веселый мальчик. Мы почему-то рассчитывали на дочь и не запаслись заранее мужским именем. Я поехал в Петербург к Вериной тетушке Олимпиаде Ивановне Поленовой (сестре В. И. Ламанского) и, сообщив ей радостную весть, попросил святцы. Порывшись в них, я остановился на имени Роман, никогда не бывшем ни в семье Семеновых, ни в семье Ламанских. Вере и всем родным это имя понравилось и было закреплено за новорожденным. Крестили его в Териоках. В крестные к нему мы пригласили брата Измаила и Верину сестру Настю, которая в это время жила вместе с Владимиром Ивановичем, Ольгой и Сережей в имении Кузнечихе Тверской губернии, в семье статистика Василия Ивановича Покровского. Ольга Владимировна в это время увлекалась его старшим сыном Иваном Васильевичем. Настя приехать не могла, и вместо нее на несколько дней приехала в Териоки к нам Ольга, но к крестинам опоздала. Она была настолько поглощена перепиской с И. В. Покровским, что ни о чем больше не думала, писала ему письма, опускала их в почтовый ящик, потом, отменив письмо, вымалывала у почтальона, пришедшего за письмами к ящику, отдать его ей обратно и пр. Хотя Настя

и была записана крестной, но ее заменила у купели одна немолодая дачная соседка. Брат же Измаил прибыл на крестины. Эта соседка жила вместе со своей более молодой сестрой, у которых было трое малолетних детей. Последняя была разошедшейся женой какого-то офицера. На станцию нам нельзя было иначе пройти как мимо самого балкона их дачи. Бывало, когда спешить утром жаркого дня на поезд, эта дама за утренним чаем сидит на своем балконе en face в совершенно расстегнутом сверху до низу халате, под которым нет ничего, и, как ни в чем не бывало приветливо кланяется, а ее старшая сестра и дети тут же пьют чай. Вообще, простота нравов в Териоках в то время была изумительная. По случаю жаркого лета я с В. В. Ламанским, приехавшим от времени до времени навещать нас, часто вместе купался в море. Как-то мы шли по шоссе вдоль пляжа. Вдруг мы услышали вдали какие-то отчаянные крики из моря — точно кто-то тонул и взывал о помощи. Мы устремились вперед, так же как и еще несколько человек, шедших по шоссе. И что же увидели? Из моря выходила безо всякого костюма, в образе Венеры, какая-то дачница, торгующая с разносчиком ягод на берегу, и сказала ему: «Очень дорого ты просишь, а впрочем, подожди». Он ей ответил: «Слушаюсь, барыня», и тут же сел с корзиной ягод на песок, а она, выйдя из воды, стала не торопясь одеваться, и затем они оба пошли вместе с ней на дачу с ягодами.

В это время происходили большие военно-морские маневры между Нарвой, Кронштадтом, Петербургом и Выборгом, целью которых была защита столицы от инсценированного нападения с моря. Купаясь, мы однажды любовались бомбардировкой Кронштадта эскадрой броненосцев под командой адмирала З. П. Рожественского. В другой раз через Териоки прошла целая армия от Выборга по направлению к Петербургу под предводительством А. Н. Куропаткина. Наконец, не помню кто — или один из членов семьи моего брата Дмитрия, жившей в то время в Гунгербурге, или кто-то из Надпорожских, — рассказывал нам о том, что в Гунгербурге гусары взяли в плен миноносцы — подвиг, которым очень гордился их командир в. кн. Борис Владимирович. Дело было в том, что отряд миноносцев нападавшей с моря эскадры стоял в Гунгербурге, а туда с суши пришел отряд гусаров, принадлежавший к защищавшей Петербург армии. Командный состав миноносцев точно не знал, к какой армии относились гусары — к нападающей или к защищающей. Вел. князь любезно пригласил на выпивку офицеров с миноносцев, а когда те явились, объявил миноносцы в плену. Под конец нашего пребывания в Териоках хозяин дачи — финн, еще за несколько дней до окончания срока найма категорически потребовал от меня, чтобы мы выезжали немедленно в Петербург, так как дача ему нужна для зимнего жилья и, несмотря на все мои доводы об аккуратности уплаты за нее и указания на то, что мы у него же приобретаем многие продукты, тупо-упрямо стоял на своем, но я все-таки его переупрямил, и мы уехали только накануне 1-го сентября.

Осенью Н. М. Штрупп женился на Наталье Николаевне Силантьевой. Семья Силантьевых, состоявшая из отца Николая Дмитриевича, судебного следователя, матери Натальи Андреевны, простой крестьянки, и двух дочерей — Татьяны и Натальи, была знакомой Ламанских по Боровичам. Тотчас после свадьбы молодые уехали на месяц за границу, и я остался на время отсутствия Н. М. его заместителем по заведованию статистическим отделением.

По возвращении Штруппов у них на новоселье, благодаря общительному характеру Николая Мартыновича, стали нередко собираться сослуживцы по министерству финансов, как напр., Вяч. Александрович Галецкий, Г. Г. Толпыго, Владим. Мих. Веселовский с женой, а из его знакомых по Нижегородской выставке — Константин Васильевич Николаевский

с женой Ниной Николаевной и Иннокентий Александрович Молодых, вскоре женившийся и бывавший со своей женой Марьей Ивановной. Из бывшего «Общества добровольных клакеров» он сохранил, кроме меня и В. В. Ламанского, всего только позднее всех присоединившегося к нему бывшего москвича Александра Вячеславича Оссовского, впоследствии известного музыкального деятеля, близкого к кругу Римского-Корсакова. Оссовский увлекался своей двоюродной сестрой, пианисткой Варварой Александровной Качинской, на которой вскоре и женился. Затем, будучи дружен по учебному отделу министерства финансов с художником Альбертом Николаевичем Бенуа, Николай Мартынович сошелся с его зятем, учеником Н. А. Римского-Корсакова, дирижером и композитором Николаем Николаевичем Черепниным, который был в гимназии одноклассником В. В. Ламанского и в юности отличался дерзким характером. Черепнин и его жена, старшая дочь Альб. Н. Бенуа, красивая блондинка Марья Альбертовна, бывали у Штруппов, а последние у них. Мы же с Верой бывали у Оссовских, и они у нас. Там мы встречали, кроме сослуживцев Оссовского по министерству юстиции, также немало музыкантов, как напр., скрипачей старика москвича В. В. Безекирского, Налбандьяна и др., которым аккомпанировала В. А. Оссовская, а Александр Вячеславич пел тенором. Тут я познакомился с новинками того времени — «Царской невестой» и «Моцартом и Сальери» Римского-Корсакова, с произведениями Рахманинова, Скрябина и др. Несколько раз в те годы я был у Черепниных, где встретился впервые с композиторами А. С. Аренским и С. И. Танеевым. Аренский, ученик Римского-Корсакова, подражавший Чайковскому, был довольно остроумным шутником, но особенно мне понравился москвич, умный, скромный и оригинальный ученик Чайковского Танеев, которым, как я узнал впоследствии, сильно увлекалась платонически жена Л. Н. Толстого Софья Андреевна.¹ Кроме Аренского и Танеева у Черепниных бывала певица Мариинского театра Н. М. Кузнецова, жена старшего сына Альб. Н. Бенуа, красивого, но бесцветного Альберта Альбертовича. Вместе с ним Марья Альбертовна находила во мне какое-то очень большое сходство со своим дядей, моим ровесником, художником Александром Ник. Бенуа, но в чем оно было, я понять так и не мог. В отношениях Ник. Март. Штруппа к музыке уже далеко не было того молодого пыла, который был свойственен ему в 1890-х годах.

В 1901 году мы увлекались рисованием силуэтов бывавших у нас вечерами по воскресеньям родных и знакомых. Пожарные случаи нас преследовали по-прежнему. За один год нашего пребывания на новой квартире их было три. Однажды около полуночи я услышал запах гари, и мы послали вниз за швейцаром. Он сказал, что, действительно, в 10 часов вечера двумя этажами ниже нас на нашей лестнице в косметической лаборатории горело мыло, но пожар был прекращен, и запах гари дошел до нас через два часа. В другой раз непосредственно под нашей квартирой у путешественника полковника генерального штаба Новицкого горела ванна, и он сам ее затушил, обжегши свои руки. В третий раз прямо перед нашими окнами вечером пылал извозничий двор, выходящий на Лиговку, и эффектная картина пожара была, пожалуй, не хуже, чем в свое время на Малом проспекте. Я относился ко всем этим пожарам философски-спокойно, а Вера очень волновалась и долгое время очень плохо спала по ночам, постоянно прибегая к моей обязательной экспертизе во всех сомнительных случаях. Надо сказать, что мой нюхательный аппарат действовал всегда образцово, без отказа.

Подготавливая рукопись II тома «России», я прочел как-то составленную мною I гла-

¹ Позже нам с Верой довелось слышать в Мариинском театре с Ершовым оперу С. И. Танеева «Орестею», и я имел случай оценить его как прекрасного композитора. Особенно сильное впечатление произвели на меня эринии.

ву с описанием форм поверхности и геологического строения Среднерусской черноземной области моему шурину В. В. Ламанскому. Он пленился данной мною там новой, стройной географической картиной и подбил меня сделать сообщение в отделении физической географии Русского Географического общества. Сообщение мое попало, на мою беду, на какое-то торжественное заседание отделения, кажется, в память скончавшегося перед тем Алексея Андреевича Тилло, где, кроме моего, были и другие сообщения. Зал был переполнен. Окрыленный удачей со сравнительно недавним моим сообщением в Обществе естествоиспытателей, приветствованным покойным Тилло, где у меня не было письменного доклада под рукой, я решил и в данном случае прибегнуть к тому же методу. Прямо перед моим носом сидел Сергей Николаевич Никитин. Я тогда не знал, что он меня очень ценил, и воображал, что он должен относиться ко мне предубежденно-придичиво как к ученику его врага Иностранцева. С другой стороны, надо было торопиться, ибо сообщений в заседании было много. Никитин вперил очень пристальный взор в мои карты. Все это меня смутило, и, несмотря на действительно интересное содержание с новыми в то время выводами, я, имея на руках лишь краткий конспект сообщения, сделал его очень сжато и торопливо и притом так, что никто ничего не понял, а председательствовавший Иван Васильевич Мушкетов, отвлеченный чем-то, когда я кончил и замолчал, спросил меня грубовато: «Это все?» Я сошел с кафедры в крайнем смущении, плохо видя, что передо мной делается, поспешно забрал карты, и мы с Верой поскорее уехали домой. По выходе из зала нас догнал секретарь отделения физической географии Юлий Михайлович Шокальский и в утешение сказал мне, что в свое время он свое первое сообщение в Географическом обществе сделал несколько не удачнее, чем я, и что это ничего не значит. Первая же глава II тома «России» оказалась такова, что профессор географии Бордосского университета Пьер Камена д'Альмейда, лучший знаток России во Франции, отлично владевший русским языком, впоследствии говорил мне, что сделал собственноручно перевод нескольких мест из нее на французский язык и заставлял французских студентов учить их наизусть как классические образцы. В 1902 году этот том вышел в свет.

Когда, еще около 1890 года, поднялся серьезно вопрос о постройке великого Сибирского железного пути, мировое значение его для большинства, не приученного мыслить географически, было совершенно неясно. Через Иностранцева я слышал, что во многих интеллигентных столичных кругах полагали, что по ней нечего возить, кроме войск и каторжников. Это было одной из причин, почему некий полковник Волошинов тогда совался очень назойливо всюду с проектом великой Сибирской узкоколейки, и был момент, когда он был близок к осуществлению, но, к счастью, Александром III был утвержден проект сплошной ширококолейной магистрали от Урала до Владивостока сплошь через русские владения, т. е. через Амурскую область, с обходом Байкала с юга. Соответственно этому железный путь и был начат одновременно с обоих концов, т. е. в Западной Сибири и в Уссурийском крае от Владивостока до Хабаровска. Второй стадией должно было быть сооружение железного пути по Средней Сибири, третьей — наиболее трудная часть магистрали по горному Забайкалью и последней, четвертой стадией — звено по Амурскому краю. Япония, европеизировавшись и мечтая о великодержавности, в 1890-х годах прежде всего победоносно померилась силами с отставшим Китаем. Когда это происходило, наш знакомый моряк Карл Германович Петц, один из старших братьев нашего приятеля Германа Германовича Петца, находился на военном судне в тихоокеанских водах. Он рассказывал, что в ответ на поздравления с победами японцы отвечали: «Все это хорошо, мы побеждаем, но Россия смотрит на нас — и это страшно». Япония мечтала тогда захватить принадлежавшую Китаю Корею, но великие державы

этого не допустили и подсунули ей вместо того китайский остров Формозу, а Корею объявили независимой. Япония, опасаясь России, предложила ей при восшествии на престол Николая II заключить с ней дружественный союз, но он был высокомерно отвергнут. Тогда она стала лукаво изучать все слабые стороны России и, чрезвычайно быстро обучаясь всем военным усовершенствованиям у немцев и морским у англичан, заключила с последними союз, а в то же время, чрезвычайно любезно пригласив Куропаткина на маневры, инсценировала нарочно их в самом плохом виде, чтобы окончательно усыпить бдительность России и считать себя за *quantité négligeable*. Вильгельм II, конкурируя в колониальной политике с Англией, задался целью завести немецкую колонию Киао-Чао в Китае, причем ехидно содействовал проекту спрямления Сибирского железного пути через Манчжурию, с ветвью к незамерзающему китайскому порту Артуру и с забросом Амурского участка, как кружного, уговорив Николая II взять порт Артур в «долгосрочную аренду», подобно Киао-Чао, благо это было очень удобно устроить через продажного китайского вельможу Ли-Хунг-Чанга, посетившего Нижегородскую выставку и вообще очень дружившего с Россией. Англия тогда с досады захватила непригодный Вей-Ха-Вей, Япония, захватившая было Порт-Артур еще при своей войне с Китаем, но затем его невольно очистившая, внутренне, конечно, взбеленная, но с азиатским коварством вида не показала и окончательно стала лихорадочно подготавливаться к войне при содействии сначала Англии, а потом и Соединенных Штатов Северной Америки, заинтересованных в ослаблении России на северо-восточных тихоокеанских побережьях, куда они в изобилии доставляли свои товары в обмен на сырье туземцев и где они одно время добивались железнодорожной концессии на соединение с Сибирским железным путем у Канска и туннелем под Беринговым проливом. Когда же Россией были получены от Китая лесные концессии на пограничной между Манчжурией и Кореей р. Ялу, это окончательно переполнило чашу терпения Японии.

В нашем министерстве финансов в начале 1900-х годов маньчжурскими делами заведовал товарищ министра Петр Михайлович Романов, которого в шутку называли «министром колоний». Он, впрочем, находил, что за последнее время у нас развелось, к сожалению, как он говорил, «слишком много маньчжуриков», и это добра не принесет. Секретарем у Романова был высокий рыжеватый блондин Леонид Иванович Бородовский, мой ровесник, отличный географ-картограф, из запасных офицеров дальневосточных войсковых частей, умный, способный, очень культурный и хороший человек. Ему Романов поручил составление карты Манчжурии. Когда она была отпечатана, Бородовский, не знакомый еще со мной, однажды принес ее мне на службу и просил дать о ней отзыв в «Известиях» Русского Географического общества. Рассмотрев карту с полным вниманием, я удивился, как она толково и хорошо составлена, и дал о ней очень сочувственный отзыв в «Известиях». На его основании, уже без моего ведома, медальная комиссия при отделении физической географии присудила Бородовскому серебряную медаль чуть что не имени моего отца. Он был очень этим польщен, и с тех пор завязалось мое знакомство и приятельские отношения с ним. Женат он был на симпатичной финляндке, по имени Карин Александровне, и имел от нее двух детей — сына, вскоре умершего от дифтерита, и дочь. Мы познакомились семьями, и я как-то навестил его во время его пребывания с семьей на даче в Сестрорецке, где мы вместе слушали симфонический концерт под управлением превосходного чешского дирижера В. И. Сука. Бородовский был большим почитателем русской музыки и в этом сходилась со мной. Регулярно следить за жизнью русской музыки, как то было в мои студенческие годы, при моей постоянной занятости и недостатке средств, я уже не мог; субботы у Ламанских хотя и продолжались, но «членов общества добровольных клакеров»

и музыки на них уже не было. Единственное место, где это продолжалось, были изредка вечера на квартире служившего в министерстве финансов моего бывшего университетского товарища В. И. Бельского, ставшего либреттистом и другом Н. А. Римского-Корсакова. Он меня с Верой на них приглашал, и мы там слышали кое-какие новости, по преимуществу отрывки из новых опер Римского-Корсакова в исполнении Забелы-Врубель и др. и встречались с И. И. Лапшиным, В. В. Ястребцовым, Р. И. Бельским и его женой Лидией Григорьевной и с некоторыми другими старыми знакомыми, а, кроме того, изредка бывали и у женившегося на пианистке Варваре Александровне Качинской Александра Васильевича Оссовского, где тоже слышали музыку. Помню, как однажды днем у В. И. Бельского я встретил Н. А. Римского-Корсакова, с которым и поспорил на тему о влиянии географической среды на творческие способности и самое творчество. Для него эта мысль была слишком неожиданна, а я, хотя ею уже интересовался, но еще мало продумал и не имел под рукой достаточного количества убеждающих фактов, а потому говорил слишком общо. Если бы мне случилось повидаться с ним после того еще несколько раз, то я убежден, что он со мною согласился бы (это я заключил впоследствии, прочтя его «Летопись моей музыкальной жизни»), да кроме того, меня впоследствии в этом горячо поддержал А. В. Оссовский, у которого накопился постепенно богатейший запас музыкальных примеров для того. К началу 1900-х годов относится мое увлечение писателем А. П. Чеховым, ставшим, наряду с Римским-Корсаковым, моим любимцем. У Чехова я увидел, как можно двумя-тремя меткими штрихами дать яркую, незабываемую картину самого сложного пейзажа и двумя-тремя комичными и столькими же трагичными краткими рассказами о поведении данного человека ярко, незабываемо охарактеризовать весь его духовный облик, без тягучих лирических повествований, рассуждений и анализов с копаниями в душе.²

²Впоследствии я осознал, что корни моего увлечения Римским-Корсаковым и Чеховым были, в сущности, одни и те же, и что между ними обоими можно провести полную параллель, как это ни кажется странным на первый взгляд. Дело в том, что родоначальником русской самобытной изящной литературы был Пушкин, а его братьями в поэзии был Тютчев, в прозе — Гоголь. Старшим литературным сыном Пушкина в поэзии и прозе был Лермонтов, следующим — Алексей Толстой и Некрасов, в прозе — Тургенев, Лев Толстой, Достоевский, Гончаров, а младшим из «стаи славной» сынов Пушкина, последним из великих классиков-прозаиков — Чехов, унаследовавший полностью пушкинскую лаконичность стиля и тонкость письма. Родоначальником русской самобытной музыки был Глинка, а его братом — Даргомыжский. Композиторскими сынами Глинки были Балакирев, Бородин, Мусоргский и младшим — Римский-Корсаков, последний из «стаи славной», сынами же Даргомыжского были Кюи и Чайковский. Далее пошли уже внуки Пушкина и Глинки в полном смысле — «племя младое, знакомое» обоим великим основателям школ. Римский-Корсаков в молодости показал себя, с одной стороны, блестящим природным оркестратором, а с другой — изумительным романсистом, у которого текст органически слит с музыкой, необычайно строгой, а также стал обнаруживать задатки крупнейшего фантаста и музыкального пейзажиста. Из всех наследников Глинки он один пользовался наибольшим признанием противников, как то видно из критики Серова. Это способствовало его раннему успеху и доставило ему рано звание профессора консерватории. Начав серьезные занятия с будущими учениками, он забыл о своих личных успехах, вдался в самокритику и, найдя, что он слишком мало еще сам образован музыкально, добровольно снизил в следующее десятилетие до минимума личную композиторскую продуктивность, занявшись для упражнения сочинением множества фуг и других композиторских трудностей, чем привел в восторг Чайковского. Затем, буквально «в два счета», взяв изумительные тексты Гоголя и Островского, он в «Майской ночи» и «Снегурочке» — особенно в последней, написанной с необычайной быстротой, в редком сплошном подъеме вдохновения и поэтического порыва — достиг небывалых еще вершин музыкального творчества, после чего его композиторская продуктивность, постепенно повысившись количественно и приобретя виртуозность, держалась на одном приблизительно уровне до самой его смерти. Чехов, начав с целого водопада мелких, в значительной мере удивительных по тонкости, изяществу, наблюдательности, юмору и пейзажности рассказов, которые сразу же доставили ему громкую славу, не увлекся последней, а также вдался в самокритику, свел до минимума

Лето 1902 года было дождливое и прохладное, хорошая погода была лишь в мае. В апреле Штруппы наняли себе дачу в совершенно новом тогда дачном поселке Кезеве между Старо-Сиверской и Ново-Сиверской, и мы наняли себе дачу Фомина тоже в Кезеве неподалеку от них, а рядом с нами большую дачу сняли пополам Ламанские и мой сослуживец Григорий Александрович Сластион со своей симпатичной женой Анной Адамовной, рожденной Добровольской, и дочерью Лёлей, ровесницей нашего маленького Романа. Штруппы переехали на дачу в первых числах мая, и я вместе с Г. Г. Толпыго ездил к ним на именины Николая Мартыновича 9 мая. Мы сами и Ламанские переехали на дачу значительно позднее. У нас была кухарка Василиса родом из Юхновского уезда Смоленской губернии, маленькая худощавая женщина с большой, круглой головой. Она была очень некрасива, и в ней было что-то лягушечье. Была она честна и порядочна, но имела пристрастие к выпивке, в особенности на дорогу. Приехав на Сиверскую и не заметив, что она нетрезва, мы поручили ей получить багаж и привести его на подводе, а сами с няней и детьми поехали налегке, тем более что уже наступал вечер. Приблизительно через час приехала на подводе Василиса. При приемке вещей оказалось, что одной вещи она спяна недополучила, а квитанцию сдала. Наутро я пошел пешком на станцию из Кезева, чтобы спросить, что мне делать, так как квитанция сдана и я не могу доказать, что получил не все вещи. Начальник станции отрывисто сказал мне: «Пойдемте». Мы с ним вдвоем пошли к пакгаузу, он его отворил и спросил: «Какая вещь ваша?» Я указал. Он лишь столь же кратко сказал: «Берите». Я взял нашу вещь и спросил: «Больше ничего не нужно делать?» Он ответил: «Ничего», и запер пакгауз. Отсутствие формализма меня поразило.

Погода большею частью была в то лето настолько дождливая, и дороги настолько грязны, что извозчик предлагал как-то В. И. Ламанскому перевезти его на другую сторону шоссе за двугривенный, а мы с детьми ходили почти исключительно внутри канав, где было все-таки суше, чем на шоссе. Однажды я ехал со станции Сиверской в Кезево по грязному шоссе на извозчике. Не доезжая Старо-Сиверской, я заметил на шоссе автомобиль, безнадежно увязнувший в грязи недалеко от усадьбы барона Фредерикса. Из него вышел в грязь министр двора генерал Фредерикс, почему-то в штатском костюме, пальто и котелке и помогал шоферу. Тут я оценил преимущество езды на извозчике в некоторых случаях. Навестивший Н. М. Штруппа в Кезеве Константин Васильевич Николаевский на чей-то

добровольно свою литературную продуктивность, найдя, что он слишком мало еще литературно образован, и, изучая других, постепенно стал вырабатывать самостоятельные большие вещи. Римский-Корсаков во втором периоде налег на оперу, Чехов — на драму. Впрочем, у Римского-Корсакова во втором периоде был, «по дороге» и кратковременный возврат к новой блестящей серии романсов, а у Чехова возвращения к мелким рассказам не было, вероятно, потому, что он слишком много произвел их в юности. У обоих были далекие путешествия — Римский-Корсаков совершил полукругосветное плаванье, Чехов — путешествие морем на Сахалин. У обоих они отразились на творчестве. Римский-Корсаков сразу же достиг в начале второй половины своего творчества в «Снегурочке» таких вершин, каких Чехов все же не достигал в своей второй половине, несмотря на все свои серьезнейшие приготовления. Объясняется это тем, что композитор в таком случае поставлен в более выгодные условия, чем литератор, потому что он может вдохновляться для своего творчества уже гениальными готовыми шедеврами литературы, тогда как литератор должен творить все заново только из сырого материала — наблюдений жизни — настоящей или прошлой. Кроме того, Римский-Корсаков дожил до 64 лет, тогда как Чехов — всего до 44, т. е. Римский-Корсаков имел для творчества на 20 лет больше времени. Имей их Чехов, и доживи он до революционной эпохи, он, наверное, дошел бы до таких же грандиозных шедевров творчества, что и Римский-Корсаков. Разница между ними та, что Римский-Корсаков в сюжетах, как и вообще все музыканты, был обращен назад лицом — к истории и доистории, тогда как Чехов — к современности своей эпохи. Независимость, скромность и благородство характеров и любовь к природе у обоих были одинаковы, так же как и умеренность и трезвость личной жизни.

вопрос, как ему понравилась Сиверская, ответил, что ужасно не понравилась, так как масса комаров ростом в целый дюйм и нет проходу от граммофонов. Мы с В. В. Ламанским делали, несмотря на ненадежную погоду, подчас далекие экскурсии пешком, как напр., к какому-то огромному валуну в глухом лесу или на озеро Орлино. Хозяин большой дачи, где жили Ламанские, повадился резать поросят и кур у самого балкона в то время, когда они там обедали, и протесты их мало помогали. Ближе к концу лета, как всегда бывает в дождливые сезоны, появилась масса грибов, но их немилосердно собирали многочисленные дачники под самым носом. Тогда я облюбовал крутой, высокий лесной косогор над р. Оредежью между Кезевым и Ново-Сиверской, куда никто из дачников не заглядывал, и, ходя по нему зигзагами сверху до низу, набирал каждый раз наверняка массу хороших грибов. Через некоторое время мне навстречу стал ходить за грибами какой-то дачник из Ново-Сиверской. Желая меня поугагать, он то и дело стал стрелять в воздух из револьвера то в одном, то в другом месте в кустах. Поняв его хитрость, я не обращал на его выстрелы никакого внимания и продолжал по-прежнему собирать грибы. Таким образом я переупрямил и отвадил моего конкурента и остался до конца лета монополистом по собиранию грибов на этом косогоре.

Верина сестра Ольга Владимировна была помолвлена с сыном известного земского статистика Василия Ивановича Покровского И. В. Покровским, и осенью состоялась свадьба. Иван Васильевич, окончив университет, был музыкантом малого масштаба, учеником Н. А. Римского-Корсакова по композиции, но не талантливым и с большим самолюбием, в общем, мало удачным. Он очень дружил со столь же мало, если еще не менее, талантливым и мало удачным композитором Семеном Викторовичем Панченко, старавшимся быть вечно остроумным, и вообще любил собирать у себя уютную маленькую компанию друзей — маленьких музыкантиков, артистиков, эстетов, маленьких журнальных писателей, с вечными потугами на мелкое зубоскальство и утонченное дешевое остроумие, несколько сального характера, упадническое. Среди компании были актеры Гейдебуров с женой Скарской (сестрой В. Ф. Комиссаржевской), комик Клеманский, далее, критик Альфред Павлович Нурок (про которого Н. А. Римский-Корсаков говорил: «Ступайте к Нурку»), ученицы Ив. Вас. пианистки еврейки сестры Штембер, одна из которых уже тогда была замужем за журналистом евреем Румановым, а другая впоследствии вышла замуж за журналиста еврея Шпитцера, журналист еврей Осип Дымов, сын нашего университетского профессора физики неудачник Константин Петрович фан дер Флит, мой племянник Леонид Дмитриевич Семенов, тогда поэт (впоследствии друг Толстого), Сергей Константинович Маковский, гимназический товарищ брата Измаила известный поэт и беллетрист Михаил Кузмин и др. Н. М. Штрупп и В. В. Ламанский относились к этому сообществу свысока, но Ольге Владимировне эта компания нравилась, и она чувствовала себя счастливой. Однако замужем в первый раз она была всего около 4-х лет, ибо Иван Васильевич скоро ослеп и умер от чахотки. Он был одним из основателей общества под названием «Вечера современной музыки», где усиленно культивировались маленькие вещицы так называемых музыкальных импрессионистов и декадентов, русских и иностранных. Будучи уже совсем слабым, Иван Васильевич иногда возвращался с «Вечеров современной музыки» с Большой Морской к себе домой в Гусев переулок на извозчике, нанятом ему друзьями, совершенно один, ибо Ольга Владимировна музыки не понимала и скучала на этих вечерах. Раз, на его беду, попался ему совершенно глухой извозчик. Он, однако, не смутился и по звуку пересекаемых коночных рельсов, определял, какую улицу переехал извозчик, указав ему в конце концов тросточкой подъезд своего дома, где его и встретил швейцар. Вообще, Иван Васильевич,

при очень плохом здоровье, отличался необычайной жизненной цепкостью и, чувствуя, что ему долго не прожить, старался обеспечить своей жене выход замуж за кого-либо из своих приятелей после своей смерти, но на этот раз безуспешно. После его кончины его друзья продолжали навещать Ольгу Владимировну, и однажды она проговорила с Панченко с раннего вечера до 10 часов утра, не смыкая глаз, т. е. 14 часов подряд.

Вообще, в самом начале XX века, при всяком мироискусничестве, богоискательстве и т. п. течениях, желание быть как можно остроумнее и казаться умнее себя и как можно изысканнее было в большой моде как среди незначительных людей вольных профессий, так и среди прогрессивной части чиновничества. Тянулись, желая перещеголять друг друга. Вместе с тем, отношение к серии политических убийств наиболее реакционных из царских министров и высокопоставленных лиц, начавшихся убийством министра народного просвещения профессора Боголепова, «испуганного судака», как его называли в публике, было совершенно иным, абсолютно не похожим на настроения при аналогичных событиях в начале 1880-х годов. Очевидно, знаменитая глупая фраза о «бессмысленных мечтаниях» сделала свое дело. Особенно это было заметно при известиях об убийстве Плеве и в. кн. Сергея Александровича, Ходынку которого все отлично помнили. Вообще бюрократический строй изживал себя с необычайной быстротой. Ему не доставало только профанации власти сверху, которая и последовала через десяток лет спустя со всяким распутничеством.

В те же годы увлекательной новостью в театральном мире были гастроли Московского художественного театра Станиславского. Мы с Верой видели в его постановке «Юлия Цезаря» Шекспира (я, впрочем, видел его раньше в немецкой постановке мейнингенской труппы), «Три сестры» и «Вишневый сад» Чехова. Все это нам чрезвычайно понравилось. На представлении «Юлия Цезаря», когда мы сидели в креслах партера, сцена грозы на форуме была разыграна так реально, что Вера, во время сильнейших молний и ударов грома, вдруг нечаянно схватила меня за руку и привстала, точно для того, чтобы куда-то укрыться. Особенно сильное впечатление производили Качалов — Юлий Цезарь, Марк Антоний — Вишневский, очень хорош был и Брут — не помню кто. В «Вишневом саде» отличались Станиславский — Гаев и жена Чехова Книппер — Раневская.

Кроме того, зимой мы не раз посещали театр-фарс, где с громадным успехом подвизался талантливейший комик Ленни. Это был псевдоним: настоящая его фамилия была Алфузов. Подвизался он сравнительно недолго и умер от чахотки. Вспоминаю какой-то глупейший фарс, самого содержания которого усвоить было невозможно. У меня сохранилось яркое воспоминание о том, как Ленни являлся в нем в виде американского «миллиардера». На нем был летний костюм канареечного, ярко-желтого цвета, и на всех десяти пальцах рук — крупные перстни с фальшивыми бриллиантами. Он не говорил почти ничего, кроме каких-то неопределенных английских звуков, и размахивал обеими руками, отчего бриллианты производили невероятный блеск. Театр катался со смеху. Затем он отличался в «Ниобее» или «Мраморной гувернантке» — фарсе английского происхождения. Особенно хорош был финал, где он со страху закутывался в простыню и со своей рожей изображал статую плачущей Ниобеи. Потом еще в каком-то третьем фарсе Ленни с Гориным-Горяиновым (отцом), у которого была благородная наружность, бесподобно изображали двух пожилых мужей, которых старая супруга Горина-Горяинова, комическая артистка Варламова внезапно накрывала за кутежом в ресторане. Очень хорош был и Пальм в каком-то фарсе французского происхождения, где он изображал старого профессора, обдуваемого обожающими его двумя учениками и его молодой, глупой женой. Бывали мы изредка и в оперетке и видели известную Бетти Стоян в «Wiener Blut», «Гейше» и пр. Позднее, когда появился конферансье

Балиев со своей «Летучей мышью», мы тоже были там, а также видели и босоножку Айседору Дункан. На этом представлении присутствовала в публике, между прочим, артистка Л. Д. Кобеляцкая-Ильина.

Работы статистического отделения и мои личные по разработке материалов промышленного обложения, составлению таблиц и описаний торговли и промышленности и стенной торгово-промышленной карты Европейской России по районам шли полным ходом, а сверх того у меня продолжалась редакторская работа по девриеновской «России». Я не был связан на службе совершенно строго определенными часами и иногда являлся после того, как все уходило из отделения. Это было даже лучше для работы, так как меня тогда никто от нея не отрывал. Засидевшись однажды, я, ввиду того, что главный вход был уже заперт, спустился быстро вниз по черному ходу. Руки у меня были в толстых теплых перчатках. Ведя одной рукой по деревянной части перил, я вдруг почувствовал, что мою правую перчатку пронзила огромная заноза и со всего маху вонзилась в ладонь. Было темно, и вытащить ее не было никакой возможности. Придя домой, я показал занозу Вере, и она посоветовала мне, поев ждавший меня обед, тотчас же идти к первому попавшемуся врачу. Вблизи от нас жил врачебный инспектор. К нему я и позвонил, да притом слишком сильно. Инспектор открыл дверь сам, и мне от него попало за слишком громкий звонок. Осмотрев мою занозу, он взял какой-то стальной крючок, похожий на вязальный, засунул его в рану от занозы почти на полдюйма, стал мне там что-то ковырять при отчаянной боли и вытащил грязную обломанную щепку длиной около полдюйма, а затем строго сказал мне, чтобы я утром непременно шел в больницу к хирургу профессору А. А. Троянову, промыл и забинтовал мне руку. Когда утром я пришел к Троянову, последний был на какой-то тяжелой операции. Пришлось ждать его часа полтора. Наконец Троянов пришел страшно усталый и измученный, так что мне было неловко, что я его побеспокоил в такую неудобную минуту. Он взял молча своими могучими пальцами мою ладонь и изо всей силы стал ее давить, так что снова стало очень больно. Не выдавив, однако, ничего, он сказал, что врачебный инспектор, по-видимому, вытащил все, что мне ничего пока больше не надо делать, как только держать руку забинтованной в чистоте; если же появятся боли, то прийти к нему, и он вскроет рану. Я так и сделал. Никаких болей целый месяц не было, а потом совершенно безболезненно появился маленький нарывчик. Я его подавил чуть-чуть пальцем, и из него вдруг выскочил грязный конец щепки, длиной не меньше сантиметра. Тем дело и кончилось. Резать не пришлось. Очевидно, у меня кровь не восприимчива к заражению, и если бы я жил несколькими веками раньше, я не погиб бы от него в случае поранений в битвах.

Осенью 1902 года у Штрушпов родилась дочь Наташа, которую крестила Вера. Весной 1903 года, когда сошел снег, и реки были в полном разливе, я с Николаем Мартыновичем отправился нанимать дачу близ ст. Преображенской Варшавской железной дороги. Переправившись на пароме через сильно разлившуюся в нижнем течении реку Оредеж, мы приехали в усадьбу Затуленье, принадлежавшую помещице Тимофеевой. Там оказался весьма интересный двухэтажный деревянный дом темно-шоколадного цвета, построенный еще в конце XVIII века и с тех пор сохранившийся в неприкосновенности. Этот дом впоследствии был воспроизведен фотографически в журнале «Старые годы» или в «Столице и усадьбе» — точно не помню, где именно, с пояснительным текстом, а я его в 1903 г. зарисовал акварелью на открытке, посланной сестре Веры Насте. Во всех комнатах дома полы покосились настолько, что вещь, уроненная в одном углу, непременно сама собой перекатывалась в противоположный угол комнаты. В одной комнате сохранялись синие обои 1850-х годов. В комнатах было немало старинной мебели красного дерева — шкафы, комоды, туалеты,

диваны, кресла, стулья, столы с зеленым сукном на одной ножке — для игры в ломбер; наконец, клавесины, на которых играла хозяйка, чувствительно распевая старческим голосом старинные романсы Варламова, Гурилева и «Соловья» Алябьева. Она жила в одной половине нижнего этажа, а другую его половину и весь верхний этаж сдавала дачникам. Дом имел тенистый двор с круглым лугом посередине, на котором росли вековые деревья, а по другую сторону была чудесная терраса, наполовину застекленная, с огромными, толстыми белыми деревянными колоннами, шедшими и во второй этаж, где над нижней террасой был открытый балкон с крышей во фронтоне. Вокруг террасы была масса сиреневых кустов. Перед домом были два вековых дуба, от которых вниз круто спускалась узкая вековая липовая аллея; по обе стороны ее на склонах были куртины с яблонями, а дальше — группы кустов, высоких дубов, елей, берез и различных других лиственных и хвойных деревьев. Сверх того, в усадьбе был на некотором расстоянии старинный маленький деревянный флигель. Когда цвели сирень и яблони и пели соловьи в кустах, обстановка вокруг террасы была вроде чеховского «Вишневого сада». От дома открывался чудный вид на параллельную реке Оредеж узкую долину с двумя длинными, узкими озерами (очевидно, староречьями Оредежа), разделенными перешейками, к которым и спускался круто сад. На противоположном берегу озер рос также круто спускавшийся к ним старый смешанный лес. Долина давала многократное эхо. Одним боком дом стоял очень близко от деревни Затуленья, тенистая улица которой тянулась параллельно Оредежу, текшему в широкой долине среди лугов. С одного возвышенного пункта шоссе, не доезжая усадьбы Затуленья, открывался назад на уходившую на запад оредежскую долину изумительный вид: она вся была испещрена среди заливных лугов узкими поперечными лентами воды, вроде шитья на придворных мундирах: это бесчисленные излучины реки Оредежа, между которыми нередко всего каких-нибудь несколько сажень, а для того, чтобы на лодке попасть из одного колена в другое, надо проехать версту, две, коли не больше. Подобное блуждание реки я видел только однажды — на фотографиях забайкальской реки Аргуни. За долиной Оредежа на другом тоже круто поднимающемся берегу рос сплошной старый лес. Это — Зачеренье — имение Александро-Невской лавры, купленное ею у ученика покойного Н. А. Гоголинского Штрауса, о котором я упоминал выше. Там изредка попадались даже медведи, и монахи приглашали на охоту за ними в. кн. Владимира Александровича. Затуленья соединялось со ст. Преображенской чудесным 10-верстным шоссе, шедшим почти сплошь в лесу параллельно долинам Оредежа в пойме, с лиловыми касатиками (ирисами) среди деревьев. Близ впадения р. Оредежа в р. Лугу находилась заводская усадьба Плоское, со стеклянным заводом, принадлежавшим Бекману. Несколько ближе к Затуленью была еще дача Муселиуса, построенная на участке, недавно купленном им у Тимофеевой.

Понятно, что мы с Николаем Мартыновичем пришли в полный восторг от такого богатого и поэтического уголка, каким было Затуленья, и тотчас же наняли там дешево сдававшееся помещение, причем Штруппы заняли низ, а мы — верх. Лето было хорошее, довольно теплое. Штруппы переехали на дачу с маленькой Наташей раньше нас — в мае и говорили, что там «прямо рай». В деревне Затуленья свирепствовал среди детей коклюш. Штруппам это было известно, но они нас об этом почему-то не предупредили, и мы ничтоже сумняшеся, водили наших детей с няней Меланьей гулять нередко через деревню. Вскоре оба наших сына почти одновременно захворали коклюшем, который был особенно силен у Володи. Штруппы перепугались за свою Наташу и поспешно сбежали, наняв первую попавшуюся дачу, кажется, в Шалове, около города Луги. Тогда мы переехали в нижний этаж дома и написали Ламанским, приглашая их приехать и занять опустевший верх. Че-

рез некоторое время Владимир Иванович, Настя и Сережа приехали и провели с нами в Затуленье большую часть лета. Кроме того, у нас гостила несколько дней Верина тетушка Олимпиада Ивановна Поленова, сестра Владимира Ивановича, имевшая обыкновение ездить от времени до времени по Оредежу на пароходе от Преображенской в Ям-Тесово, возле которого в Селах было именице ее бездетного брата Александра Ивановича Ламанского, с женою которого она была очень дружна. Когда в Затуленье приезжали продавцы с целыми возами яблок, и их спрашивали, откуда у них плоды, они говорили: «Откуда же, как не от Ламанского». Действительно, фруктовый сад в Селах славился на весь Лужский уезд. Затем в Затуленье к нам приезжал брат Андрей, чтобы охотиться с сыном владельца Плоского, энтомологом Юлием Ивановичем Бекманом. Когда коклюш у детей стал проходить, то по совету местного земского врача, мы для ускорения выздоровления по часам держали их в сосновом бору на крутом песчаном берегу Оредежа, у которого проходили оредежские пароходы. Этот подъездной к железной дороге пароходный путь был весьма оригинален. Пароходы, коротенькие, высокие, в два этажа, с каютами, винтовые. На Оредеже такие крутые завороты, что им прямо не повернуть. Тогда они упирались носом в песчаную отмель и поворачивали, пятась боком. Раз в пьяный праздник такой пароход перевернулся вверх дном вследствие того, что вся публика, не слушая команды, перекинулась на один борт, и было много жертв. На этих пароходах я пробовал ездить вверх и вниз по реке, оба раза с приехавшим к нам В. В. Ламанским. Раз мы с ним сели на пароход на соседней с Затуленьем пристани Перечицах и доехали вверх до узких длинных озер, через которые протекает на полпути от Ям-Тесова река Оредеж, там, где ныне она пересекается витебской железнодорожной линией. Другой раз мы с ним поехали на пароходе на ст. Преображенскую и там пересели на другой пароход, совершающий рейсы вниз по р. Луге до с. Хилок, и на нем доехали до первой пристани, близ которой в довольно глухой местности жил в уединенном домике мой бывший гимназический учитель истории, ученик В. И. Ламанского, Василий Александрович Кракау со своей гражданской женой и двумя сыновьями, в то время небольшими мальчиками. Он был очень рад нашему посещению [2]³. Грибов было много. Я, по рязанской привычке, собирал их с большим успехом по лесным опушкам, по которым северные собиратели грибов не имеют обыкновения ходить. Затем мы как-то компанией ездили на озеро Мерево и на соседнее с ним живописное озеро Троицкое, где две озерные лопасти сливаются под прямым углом, и на этом мысу среди зелени высится церковь. Вообще, несмотря на детский коклюш, лето было приятное и удачное. В Оредеже была хорошая рыбная ловля, которой мы иногда занимались. Так как у меня была в статистическом отделении работа в течение всего лета, то я в те времена поступал так: не беря отпуска, я три дня подряд в неделю усиленно работал в городе, а на другие дни и воскресенье ездил на дачу. Я был молод и этим не тяготился.

Осенью Вера снова стала ждать уже четвертого ребенка. Василиса как-то раз очень вскоре после того, забыв вычистить машинку для котлет, дала там основательно загнить остаткам мяса и затем сделала форшмак с изрядным количеством токсинов. Когда, не сказав нам ничего, она угостила им меня с Верой, у нас обоих сделалось очень резкое отравление, продержавшееся несколько дней, так что пришлось прибегнуть к помощи гунгербургского врача Круга, проживавшего по зимам в Петербурге. Вследствие этого беременность Веры сама собой прекратилась, Вера была больна довольно долго, и больше детей у нас уже не было. В 1903 году вышли в свет VII и XVIII тома девриеновской «России». Оба

³Примечания редактора помещены на стр. 140.

тома были написаны почти сплошь приглашенными сотрудниками, и на мою долю досталась преимущественно лишь редакционная работа. По XVIII тому часть сотрудников жила в Омске, и мне пришлось сносить с ними почтовым порядком.

Великий мудрец и провидец Ф. М. Достоевский приблизительно еще в годы моего появления на свет писал в «Бесах»: «Россия — страна нищая, деревянная и опасная, страна тщеславных нищих». Действительно, нигде не было такого неуважения к традициям, даже к захоронениям мертвых, такой ленивой рутины, таких длительных и прочных периодов реакций, такой безумной порки горячек в деятельные периоды, таких бросаний многолетних неоконченных трудов, таких откладываний всякого дела в долгий ящик, таких кое-как, авось да небось, такой неуверенности в завтрашнем дне у всякого серьезного труженика, нигде люди с таким философским спокойствием не говорили: «все прахом пошло». Один член Географического общества, инженер путей сообщения, покойный Сергей Николаевич Сысоев сравнивал Россию с деревцем на деревенском выгоне, которое обламывают, общипывают и подпаливают немилосердно все, кому только не лень; и все-таки у него, корявого и нищего, откуда-то находится еще достаточно соков, чтобы как-то расти. При таких условиях можно было уверенно рассчитывать только на чисто индивидуальную работу, в которой сам являешься полным хозяином от начала до конца, при большой же, совершенно новой коллективной работе всегда была неуверенность, удастся ли довести ее до благополучного конца, и нельзя было точно рассчитать срока окончания, в особенности, если работа, как это было у нас в статистическом отделении, хотя и главная, но сверхурочная, и ее ничего не стоило бы в любой момент совсем прекратить одним росчерком пера со стороны начальства. Таким образом, всякие перемены в начальствующем составе учреждения, где производилась работа, невольно грозили ей дамочным мечом, и это заставляло инициаторов и носильщиков идеи работы постоянно тревожиться за ее участь.

Такое настроение было и у меня, когда вскоре после начала работ по торгово-промышленному описанию России два главных руководителя финансового ведомства — Витте и Ковалевский — один за другим ушли. Впрочем, их заменили их же бывшие соратники В. Н. Коковцов и В. И. Тимирязев — и дело продолжалось. В это время было известное недолговечное «бюджетное благополучие», основанное, правда, больше всего на казенной винной монополии. Помню, как свое ежемесячное жалованье без квартирных, столовых и фиксированных наградных, в размере 106 рублей, я получал не иначе как в виде стопки из 10 золотых червонцев, одной золотой пятирублевой монеты и одного серебряного рубля, отягощавших мой карман при совершенно пустом бумажнике. Вид это имело чрезвычайно шикарный. Помню, как однажды у Веры в ящике из такой стопки завалился незаметно в угол один позабытый червонец, и какую радость доставило нам его случайное открытие там спустя некоторое время.

В конце января 1904 года, как снег на голову, обрушилась русско-японская война. Вспоминаю, как газетное известие о ночной атаке, приковавшей навсегда наш флот к Порт-Артуру, и о потоплении японцами «Варяга» и «Корейца» в корейском порту Чемульпо облетело все министерство финансов во второй половине присутственного дня. Погода была пасмурная, хмурая, и в окна министерства на Дворцовой площади были видны смущенные, беспокойные, растерянные толпы прохожих, жадно расхватывавших у газетчиков роковое известие. После 20-летнего всеобщего самоуверенного убеждения, со времен присоединения Мервского оазиса и Памира, в несокрушимой военной мощи России, настроение сразу же получилось именно то, которое тогда поэт-философ Владимир Соловьев так удачно выразил в стихах:

О Русь, забудь былую славу,
Орел двуглавый сокрушен,
И желтым детям на забаву
Даны клочки твоих знамен.

Я сразу же почувствовал стихийно-бедственное приближение чего-то необычайно грозного, точно какие-то зловещие, мощные взмахи огромных черных крыльев неумолимой судьбы. Мой двоюродный дядя Иосиф Васильевич Коссович командовал подорванной минами «Палладой» в эту злосчастную ночь. Было жутко за него. После этого длительная, упорная борьба за Порт-Артур, поглощавшая всеобщее внимание, с редкими лишь недолгими просветами, как, например, при потоплении японских броненосцев «Хатсусе» и «Яшима». А 31 марта, в мои именины, снова последовала страшная катастрофа с потоплением «Петропавловска» и трех героев на нем — С. О. Макарова, М. П. Моласа (которого я знал по музыкальным вечерам у его брата Николая Павловича в 1890-х годах) и художника В. В. Верещагина. Наиболее талантливый и крупный исследователь Тихого океана вообще и самый талантливый из военных вождей японской войны, считая и японцев, красавец адмирал Макаров погиб и был почтен неприятелем объявлением однодневного траура с приспущенными флагами в японском флоте, погибли вместе с ним и два преданнейших друга — один — безукоризненный храбрый моряк, другой — крупный батальный художник-реалист, а никчемный великий князь Кирилл Владимирович тут же спасся — это ли не превратности судьбы? Невольно вспоминались слова Жуковского в переводе баллады Шиллера: «Нет великого Патрокла, жив ничтожнейший Терсит».

Затем последовала и злосчастная сухопутная часть войны с Ляодуном, Мукденом, Куропаткиным, Линевицем и пр. Л. И. Бородовский как бывший дальневосточный офицер рвался на войну с первых же ее дней, но Романов его не пустил, заказав ему немедленно новое, улучшенное и дополненное издание карты Манчжурии (ибо первое моментально разошлось до тла). В этом издании должны были быть использованы все новейшие источники, включая и японские, и Бородовскому были открыты самые секретные части картографии военного и морского ведомств. Для ускорения срочной работы он самолично чертил ее всю на столе в своем служебном кабинете в министерстве финансов утром, днем в присутственные часы и вечером, тут же принимая посетителей и препровождая их к Романову. К нему часто заходили его друзья, среди которых были ботаник Иван Владимирович Палибин, ориенталист приват-доцент восточного факультета университета Котвич, я — ради кратковременного отдыха от своей торгово-промышленной работы и др. Бывало, когда все уйдут, и мы останемся с ним вдвоем одни, Бородовский показывал доверительно мне, как географу-картографу, секретные источники, которыми он пользовался и среди них карты Манчжурии, снятые с убитых японцев. Мы сравнивали их с нашими секретными картами, и при этом оказывалось, что они представляют точные их, грубые, наскоро напечатанные копии без каких бы то ни было добавлений, лишь с японскими надписями, которые по характеру письмен столь непрактичны, делая карты слепыми, и совершенно к ним не идут. Вот вам и секрет полишинеля! Стоило из-за него копыя ломать? В это время до нас с Бородовским дошла новость, что с перепугу были безусловно запрещены к продаже бывшие у всех интересующихся, свободно продававшиеся дотоле военно-топографические крупномасштабные карты географически противоположного западного пограничного пространства империи, в то время, когда у нас с Германией были наилучшие отношения, и она нам тайно помогала в войне. Когда, года два позже, я спросил как-то в совете Гео-

графического общества топографического генерала Николая Дмитриевича Артамонова о причинах такого явления, он лишь сконфуженно ответил: «Да уж очень упорно настаивал Варшавский военный округ — пришлось уступить, хотя это явная нелепость».

Бородовскому, к глубокому прискорбию всех его знавших (а он был очень общительным и популярным человеком), недолго было суждено жить. Его жена Карин Александровна через два года, весной 1906 года, серьезно заболела, и ей пришлось делать гинекологическую операцию, исход которой был очень сомнителен — настолько было у ней критическое положение. Леонид Иванович страшно беспокоился о жене и не обратил внимания на повторившейся у него самого в это время острый приступ аппендицита. В результате его самого пришлось спешно отвезти в больницу, и в тот момент, когда жена его стала решительно поправляться, он скончался, сидя на постели. Карта Манчжурии выдержала четыре издания.

В 1903 году, после смерти в 1899 г. профессора географии Петербургского университета Эдуарда Юльевича Петри, редактировавшего с 1897 года большой настольный переводной с немецкого географический атлас мира издания Адольфа Федоровича Маркса, этот труд приостановился. Маркс, озабоченный его продолжением и окончанием, приехал к моему отцу за советом, надеясь, что он возьмет на себя редакцию атласа. Петр Петрович посоветовал ему пригласить редактором меня, что Маркс и сделал. В ответ на его предложение я попросил для ознакомления образцы уже отпечатанных и корректируемых карт. Просмотрев их, я убедился, что они требуют значительных поправок и изменений, в особенности карты России, ибо Петри географию России знал хуже всего. Маркс не соглашался, ссылаясь на и без того слишком большие затраты на издание, и стал соблазнять меня какой-то очень крупной суммой на редакцию. Я ему категорически ответил, что какую бы сумму он мне ни предлагал, я соглашусь подписать свое имя только в том случае, если карты России будут радикально переделаны. Маркс ответил, что я его привожу в отчаянье. Я ему сказал, что, если он мне не верит, то пусть обратится за проверкой моего мнения к кому-либо из географов-картографов, например, к Ю. М. Шокальскому. Он никогда о нем не слышал и записал его фамилию с ошибкой. Тогда я поехал к Шокальскому предупредить его о том, с чем к нему обратится Маркс, и чтобы он был осмотрителен, но Ю. М. оказался в это время в Москве. Как только он вернулся, я к нему снова поехал, но оказалось, что Маркс уже предупредил меня, Шокальский же, увидев красивую внешность карт, согласился быть редактором атласа за 3 тысячи рублей и подписал условие. При этом он признался мне, что никогда еще такой суммы за редакцию не получал. Он был очень смущен, когда я рассказал все дело, но в первом издании 1905 г. исправить карт полностью уже не мог. Между тем, Бородовский узнал и рассказал мне, что пока Шокальский был в Москве, Маркс успел обратиться еще к преемнику Петри по кафедре географии в университет проф. Петру Ивановичу Броуну, который, даже не раскрыв привезенных ему Марксом карт, категорически сказал: «20 тысяч рублей», на что Маркс не согласился. Впоследствии авторство в карте России для этого атласа в масштабе 1 : 2 000 000 в литературе (например, в «Большой Советской Энциклопедии» и в географическом альманахе «Глобус») было приписано Шокальскому, тогда как на самом деле эту карту составили ученики Петри, или так называемые «петристы», так же как и школьный атлас, законченный уже под руководством Шокальского.

В 1904 г. в конце зимы или в начале весны праздновался 50-летний юбилей ученой деятельности В. И. Ламанского у него на квартире на Звенигородской. В 9 часов утра совершенно неожиданно явился *solo* президент Академии Наук в. кн. Константин Констан-

тинович в тот момент, когда Владимир Иванович был еще не совсем одет. Ему пришлось подождать одному в кабинете, пока выйдет В. И., ибо вся семья (так же, как и сам В. И.) абсолютно не знала правил придворного этикета, а потому все стеснялись выйти занимать его разговорами до В. И. Позже, днем, явилось очень много народа. Из приветственных речей особенно трогательна была речь Владимира Васильевича Стасова, произнесенная его иерихонским трубным гласом. Мне было поручено заведовать корреспондентами газет. Их было около десятка, и я всех их усадил за стол в спальне В. И. и там диктовал им всем сразу необходимую информацию, чтобы они самостоятельно не перевирали и не вносили недостоверной отсебятины, как это всегда бывало в подобных случаях.

Весной 1904 года мы с Верой ездили в с. Рождествено близ Сиверской неудачно нанять дачу. Местность там была не особенно интересная, и подходящей дачи не нашлось. Главный интерес этой местности был в том, что, как мне было известно, там разводились дворцовым ведомством гатчинские форели, и любопытно было посмотреть это место. Оказалось, что р. Оредеж там перегорожена поперек, чтобы форели не уходили вниз, причем по обоим берегам еще тянулись перпендикулярно к реке железные решетки. Местные жители рассказывали, что по ночам там иногда производилась неизвестными лицами кража форелей таким образом: рыболов с катушечной удочкой, имеющей весьма длинную лесу, подходил к краю железной решетки, ловко закидывал сбоку удочку, быстро вылавливал форель и волоком по берегу подтягивал ее к себе, пользуясь моментом, когда сторожа отсутствовали.

После неудачи найма дачи в Рождествене мы наняли дачу Евментьевой в Сиверской на правом берегу Оредежи на Церковной улице. Лето было дождливое и холодное. Когда мы переезжали на дачу, произошел такой инцидент. На даче не было почти никакой обстановки. Поэтому пришлось вести из города очень много вещей багажом. Мы с детьми, няней Меланьей и кухаркой Василисой забрались на Варшавский вокзал спозаранок, за час до отхода поезда. Более 10 наших багажных мест стояло на багажном прилавке в длиннейшей очереди багажа вообще. У билетной кассы был также длиннейший хвост пассажиров со всевозможными загибами. Я стал в очередь. Прозвонил первый звонок, а я был еще далеко от кассы. Носильщик занял место для членов моей семьи в вагоне мелкими ручными вещами и препроводил их всех в вагон без билетов. Наконец, при втором звонке кассир выдал мне билеты, а тут надо было еще сдать багаж, очередь до которого еще далеко не дошла. Я подбежал к багажной кассе и сказал кассиру, что, очевидно, мой багаж с этим поездом не пойдет, придется ждать следующего, но что мне делать с билетами для моей семьи, на которые должна быть скидка платы за багаж? В это время прозвонил третий звонок. Очевидно, я подействовал на самолюбие багажного кассира, и он мне возразил: «Почему не пойдет? Он пойдет обязательно». И тут же он велел изумленным приемщикам взвесить его, приняв не в очередь, а обер-кондуктору сказал, чтобы тот задержал отход поезда. Я быстро сунул носильщику пассажирские билеты для передачи моей семье, а сам с выкаченным на тележках багажом вылетел на платформу, причем приемщики успели-таки стянуть с меня на чай. Поезд терпеливо ждал, пока грузили наши вещи в багажный вагон. Я вскочил на первую попавшуюся площадку пассажирского вагона, паровоз свистнул и мы поехали. Отсутствие формалистики вторично поразило меня на Варшавской железной дороге.

Я по-прежнему ездил на 3 дня в Петербург на службу, а 4 дня проводил на Сиверской на даче. Однажды в Петербурге, проходя пешком по Николаевскому мосту, я увидел придворный катер, проходивший под мостом. На борту катера я заметил коротконогую, маленькую, плечистую фигуру итальянского короля Виктора-Эммануила III, приехавшего в

это время в Петербург, окруженного свитой. В тот же день вечером я уехал на Сиверскую. На следующий день, пользуясь редкими в то лето ясными и теплыми днями, мы с кем-то из навестивших нас горожан катались по Оредежу на лодке. Когда мы приближались к железнодорожному мосту Варшавского пути, по нему прошел по направлению к Луге короткий поезд, состоявший из 2–3 царских вагонов. У растворенного окна одного из них стоял все тот же итальянский король, любясь живописным видом. Он возвращался домой в Италию. Мне случилось еще раз видеть его на его родине, но об этом в следующей главе.

На Оредеже ниже мельничной плотины есть быстрины в реке, текущей в окружении красных девонских песчаниковых скал. У быстрин часами стояли по колено в воде в болотных сапогах одиночные дачники с удочками, ловившие на мушку нахлыстом мелких хариусов, попадавшихся здесь в те времена. Недалеко от мельницы была довольно большая дача, в которой, как говорили, много раз по летам жила уже умерший поэт Аполлон Майков, который в своих стихах отразил окружающую природу и рыбную ловлю, до которой был большой охотник.

Этим летом мы решили переменить квартиру, и в дни моего пребывания в Петербурге я занимался поисками ее. Проходя как-то по Бассейной, я близ Басковой улицы заметил белые билетки в окнах верхнего, четвертого этажа одного дома, приходившегося как раз напротив дровяного двора. Сдававшаяся квартира оказалась подходящей, и я, оставив задаток, поехал на Сиверскую, чтобы сообщить Вере. Она поехала смотреть ее в город, а я остался до ее возвращения на даче и, почувствовав желудочное недомогание, решил лежать на диване и ничего не есть до ее возвращения. Вера вечером вернулась и одобрила квартиру. Через несколько дней мы с ней снова поехали в Петербург для распоряжений о ремонте новой квартиры, покупки обоев и линолеума. В это время к нам приехал Сережа Ламанский и поместился в мансардной комнате дачи. Пока нас не было, от скуки он придумал и осуществил сам с собой такой спектакль. Он вышел на верхний балкон с моим ночным халатом в руках, стал там в классическую позу и, размахивая халатом, долженствовавшим изображать плащ убитого Юлия Цезаря, продекламировал перед деревьями сада речь Марка Антония, подражая артисту Московского художественного театра Вишневному. Маленькие Володя, которому не было еще пяти лет, и Роман, которому едва минуло три года, разиня рты, глазели на него снизу, дивовались няня Меланья и кухарка Василиса, а пришедшая к последней торговка, покачивая головой, говорила ей очень жалостливо и совершенно серьезно: «Барин бедненький, совсем рехнулся». В самом конце июля появилось газетное известие о попытке порт-артурского флота прорваться через японцев к Владивостоку и о роковом стечении обстоятельств, помешавших ее успеху. Все это читалось с волнением.

Осенью 1904 года в Урусове скончался мой дядя Николай Петрович Семенов в возрасте 81 года. У него за последние годы много раз повторялись кратковременные воспаления легких, как следствие склеротического процесса, и походка его была настолько неуверенна, что невольно возникало опасение, попадет ли он в дверь. Впрочем, он был до конца своих дней очень подвижен, и голова у него была вполне свежа. После ремонта, производившегося летом в нашей новой квартире (Бассейная, д. № 8, кв. 8), мы с дачи в конце августа переехали в нее и впервые провели там электричество, а впоследствии устроили и телефон. Квартира в 4-м этаже была очень светлой: три комнаты ее выходили окнами на улицу, прямо на юг, и перед ними был только низкий дровяной двор, а две — на двор, на север, причем и там не было заслоняющих строений и был виден Преображенский собор. Дом принадлежал купцу Вонифатьеву, а в подъезде был старый, седой швейцар, имевший

значение в домоуправлении. Вонифатьев жил на одной площадке с нами. Он любил выпить и поиграть в карточки и меня как-то зазывал к себе, но я не пошел. Так как деньги за квартиры проходили у него между рук, то он, приходя временами в стесненное положение, заглядывал к домовым жильцам и просил их иногда заплатить ему что-нибудь вперед из квартирной платы. Получив отказ, он не обижался, а с несколько молчаливым и грустным лицом тихо уходил. Раз он пришел ко мне и сообщил такую вещь: его приятели-купцы за карточным столом предложили ему задачу — протолкнуть в Харбин вагон сахара, так как там в этот момент в связи с войной и недостаточным снабжением был сахарный голод. За это они давали ему премию в 10 000 рублей. Не зная ходов, он предлагал поделить эту премию пополам между собой и мной с тем, что я ему укажу ходы в министерстве путей сообщения. Так как тут очевидно пахло взяткой, то я, конечно, отказался от какого бы то ни было содействия ему, да у меня там и совсем не было соответствующих знакомств. Он, грустный, ушел от меня молча.

Н. М. Штрупп, принимая во внимание, что наша грандиозная статистическая работа по торговле и промышленности Европейской России, являясь экстраординарной, не оплачивается отдельно, как это следовало бы по правилам, прилагал все усилия к тому, чтобы хоть по временам отчасти оплачивать ее единовременными небольшими суммами из остатков по ведомству. Это иногда ему удавалось, и у меня из нескольких таких получек собралась в общем сумма, достаточная для того, чтобы усовершенствовать нашу новую квартиру и ее обстановку. Поэтому мы настлали в двух комнатах и коридоре линолеум и заказали известному обойщику и столяру Зимину новую ореховую мебель для гостиной, для обивки которой сами приобрели шелковую, а для портьер бархатную материю медно-красного цвета во французском магазине Дюфо. Вера во всем этом впервые проявила свой художественный вкус в обстановочном деле, ранее у нее еще не обнаруживавшийся определенно. Все вышло нарядно, стильно и недорого. Материя была очень прочна и хватила нам на много лет. С кухаркой Василисой, вследствие ее постоянного пьянства, скоро пришлось расстаться. Вера сказала ей это и ушла куда-то из дому. Я оставался один и занимался в своем кабинете, причем дверь из него, как обычно, была раскрыта в переднюю. Вдруг прибегает, качаясь, нетрезвая Василиса и, обливаясь слезами и поминутно глядя на себя в зеркало передней, просит меня за нее заступиться. Я ей ответил, что готов дать о ней самую хорошую рекомендацию, за исключением ее пьянства, но из-за последнего все равно ей нельзя у нас дольше оставаться. Затем вместо няни Меланьи, ушедшей по своему желанию, мы взяли к детям русскую бонну средних лет, несколько резковатую, но очень хорошую, по имени Марья Михайловна Федорова.

В связи с затяжкой японской войны потребовалась дополнительная мобилизация. Поэтому немало служащих различных ведомств было призвано под знамена в качестве прапорщиков запаса. В Статистическом отделении таковыми оказались помощник столоначальника Г. А. Сластион и один из вычислителей. Всех призванных по министерству финансов вообще их сослуживцы чествовали прощальным обедом в складчину в соседнем со зданием Министерства ресторане «Малый Ярославец» как-то в так называемый «день святого чиновника», т. е. 20-го числа, тотчас по выдаче жалованья, когда у всех были деньги в кармане. Я с Николаем Мартыновичем участвовал в обеде. Обед начался поздно, что-то около 8 часов вечера и продолжался с час, а затем была с час так называемая «дружеская беседа», после чего в начале 11-го часа мы с Н. М. пошли домой. Другие же сослуживцы по министерству несколько застряли, и расходясь и идя гурьбой по Большой Морской, часов в 11 вечера зашли еще в экономический клуб. Все они были порядочно навеселе. Увидев

играющих в карты, они происходившей там азартной игры вовсе не понимали, но их занимало чисто механически то, что вместо одного поставленного золотого червонца появлялось два, и так повторялось по многу раз. Так как полученное ими и бывшее у них в карманах жалованье представляло больше всего стопки червонцев, то они их стали ставить. Выиграв каждый по несколько раз, они, несмотря на свою некоторую нетрезвость, имели все-таки благоразумие отказаться от дальнейшей игры, к немалому неудовольствию посторонних игроков, и с прибавочными червонцами в кармане вернулись домой. Жены сначала обрушились было на них. Тогда мужья выложили на стол большие стопки золотых, чем было жалованье. Жены не только успокоились, но были довольны и снисходительно отнеслись к их некоторой нетрезвости. Они сами нам после это рассказывали.

9-го января 1905 года было знаменитое политическое шествие священника Гапона с рабочими к Зимнему дворцу. До нас с Верой дошли слухи о чем-то необыкновенном, творящемся на Невском. Веру взяло любопытство посмотреть, что там делается, и мы вдвоем пошли на угол Михайловской и Невского, откуда прошли до угла Екатерининского канала мимо католического костела св. Екатерины. Весь Невский поперек, на мостовых был запружен войсковыми частями, которые от времени до времени давали ружейные залпы вдоль улицы, в то время как по тротуарам двигались пешеходы. Выражение лиц у военных было серьезное, нервное и очень недоброе. Идти дальше было совершенно невозможно, так как свистели пули. Мы с кучкой прохожих свернули, не переходя моста через Екатерининский канал, направо по его набережной. В это время раздался усиленный залп на Невском. Наша кучка метнулась в ворота дома Евграфа Петровича Ковалевского (будущего члена Государственной думы), у которых калитка была отперта и никого при ней не было. Под воротами Вера споткнулась и упала. Затем, подождав, когда залпы стихнут, наша кучка стала расходиться по домам. Мы вернулись мимо Михайловского театра и по Инженерной. На следующий день я узнал, что у ехавшего по Невскому курьера товарища министра В. И. Тимирязева, красивого и представительного Галецкого пуля прострелила шапку, а моя сестра, едучи где-то по другим улицам на извозчике в это же время, встретила ломовые повозки с большим количеством трупов, и это на нее страшно подействовало. У ней сердце в то время уже было в очень плохом состоянии, но она ото всех это тщательно скрывала⁴.

Бесславно продолжалась японская война. Ее последние аккорды — падение Порт-Артура, полукругосветное путешествие эскадры адмирала Рожественского и Цусима — звучали погребальным звоном. Единственным утешением было лишь то, что все это происходило вне государственной территории и государственных вод России. Но все же и государственная территория в виде половины Сахалина в конце концов уплыла⁵.

⁴Мне впоследствии рассказывал известный революционер В. Г. Тан-Богораз, что через несколько дней после 9-го января он явился к Петру Петровичу с подписным листом в пользу семей пострадавших рабочих, главным образом их детей. Петр Петрович, будучи членом Государственного Совета, сначала затруднялся подписать, но, подумав, молча подписал 100 рублей от анонимного «сенатора».

⁵В конце японской войны, когда надежды на наш успех были окончательно потеряны, чиновники Таневской канцелярии, заведовавшей награждениями по службе, придумали для участников войны памятную медаль с надписью-вздохом: «Вознеси их, Господи», относившейся к бесполезным храбрецам. Когда проект был представлен на утверждение Николая II, последний, находя момент преждевременным, написал на нем: «В свое время». Чиновники поняли это как добавление и выпустили медаль с надписью: «Вознеси их, Господи, в свое время», не подозревая всей ее глупости. По этому поводу старики вспомнили 1849 год, когда по случаю победоносного окончания Венгерской кампании Николай I выпустил для ее участников памятную медаль с горделивой надписью: «С нами Бог». Будущий главнокомандующий севастопольскими войсками генерал князь Меншиков тогда же сострил, будто австрийский император Франц-Иосиф, едва спасшийся от крушения своей монархии, дал своим австрийским войскам, терпевшим непрерывные пора-

В 1905 году было образовано министерство торговли и промышленности, составившееся из всех учреждений по делам торговли и промышленности министерства финансов, в том числе и нашего статистического отделения, и некоторых учреждений министерства земледелия и государственных имуществ, как, например, горного департамента и геологического комитета, а также выделенных перед тем в особое ведомство, для в. кн. Александра Михайловича, учреждений по торговому мореплаванью и портам. Такое выделение для отдельных лиц, а не по соображениям государственного порядка было очень типично для той эпохи. Министром торговли и промышленности был назначен В. И. Тимирязев, и на нашем статистическом отделении все это преобразование никак не отразилось. В Географическом обществе в это время стала работать, под председательством Ю. М. Шокальского (бывшего уже несколько лет помощником председательствующего отделения физической географии после смерти в самом начале 1900-х годов И. В. Мушкетова, которого на посту председательствующего заменил Ф. Н. Чернышев, а секретарем был Александр Павлович Герасимов), — новая картографическая комиссия, для которой я составлял некоторые программы и в 1907 г. список карт, изданных земствами, при содействии Александра Дмитриевича Полякова (будущего секретаря отделения статистики). Тогда же в 1905 г. вышел в свет IX том «России», заключающий описание Белоруссии и Верхнего Поднепровья. Он был составлен приглашенными сотрудниками с Митрофаном Викторовичем Довнар-Запольским во главе, но первую часть («Природа») фактически пришлось почти всю составить мне лично. Фотограф Николай Николаевич Останкович специально ездил по моему поручению в эту область для заснятия фотографий, так как весьма многих готовых иллюстраций нельзя было достать.

В конце апреля состоялась свадьба брата Измаила, женившегося на москвичке Надежде Владимировне Орловой, мать которой Анна Алексеевна была в детстве и юности подругой жены брата Дмитрия Евгении Михайловны. Наш маленький почти 4-хлетний Роман был на свадьбе мальчиком с образом и после венчания, происходившего в церкви городских училищ на углу 7-й линии и Среднего проспекта, при поздравлении молодых на родительской квартире пожелал своему дядюшке и крестному быть толщиной со столовую, так чтобы едва проходить в дверь. Молодые поселились в квартире этажом ниже моих родителей.

На лето мы наняли дачу Шестрели-Поповой в Финляндии, в селе Усикирко, в 10 километрах к западу от одноименной железнодорожной станции. Местность там красивая: ряды параллельных ледниковых гряд (озов), тянущихся с северо-запада на юго-восток, поросших лесом, и между ними озера удлиненной формы. На соседней с нами даче жила многодетная семья Александровых, в которой были исключительно малолетние дочери. Нас от них отделял общий забор, состоявший из жердей. Володя и Роман ходили в синих пальто и красных шляпах. Роман тотчас по приезде забрался на забор и, размахивая шляпой, закричал детям Александровым: «Смотрите, какой молодой человек вам кланяется, приходите к нам». Они воспользовались таким любезным с его стороны приглашением и стали всей ватагой ходить к нам ежедневно. Вскоре они стали ему надоедать, и он им кричал: «Уходите домой, вы надоели». Они на это нисколько не обижались. Их отца, служившего на Ижорском заводе в Колпине, все финны в Усикирко обожали, потому что он привозил им целые огромные бутылки водки и угощал каждого извозчика. Поэтому в найме извозчиков с ним никто не мог конкурировать. Хотя в Усикирко и был пивной завод, но ничего там получить было

жения от мадьяр, памятную медаль: «Бог с вами». При портсмутских переговорах у Витте, как говорят, было в кармане, на всякий случай, письменное разрешение от Николая II на отказ от всего Сахалина, но он и виду не подал и надул японцев, оставшись графом Полусахалинским, как тогда острили.

нельзя. Поэтому финны по очереди ездили в Выборг и покупали там каждый раз целый ящик пива, который и распивали сразу компанией в глухом лесу, после чего разламывали его на месте и разбивали все пустые бутылки. Следы таких попок можно было нередко встретить в разных местах при собирании грибов.

Из Усикирко мы с Верой как-то ездили вместе с гостившей у нас несколько дней Елизаветой Васильевной Надпорожской на красивое длинное озеро Хололан-Ярви, отделенное узким перешейком от другого круглого озера Рески-Ярви. Оно находится километрах в 10 западнее Усикирко. Поэтому мы возвращались поздно назад, в белую ночь, и приехали домой около 2 часов, когда утренняя заря ярко горела. Финн, везший нас, потребовал прибавки платы за поездку, размер которой сам же и указал. Когда я спросил его причину, он мне ответил: «Вас было три мужика».

В Усикирко я немало рисовал пастелью по желанию Веры, находившей, что этот род живописи мне наиболее удается. Еще в апреле я ездил с братом Андреем в Любань, где он и братья Валерий и Измаил вместе с двумя-тремя знакомыми снимали у крестьян охотничий участок на их надельной земле, ловил там рыбу в р. Тигоде и зарисовал пастелью тягу вальдшнепов и Тигоду. Мои этюды, подаренные мною брату Андрею, очень понравились сестре и она сама взяла на себя хлопоты по их обрамлению.

В Усикирко я как-то посреди лета получил от Петра Петровича из Петербурга телеграмму, вызывавшую меня в город по случаю ограбления моей квартиры. Я тотчас же поехал. Оказалось, что наш старик-швейцар, явившись утром, чтобы открыть окна в квартире, обнаружил ее полный разгром ворами, проникшими по черной лестнице посредством просверливания двери. Через круглое отверстие они открыли ее ключом, сдвинули засов, заклеив затем дверь бумажкой, подобранной под цвет двери. Швейцар тотчас же дал знать моему отцу, который приехал, осмотрел разгром, но, конечно, не знал, что именно у нас похищено. Был составлен акт без меня с понятными. Приехав в Петербург, я тотчас явился на квартиру, где было все перевернуто вверх дном. Меня не столько возмутил самый факт кражи (ибо собственнические инстинкты у меня никогда не были чересчур сильны), сколько варварское разрушительное обращение с имуществом, чего я органически не переваривал вообще, считая это величайшим неуважением к труду тех людей, которые его технически создавали. Оказалось, что 25 замков было взломано, все перековеркано, перерыто, разбросано по полу и похищены по преимуществу одежда и белье. Не находя какой-то вещи, я сказал об этом швейцару. Он ответил: «Эта вещь была цела, я ее видел сам. Неужели понятые свистнули?» Затем мы с отцом отправились к полицейскому приставу, который был чем-то срочно занят, извинился, и пока мы его ждали, поручил своему помощнику заниматься разговорами Петра Петровича. Помощник пристава начал какой-то совершенно черносотенный разговор. Отец стал приходить в негодование и величайшее нетерпение. Заметив свою ошибку, помощник пристава с быстротой хамелеона тотчас же переменял разговор на самый что ни на есть либеральный. Отец почти его не слушал и презрительно молчал. Я кусал губы, чтобы не рассмеяться. После разговора с приставом отец поехал домой, а я направился в уголовный розыск один. Там уголовный сыщик долго показывал мне множество великолепных вещей, но наших скромных так и не было. Впоследствии кто-то из знакомых сказал мне, что воры были у нас малоопытные и очень торопились: по-видимому, они, не закончив разграбления, улизнули в тот момент, когда швейцар открывал французским замком парадную дверь.

В августе Роман захворал в Усикирко гастрически и очень остро. Вызывали финского врача, который, подумав, сказал: «Ничего — жив будет». В начале лета я там тоже прихворнул: у меня сделался впервые такой сильный и длительный припадок геморроя, что

я должен был провести несколько дней в постели, и меня лечил тот же самый финский врач.⁶ Мы однажды с Верой посетили брата Валерия, жившего на даче в Рунолинне на Сайменском канале за Выборгом, причем в Выборге я заказал себе осеннее пальто за 50 р.

В октябре 1905 года была всеобщая забастовка, закончившаяся учреждением Государственной Думы. Мы долго сидели в темноте, так как электрическое освещение не действовало, и наполняли изо дня в день ванну водой, ибо была угроза забастовки водопровода. Электрический звонок у нас в квартире имел свою гальваническую батарею. Маленький 6-летний Володя спрашивал: «Когда же забастуют электрические звонки?» Объявление политических свобод застало большинство интеллигентных слоев наполовину врасплох. Политические партии навербовывались наскоро кустарным способом зачастую из взаимно противоречащих элементов, и их было немало оттого, что люди еще как следует не рассортировались. Были среди них и такие, про которых острили, будто вся партия уместается на одном извозчике. Известная тогда фраза московского депутата, члена Государственной Думы адвоката Плевако о «рубашке ребенка и тоге мужа» попала, как говорится, «не в бровь, а прямо в глаз». Многие, имевшие избирательное право, получили избирательные бюллетени и списки кандидатов, выдвинутых многочисленными партиями, мой отец и я, не сговариваясь, придерживались одного и того же метода, приводившего в ужас всех, записавшихся в партии, а именно из кандидатских списков всех партий мы выбирали лиц, наиболее внушающих доверие по их нравственным качествам, и из них составляли свой собственный список, который и вносили в свой избирательный бюллетень; в случае, если кандидатов не хватало, мы дополняли их именами известных общественных деятелей с наиболее высокой нравственной квалификацией, не выставленных в списках партий. Этой практики отец неизменно придерживался до конца своих дней, а я — до конца существования Государственной Думы. Причины такого отношения понятны: мы оба согласны со словами В. И. Ламанского, что «всякая политика, вообще говоря, дело грязное», а поэтому и считали нужным содействовать повышению нравственной квалификации народных избранников, с одной стороны, а с другой — мы оба слишком привыкли уважать личность и индивидуальность каждого человека, этого заслуживающего. Таким образом мы во время избирательных кампаний были вполне «дикими», как говорится в Западной Европе, и нисколько об этом не жалели⁷.

Интересно было поведение уличных газетчиков в то время. Были тогда проведены только что первые линии электрического трамвая, вагоны которого были выкрашены в красный революционный цвет, вместо традиционных темно-синих конок. У Александровского сада на углу Невского близ Главного Штаба остановка трамваев была довольно длительная. Газетчики входили в вагон и, если было много публики, они усиленно громко предлагали вниманию публики самые что ни на есть левые газеты, а если публики было мало, то совершенно таким же голосом и в таких же выражениях предлагали «Русское знамя» и другие крайне правые газеты, изображая таким образом двуликих янусов и каждый раз

⁶Впоследствии я лечился от геморроя не без успеха электрическими д'арсонвалевскими токами в Петербурге у доктора Ижевского, мужа сестры знаменитого изобретателя радио инженера А. С. Попова. Он как электротехник, по-видимому, помогал Ижевскому строить его машины с д'арсонвалевским током, приспособленные для лечения геморроя.

⁷Свою принципиальную беспартийность Петр Петрович выражал в очень оригинальных образных и ярких словах. В те времена всем служащим на государственной службе не возбранялось вступать в члены политических партий, не настроенных оппозиционно к правительству. Когда Петра Петровича спрашивали, почему он не записался в какую-либо партию, он отвечал: «Для этого надо быть или вожаком, или дураком, первым я не хочу быть, а вторым не могу быть».

умалчивая о газетах центральных. Этот прием был равноценен и очень напоминал прием помощника участкового пристава в разговоре его с моим отцом в 1905 году, о чем я уже говорил⁸.

Вскоре возникло частное издание под названием «Политическая энциклопедия», куда я был приглашен в качестве редактора политических карт. Общим же редактором всей энциклопедии был журналист Слонимский, еврей, человек умный, но характера не особенно приятного. Издание выходило в свет, но закончено не было, за нехваткой средств у издателя. Так как работа была спешная, то у меня работало так много чертежников, что когда все они в один день и час являлись ко мне вечером на квартиру за указаниями, не хватало стульев и диванов для сидения. Среди них был один очень молодой тщедушный еврей, по правде сказать, работавший не особенно аккуратно и чисто, но в высшей степени бедный, пробавлявшийся продажей на углах вечерних газет. Он как-то сказал мне, что крайне нуждается в какой-то постоянной работе и слышал, что в управлении по постройке трамвая открылась вакансия чертежника. Я тотчас же попросил брата Дмитрия, бывшего в это время гласным городской думы, что-нибудь сделать для него. Брат мне ответил, что трамвай сооружается частным электрическим обществом Вестингауз и что там во главе стоит американец Смит, родной брат американского вице-консула в Москве Томаса Смита, которого мы все знали. Я написал вестингузовскому Смиту письмо и направил чертежника к нему. Прошло 2–3 дня. Вдруг прибегает ко мне этот тщедушный молодой человек в необычайном восторге и рассказывает, что несмотря на огромное количество кандидатов на единственное место чертежника, Смит, по моему письму, велел принять именно его на 70 рублей в месяц жалованья, и что он намерен в благодарность принести моим детям конфет, что я ему, конечно, категорически воспретил. У меня просто была, как говорится, «легкая рука», что неоднократно подтверждалось и впоследствии.

Мой шурин В. В. Ламанский, читавший лекции по физической географии в политехникуме и много ездивший за последние годы с Николаем Федоровичем Погребовым для исследования силурийских отложений балтийско-ладожского глинта в Эстляндии и Петербургской губернии между Балтийским портом и р. Сясью, защитил в 1905 г. магистерскую диссертацию на эту тему, которая и была напечатана в Трудах Геологического Комитета. Я помогал ему в вычерчивании профилей. Однако все эти учебные и научные занятия его тяготили, и он, со свойственной ему бурностью характера, стремился на какое-нибудь более живое дело и в конце концов уехал в Манчжурию, в Харбин, в качестве коммерческого агента Китайской восточной железной дороги, некоторое время работал в Шанхае и вообще сделался дальневосточным деятелем⁹. В то же время умер слепец И. В. Покровский,

⁸У меня на службе работал в качестве чертежника по вычерчиванию торгово-промышленной карты Европейской России, один молодой человек — социал-демократ. Он был по природе очень неглуп и отзывчив, но груб. Я охотно и дружелюбно беседовал с ним на политические темы сегодняшнего дня. Он возлагал большие надежды на московское декабрьское восстание с баррикадами на Пресне. Я его спросил, что будет в случае успеха? Он ответил: «Социалистическая республика» и нарисовал ее картину. Я его спросил: «Значит, все станут чиновниками государства?» Он ответил на это: «Да, именно». Так оно и случилось через четверть века. Этот чертежник скоро добровольно ушел со службы и определился брандмейстером новой автомобильной пожарной части у Инженерного замка, тогда как все остальные пожарные части в Петербурге тогда были еще конные. С тех пор я его больше никогда и нигде не встречал.

⁹Он в этом случае унаследовал типичные черты мужской линии Ламанских и в разрушительной гиперкритике, и в некоторой склонности к бонвиванству, напоминая своего дядю, покойного Сергея Ивановича, будучи, как и он, добрейшим, благороднейшим человеком. Однако эти свойства понижали количественно продуктивность его собственных научных работ к искреннему сожалению его друзей, заставляя его едва ли не большую часть жизни как раз в ее лучшие годы разбрасываться, скитаться вдоль всего Евразий-

и моя свояченица Ольга Владимировна овдовела. Ухаживавший за ним в последнее время его болезни Сергей Владимирович Ламанский, не могший продолжить своих студенческих занятий из-за волнений в университете, отправился вольнослушателем юридических наук в Берлинский университет.

В начале 1906 г. в Географическом обществе был выбран председателем отделения физической географии Ю. М. Шокальский. В том же заседании он, совершенно для меня неожиданно, предложил меня в свои помощники, а в секретари отделения Платона Борисовича Риппаса, и это было принято единогласно. Свое предложение он мотивировал моей редакторской работой по девриеновской «России»¹⁰. Председательствующим отделения математической географии, заседавшего всегда вместе с отделением географии физической и не имевшего отдельного секретаря, был в это время почтенный астроном Николай Яковлевич Цингер, с которым я очень сошелся. В совете общества был одним из членов начальник военно-топографического отдела Главного штаба генерал Илиодор Иванович Померанцев. Я как-то спросил его, почему наши 10-верстные военно-топографические карты так отстают от действительности, почему они не исправляются частично по различным научным источникам, в то время как, например, финляндцы на своих картах Финляндии в смежных с ней частях Олонецкой губернии дают, очевидно, по различным научным источникам, картину, гораздо ближе стоящую к действительности, чем наша 10-верстка. Он мне на это ответил чисто канцелярской отговоркой: «Нам не известна степень достоверности таких научных источников», косвенно признав таким образом, что в подведомственном ему отделе нет лиц, умеющих критически разобраться в этих научных источниках. Я, в свою очередь, заметил, что всякие такие исправления будут все же шагом вперед против тех данных, которые помещены на карте на основании распросных сведений времен царя-гороха. Он замолчал, но мое замечание так и осталось гласом вопиющего в пустыне.

Брат Валерий в 1906 г. жил на даче в РукоLINE на Сайменском канале за Выборгом. 19 апреля я, по его указанию, тоже поехал искать там дачу для нас. Приехав в Выборг, я обратился к рекомендованной им даме — финляндке, говорившей по-русски, и с нею вместе

ского материка между Петербургом и Шанхаем. В гиперкритике собственных и чужих работ, как я уже упоминал, у него был университетский старший друг — геолог Константин Константинович фон Фохт, очень способный, но малопродуктивный из-за этих самых свойств научный работник, погибший от голода в Батуме после революции. В. В. Ламанский столь же быстро возводил на пьедестал отдельных людей и их творчество, как и их развенчивал. Классическим примером был ничем не замечательный архитектор Щербина-Крамаренко, бывавший на субботах в доме Ламанских, которого он поставил на некоторое время на пьедестал только потому, что на нем так отлично сидел сюртук, а затем столь же быстро его развенчал. Развенчал он, между прочим, в пользу старой итальянской оперы и оперетки, и русскую музыку (в особенности своего любимца Римского-Корсакова), которой, будучи членом общества добровольных клакеров, он в свое время едва ли не бурнее всех восхищался. В моих глазах все это было ветряной мельницей, весьма искренней, но невыгодной для него же в первую очередь.

¹⁰Вероятно, он этим поступком хотел отчасти загладить ту неловкость, которая у него невольно вышла по отношению ко мне в 1900 г., когда он взялся редактировать атлас Маркса, отчасти же желал сделать этим и приятно моему отцу Петру Петровичу, ибо Петр Петрович находил раньше, что Шокальский, по своей глухоте, едва ли подходил к ответственной должности председателя отделения, и это мнение могло до него дойти. При всей своей исключительной преданности Географическому обществу и массе своих заслуг перед ним, Шокальский имел одну слабую сторону: он был преувеличенно честолюбив, любил помпу и не выносил тех, кто, по его мнению, становился ему поперек дороги или был его конкурентом. К таковым он относил Шпиндлера, Чернышева, Книповича, Тимонова, Ольденбурга и кн. Б. Б. Голицына. Но рядом с этим у него были и достойные всяческого уважения черты. Так, например, при вставании участников заседаний в память умерших, он неизменно один из всех крестился и неустрашимо делал это и после революции, когда стали широко разворачиваться антирелигиозные кампании.

поехал из Выборга на извозчике в Пиетилу (1-й шлюз по каналу в 10 километрах). Тотчас по выезде из Выборга по случаю 1-го мая нового стиля мы встретили небольшое и молчаливое шествие финских рабочих социал-демократов с красными флагами, на которых были какие-то финские надписи. Я впервые видел такое шествие. В Пиетиле я нанял хороший деревянный помещичий дом шведа Лупандера. Там было несколько больших, светлых комнат с такими большими окнами, что потребовалась покупка массы синей материи, чтобы сделать на них занавески. При доме был довольно большой сад. Вблизи находился образцовый коровник. Усадьба была расположена не менее, чем в полуверсте от паровой пристани на канале, с которым ее соединяла дорога, обсаженная деревьями, а рядом были луга. Все продукты, которых нельзя было достать на месте, заказывались по телефону из конторы имения в Выборге. Там их приносили на пассажирский пароход, который и доставлял их в Пиетилу. Если никто не выходил от нас на пристань, то они оставались на ней открыто, без чего-либо присмотра, только с адресом до нашего прибытия, и никто никогда их не крал. То же делалось и для всех окрестных дачников. Все это было очень культурно и удобно. Среди продуктов можно было выписать из Выборга даже кислый виноград, разводившийся в оранжереях имения кн. Голицына близ одноименной станции Финляндской железной дороги. Руколинна расположена выше по каналу, километрах в трех, недалеко от Лавольского шлюза. От Пиетилы вниз тотчас же начинается расширение с островами, представляющее, собственно говоря, конец Выборгского залива, но совершенно пресноводное, имеющее вид прихотливо изгрызанного озера с островами. Выше Лавольского шлюза следует шлюз Остила, где имеется озеровидное расширение канала. Вблизи Руколинны от Сайменского канала ответвляются узкие заливы со скалистыми берегами. У брата Валерия в Руколинне занятая им дача была шикарная. Переехали мы в Пиетилу в 20-х числах мая. Перед тем была очень запоздалая весна, а затем сразу наступило тепло, и растительность развивалась необычайно быстрым ходом. Поэтому получился значительный фенологический анахронизм. Мы с братом Валерием находили в высокой траве одновременно последние сморчки и первые красные и белые грибы. Рыбная ловля была весьма успешна. Сразу же я на блесну, купленную в Выборге, стал ловить в Пиетиле мелких щурят. Вместе с рыбной ловлей я занимался и пастельной живописью. Однажды вечером я поехал один в лодке рисовать закат и по дороге одновременно греб и тянул в воде блесну. У края камышей вдруг что-то дернуло, и я заметил, как крупная щука выкинулась высоко вертикально из воды. Я стал вытягивать лесу и поймал щуку в 3 фунта весом. Изобразив закат, я вернулся домой. Затем мы с братом Валерием успешно ловили с лодки на его английские удочки с фантомами щук и окуней в заливах близ Руколинны, а около 11 часов вечера при луне попадались там и небольшие судачки. Однажды без меня брат поймал крупную красноперку с пристани. Я вообще без щук с рыбной ловли в это лето домой не возвращался.

В Пиетилу с нами приехали другие прислуги, чем были в прошлом году. Кухаркой у нас на этот раз была пожилая Ирина, родом из Шенкурского уезда Архангельской губернии, была новая хорошая горничная. Наконец, вместо ушедшей по собственному желанию бонны Марии Михайловны Федоровой по газетному объявлению была нами нанята новая русская бонна, по имени Марья Андреевна, фамилию которой я забыл, крайне неудачная, но это обнаружилось не сразу. Когда мы спросили у нее рекомендацию, она указала какой-то царскосельский телефон с фамилией какой-то аристократической дамы. Рекомендация по телефону была для нее вполне благоприятна. Потом обнаружилось, что она сама себя рекомендовала по телефону. Затем с нею было происшествие еще хуже, о котором я расскажу дальше.

За это лето нас в Пиетиле навестило несколько близких людей. Так, в июне приехал Н. М. Штрупп, который сообщил нам сразу две новости. Первая, не дошедшая еще до нас, была о разгоне кадетской Государственной Думы и о поездке депутатов в Выборг для составления там знаменитого противоправительственного воззвания.¹¹ Вторая была о том, что он решил развестись со своей женой Натальей Николаевной и жениться на ее старшей сестре Татьяне Николаевне. Выслушав его намерение, мы оба с Верой решили, что он обнаруживает какие-то психические странности, что и подтвердилось впоследствии¹².

Мои родители и сестра в этот год долго не ехали в Гремячку. Я у них жил при своих поездках в Петербург. Помню, как однажды я стоял на балконе родительской квартиры с сестрой, и она вела со мной загадочный разговор, смысла которого я тогда не понял. Она убеждала меня беречь свое здоровье и спрашивала, не чувствую ли я иногда себя дурно, как это подчас бывает с ней, однако, ничего дальше не объясняла. В ответ я посоветовал ей обратиться к какому-нибудь хорошему врачу и назвал кого-то. На этом разговор кончился. Относительно моего здоровья сестра точно предчувствовала, что я вскоре заболею (это и случилось через два года), относительно же нее я ничего не подозревал, не только о скорой роковой развязке, но и об ее серьезной болезни вообще, хотя мельком и замечал у нее какой-то нездоровый желтый цвет лица и исхудание. Затем она чрезвычайно долго не была у нас на городской квартире и все оправдывалась какими-то различными причинами, ни разу не сказав, впрочем, что по лестнице в четвертый этаж ей подниматься слишком трудно. Уже впоследствии я узнал, что в тот год у ней однажды случился сердечный припадок у решетки Русского Музея, куда она ездила заниматься этнографией, а другой раз она упала, выходя с извозчика, и что-то себе повредила, так что пришлось прибегать к массажу.

В другой раз, пока сестра не уехала в Гремячку, я застал у отца знаменитого художника Валентина Александровича Серова, который писал с него портрет цветными карандашами по заказу Александры Николаевны Нарышкиной (этот портрет, кажется, теперь находится в Русском Музее). Серов был очень милым, скромным и молчаливым человеком и разрешал сколько угодно смотреть, когда он пишет. Это было очень интересно.

Условившись предварительно с братом Валерием, я пригласил от имени нас обоих моих родителей погостить у нас несколько дней в Пиетиле и в Руколинне, причем ночевать они должны были в Пиетиле, где для них была большая удобная комната в нижнем этаже. С ними я и поехал, а сестра уехала одна в Гремячку. Родители остались очень довольны своим посещением, отец неутомимо ловил жуков и гулял. Накануне отъезда из Финляндии он после слишком плотного обеда у брата Валерия в Руколинне, приехав в Пиетилу, почув-

¹¹ «Кадетская» или, по настоящему, конституционно-демократическая партия была самой крупной из политических партий России до октябрьской революции 1917 года, когда монопольной сделалась коммунистическая партия. Замечательно, что евреи особенно льнули сначала к первой, а потом ко второй.

¹² Еще до своей женитьбы на Наталье Николаевне он первоначально приударял за Татьяной Николаевной, но когда близкие ему люди, особенно Черепнин, стали подсмеиваться над ее слишком полной фигурой, он быстро переменял фронт и стал ухаживать за ее сестрой. Было ясно, что серьезной психологической базы ни то, ни другое ухаживание не имело, а было чисто рассудочным. Как оказалось потом, он с таким же известием о «переженитьбе» поехал тогда же, в 1906 г., к старику Н. Д. Силантьеву в Новгород. Старик так его обругал, что у Николая Мартыновича на полчаса отнялось зрение. Заметив это, Силантьев предсказал ему слепоту и сумасшествие и побил тут же свою старшую дочь, как виновницу происшествия. Н. М. находился в таком состоянии, что готов был убить старика, если бы под рукой нашелся револьвер. Силантьев вскоре после того умер. Некоторые знакомые Н. М., как напр., Черепнин, не захотели признать его второй жены, и он с ними разошелся, примкнув к группе своих бывших университетских товарищей, учеников историка С. Ф. Платонова, С. А. Адрианова, А. Е. Преснякова, Полиевктова и Голованя, среди которой бывал и И. И. Лапшин, сохранявший с Н. М. значительно более холодные отношения, чем в 1880–90-х годах.

ствовал сильное гастрическое недомогание. Я предложил вызвать рано утром из Выборга с первым же пароходом по телефону врача, но он не согласился и сказал, что лучше ехать с моей матерью в моем сопровождении теперь же в Петербург, воспользовавшись ближайшим пароходом в Выборг. Я старался достать в Пиетиле извозчика до Выборга или, по крайней мере, до пристани в Руколинне, но это не удалось по случаю рабочей поры, посылать же пешком кого-либо в Руколинну за экипажем брата Валерия (ибо переговоры по телефону не удался) было уже поздно, так как отец очень торопился попасть непременно на очередной пароход, до отхода которого оставалось слишком мало времени. Тогда пришлось свести его под руку с остановками для отдыха на пароходную пристань, и на пароходе и по железной дороге мы втроем вернулись в Петербург. По дороге Петр Петрович, которому было уже 79 лет, большею частью спал и был настолько слаб, что моя мать с тревогой спрашивала меня шепотом, выдержит ли он поездку, и я ее успокаивал. В извозничьей карете мы доехали с вокзала до дому. Отец пролежал два дня и поправился, после чего я возвратился в Пиетилу, а он вскоре уехал с моей матерью в Гремячку, где их ждала скрывающая ото всех свою серьезную болезнь сестра.

Между Пиетилой и Руколинной на полдороге был санный сарай с обширным навесом и деревянным полом под ним. Там аккуратно раз в неделю происходили гимнастические упражнения местного мужского населения с ружейными приемами. Ходил слух, что это тайное обучение финской красной гвардии. По воскресеньям там происходили под музыку народные танцы. Проходя мимо в Руколинну, я как-то остановился и стал смотреть на них. В канаве рядом с навесом лежал какой-то вдрызг пьяный финн и храпел. Никто не обращал на него никакого внимания. Вдруг он молча встал, закурил у кого-то свою трубку, подошел, качаясь, к одной из отдохавших от танца девиц или женщин, и, вежливо молча поклонившись ей, предложил тем самым с ней потанцевать. Она, к удивлению, согласилась. Взяв ее за талию он очень осторожно и бережно, не торопясь, молча, с закуренной трубкой во рту, серьезно потанцевал с ней, снова вежливо поклонился, не проронив все время ни слова, причем лицо у него было, как каменное, опять кувырнулся в канаву и захрапел. Только финны и способны к такой выдержке.

В конце лета у нас случилось несчастье. У маленького Романа, которому было 5 лет, приключилась гастрическая истерия небывалой силы. После короткого недомогания у него вдруг сделались судороги, повторявшиеся много раз и различные мозговые явления. Наскоро я вычитал в лечебнике детских болезней доктора Галанина о пользе, которую в таких случаях приносят вино и ванна. Поэтому мы тотчас дали знать об его заболевании брату Валерию в Руколинну и тем временем сделали Роману ванну. Он в ней почувствовал себя легче и даже не хотел из нее выходить, когда настала пора. Тем временем приехал брат Валерий и привез вино. По его совету, мы решили тотчас же обратиться к симпатичному и дельному врачу русского военного лазарета в Выборге и послали за ним на извозчике бонну Марью Андреевну. Когда он прибыл в ее сопровождении, то, осмотрев Романа, он нашел у него признаки, близкие к менингиту, но в его присутствии судорог у него не было. Только что врач сел на извозчика, чтобы возвращаться в Выборг, как судороги возобновились с большой силой. Он прибежал и окончательно убедился в том серьезном положении, в котором находился Роман. Затем врач уехал, обещав прислать из Выборга с военным фельдшером нужные лекарства. С обратным извозчиком фельдшер прибыл с лекарствами и прожил у нас несколько дней, ухаживая за Романом, сажая его в ванну, давая лекарства, измеряя температуру и пр. Судороги делались все реже и слабее. Роман стал мечтать уже о вкусных обедах. Когда врач приехал снова, он сказал, что острая опасность миновала,

но что положение все же очень серьезное, и потому самое лучшее — перевезти его в Петербург и показать авторитетному детскому врачу. Это было в 20-х числах августа. Мы решили немедленно уехать налегке с ним, Володей и бонной, оставив пока в Пиетиле кухарку и горничную с вещами. Я предварительно уехал, чтобы встретить Веру с детьми и бонной и временно, до переезда прислуг с вещами и приведения в порядок нашей квартиры, приютить их на квартире моих родителей, которые к этому времени уже возвратись из Гремячки, чтобы ехать за границу. Затем Вера с бонной, горничной и детьми поехала на пароходе до Выборга. На пароходе ехали какие-то интеллигентные финляндцы; одна дама из этой компании повесила в общей каюте свое теплое пальто и сама пошла на верхнюю палубу, где и ехала до самого Выборга. Вера, занятая всецело уходом за Романом, сказала бонне, чтобы та собирала наши вещи и ехали на извозчике с Володей в Выборге на вокзал, а сама поехала на другом извозчике с Романом и горничной, несшей его на руках из-за его слабости. Затем горничная со следующим пароходом вернулась в Пиетилу собирать вещи. Приехав по железной дороге в Петербург, где я встретил семью на вокзале и отвез на родительскую квартиру, Вера на другой день мельком заметила на бонне не принадлежавшее ей пальто. Устроив семью у родителей, я пригласил в тот же вечер лечившего у нас детского врача Ричарда Александровича Петерса, который по своей инициативе явился на этот раз со своим молодым ассистентом, врачом Мартыном Осиповичем Иогихесом. Его он называл своей правой рукой и говорил, что Иогихеса можно вызывать в любое время суток, в случае невозможности для него, Петерса, прибыть. Они вдвоем, осмотрев Романа, нашли, что он перенес тягчайшее заболевание, и установили для него строгий режим, говоря, что окончательное выздоровление будет длиться очень долго. Болезнь его они определили как чисто нервную, назвав ее гастрической истерией, возникшей на почве самоотравления пищеварительного аппарата какой-то неподходящей пищей. У него была полная апатия, температура значительно ниже нормы, длившаяся месяцами, отсутствие коленных рефлексов, двоение предметов перед глазами и др. явления.

На следующее утро я уехал в Пиетилу. На пароходе меня спросил капитан, не захватил ли кто-либо из моей семьи по ошибке теплое дамское пальто, принадлежащего одной выборгской жительнице. Ничего об этом не зная, я обещал ему навести справки в Петербурге и дал свой адрес, а он — адрес этой дамы в Выборге. Переночевав у брата Валерия в Руколинне, собрав вместе с прислугами все наши вещи в Пиетиле и заплатив там последний взнос за дачу, я поехал с ними в Петербург на нашу квартиру и, когда все было там устроено, перевез из родительской квартиры туда Веру с детьми. Бонна за это время несколько раз отлучалась, и подозрительное пальто куда-то исчезло. Для нас стало ясно, что она его украла. Мы решили ее немедленно уволить, и я написал в Выборг, что у нас на нее подозрения, сообщил ее имя, отчество и фамилию и посоветовал пострадавшей даме сделать немедленно соответствующее заявление в уголовный розыск. Затем оказалось, что бонна похитила еще несколько журнальных репродукций картин в квартире моих родителей, после ее увольнения кто-то по телефону спрашивал рекомендацию о ней у моей матери, наконец, она забыла у нас свое неоконченное письмо к какому-то Павлуше, где писала еще из Пиетилы, называя нас всех вымышленными именами.

Дом, в котором мы жили на Бассейной, уже не принадлежал купцу Вонифатьеву: он его продал некоему состоятельному человеку по фамилии Пель, родственнику известного профессора фармацевтики Пеля. Этот Пель, Феликс Александрович, служил в Сенате, и у него было несколько домов и довольно многолюдная семья. Он отличался слабым здоровьем, и был женат дважды. Овдовев после первого брака, от которого у него было несколько детей,

он женился на представительной их гувернантке, немке Эмилии Александровне, от которой также имел детей. Она была очень энергична и вела все хозяйственные дела по управлению домами. У нас вместо старого вонифатьевского швейцара появился новый, из бравых гвардейских солдат, по имени Тимофей. Вонифатьев уехал, и в его квартире поселилась караимская семья Элиаш, у которой было где-то, кажется в Новгородской губернии, имение. Финансовое положение главы семьи было очень запутанным, и ему грозила продажа имущества с молотка. Спасая, что можно, он получил как-то из имения живую домашнюю птицу в немалом количестве, и мы с Верой ночью иногда просыпались от пения петухов за стеной нашей спальни.

В сентябре 1906 года у брата Измаила родился первенец Олег. В это время стали получаться тревожные известия о состоянии здоровья оставшейся одной в Гремячке моей сестры. Она уже немало лет имела привычку приезжать из деревни позже всех и, оставаясь там одна, работала по живописи и этнографии. За последние года два она писала там ставшую потом столь известной, неоконченную ею этнографическую работу «Жизнь Ивана». У ней на этот раз обнаружилась так долго скрываемая ею ото всех близких болезнь сердца, от которой она лечилась сама домашними средствами, не прибегая к помощи врача. Это сокрытие болезни было настолько тщательным, что когда однажды у нее случился сердечный приступ в присутствии ее горничной, деревенской девушки Кати, притом настолько сильный, что она упала на пол, она заставила ее поклясться, что та ничего никому не расскажет. Так как мои родители были осенью 1906 г. за границей, то братьям пришлось откомандировать к ней женщин-врачей, серьезных терапевтов, сначала одну из Москвы, а потом другую из Петербурга, а также сестру милосердия. Врачи нашли ее положение тяжким. Тут только я понял, на что она столь неясно намекала мне в начале лета в Петербурге, и вспомнил, что в деревне она лет 7–8 тому назад при мне очень любила ни с того, ни с сего ходить босиком, а в Петербурге тоже ни с того, ни с сего снимать туфли, сидя за столом, что я относил к ее чудачествам, между тем как у нее, очевидно, просто пухли ноги от плохого состояния сердца. После заключения врачей было решено перевезти ее при первой возможности в Петербург, когда ей хоть немного полегчает, и для этого были устроены очередные поездки к ней в Гремячку всех братьев, на неделю каждого. Из них был исключен только я, ввиду серьезного положения Романа. В очередную поездку брата Валерия ее удалось перевезти в Петербург, в Крестовоздвиженскую общину сестер милосердия. Однако, состояние ее было так плохо, что через несколько дней по прибытии, в середине ноября, через несколько недель по возвращении родителей из заграницы, она скончалась 43 лет от роду, причем последними, видевшими ее живой в больнице, были брат Андрей, с которым она была так дружна в детстве, а также В. П. Шнейдер и К. В. Николаевский. Похоронили ее на Смоленском кладбище, недалеко от Воскресенской церкви. В эти тяжелые дни Петр Петрович получил извещение о состоявшейся официальной прибавке к его фамилии дополнения Тянь-Шанский за его географические заслуги, через полвека после осуществления им его известного путешествия.

После смерти сестры в залах Общества поощрения художеств была устроена выставка ее акварелей, имевшая успех, а Географическое общество после заседания отделения этнографии, посвященного ее памяти, постановило напечатать ее очень талантливый неоконченный этнографический очерк «Жизнь Ивана» с предисловием Варвары Петровны Шнейдер, который также имел большой успех. Впоследствии, уже после революции (которая, между прочим, в нем предсказана) по его типу возник целый ряд исследований русской деревни различными авторами, но, как всегда бывает в таких случаях, подражатели были сла-

бее оригинала. Ее художественный талант очень ценился Альбертом Бенуа, у которого в прежние годы она одно время занималась, ради самоусовершенствования, акварельной живописью (ее в этом случае интересовала техника контрастных изображений света и тени, в которых Альберт Бенуа был значительно сильнее ее учителя Гоголинского, равно, как в изображении неба и волнующейся воды), после чего она работала масляными красками еще у пейзажиста Крачковского и кого-то из портретистов, преподававших в Академии Художеств, а еще раньше очень быстро прошла старшие классы школы в Обществе поощрения художеств, поступив туда уже опытной ученицей Гоголинского. Этнографические ее работы не ограничивались сборами материалов в окрестностях Гремячки: после основания этнографического отдела Русского музея она не раз ездила по его поручению за сборами коллекций в другие места, как напр. в Касимовский уезд. Кроме того, она интересовалась и религиозно-философскими вопросами и перевела, под общей редакцией Сергея Федоровича Ольденбурга, с английского краткий очерк буддизма, составленный Рисом Дэвидсом, и он появился в свет в издании Поповой. Сестра работала также над очерком, в котором проводилась параллель между Франциском Ассизским и Сергием Радонежским, но на напечатанье его надежды не было по условиям церковной цензуры того времени.¹³

Политические события 1905–6 годов сильно повлияли на Леонида, второго сына моего брата Дмитрия. Он был до того лирическим поэтом и богоискателем, другом Блока, Мережковского и Гиппиус, а теперь влюбился в сестру своего приятеля–богоискателя Добролюбова Марию и сделался социал-революционером, отправился в Курскую губернию с пропагандистскими целями, был там арестован и заключен в тюрьму сначала в Осколе, а потом в Рыльске. В это время она умерла в его отсутствие. Он вернулся и познакомился лично и сдружился со Львом Николаевичем Толстым, не раз ходил к нему пешком в Ясную Поляну из Рязанской губернии, где он нанялся в батраки к гремечинскому крестьянину сектанту Еремину, жил у него в избе и очень сдружился с его дочерью Софьей. Будучи другом Толстого, Леонид отказался по религиозным убеждениям от отбывания воинской повинности, за что был сослан на некоторое время в Екатеринбург, где был офи-

¹³Сестра отличалась большой нервностью и редко заканчивала начатое. Так, она в своих художественных этюдах, начатых с большим мастерством, увлекалась обычно изображением второго плана, а на первый у нее уже не хватало терпения. Она находила, что в нем обычно нет ничего интересного, и бросала с легким сердцем этюд незаконченным, отчего он только проигрывал. Поэтому лет через пятнадцать после ее смерти, когда я устраивал Географический музей, и многие ее этюды оказались для него очень важными, мне пришлось заканчивать самому на них первый план, без которого их нельзя было бы выставить с географическими целями. Впрочем, мне удавалось настолько близко подражать ее манере письма, что никто и не подозревал, что первый план закончен мною. Я же, наоборот, всегда страдал от всего незаконченного, и поэтому с любовью занимался первым планом на всех своих собственных этюдах. Она не выносила, когда во время писания этюда кто-нибудь внимательно следил за ее работой, я же, наоборот, это любил. При даровитой, но неуравновешенной натуре сестре очень не везло в личной судьбе, несмотря на самое лучшее внешнее окружение и на редкую по прочности, никогда не омрачавшуюся ничем дружбу ее с сестрами Шнейдер. Это невезение было одной из причин ее внутренней неуверенности в том, что и как она делала, и потому крайней скромности в ее суждениях о собственных работах. Свойство это она сохраняла до самых последних дней своей жизни. Изю всех детей Петра Петровича она отличалась наибольшей привязанностью ко Гремячке и проводила там наибольшее количество времени. Работой над очерком «Жизнь Ивана» она там занималась с 1898 года до своих последних дней жизни и его далеко не закончила, что видно из сравнения ее программы с текстом. Это было особенно досадно, ибо такого рода работ до нее вообще не производил никто; а если бы после выхода в свет ее труда с обстоятельными ответами на более, чем сотню вопросов, там поставленных, подобные же исследования, относящиеся к той же исторической эпохе, появились и для других местностей России, то сравнение их между собою могло бы дать поистине изумительные результаты, которых потом уже никак нельзя было получить, ибо многое успело уже бесследно исчезнуть, не будучи никем зафиксированным.

циально признан не совсем нормальным психически. Затем Петр Петрович отвел ему и его приятелям-«братцам», добровольно пахавшим собственноручно землю, небольшой участок близ своего леса, где они сообща сами построили избу и жили в ней до революции и смерти Леонида. После кончины Л. Н Толстого Леонид сдружился с монахом Оптиной пустыни о. Анатолием и собирался сделаться священником. Его мятежная душа никогда не знала покоя и вечно чего-то искала. Леонид, между прочим, всегда удивлялся тому свободному и вместе с тем систематическому воспитанию, какое давала в нашей семье Вера маленьким Володе и Роману, и очень это ценил.

Лечивший наших детей доктор Ричард Александрович Петерс вскоре серьезно заболел, перешел в православие под именем Романа и через несколько лет умер. Лечение нашего маленького Романа перешло всецело Мартыну Осиповичу Иогихесу, его бывшему ассистенту. Он, будучи еврейского происхождения, сыном аптекаря из Могилевской губернии, окончил Московский университет учеником знаменитого терапевта профессора Захарьина, затем был земским врачом и ездил за границу для своего усовершенствования и специализации по нервным болезням. Он оказался очень серьезным, умным, знающим и способным врачом, несколько тяжеловатого характера. Будучи маленького роста и наружностью несколько напоминая Захарьина, он имел привычку как-то пыжиться и говорить почти шепотом, и характер у него был не из легких, но с нами он всегда был необычайно мил и любезен, и его, действительно, можно было вызвать в любой час и днем, и ночью, переговорив с его пожилой, седой прислугой Михалиной, весьма обстоятельной женщиной. Увидев, что Вера вначале, не будучи еще достаточно знакома с ним, не оказывает ему полного доверия, он сам предложил проверять его от времени до времени приглашением для консультации знаменитостей по детским болезням, и мы, действительно, раз пригласили для этой цели профессора Гундобина, а другой раз Коровина; оба они всецело подтвердили правильность диагноза, установленного Иогихесом и методов лечения, избранных им по отношению к Роману. Иогихес говаривал мне: «Что же будет с Вашими сыновьями, когда у них в предках с обеих сторон было столько учености?» и поэтому обращал особое внимание на их нервную систему. Вера в течение всей зимы 1906–7 года спала рядом с Романом в детской на складной походной постели-«сороконожке». Он не желал отпускать ее от себя, и когда она случайно отлучалась ненадолго днем из дому, очень беспокоился за нее. Он долго неохотно вставал с постели и, чуть-чуть походив, просился снова прилечь. Позже он как-то сочинил двустишие: «Не прошло и трех недель, как я лег опять в постель», и, сидя в кровати, любил сам мастерить для себя новые игрушки, обнаруживая большую изобретательность. Рисовать он начал не с простого черчения ничего не значащих кривых линий, как обычно делают дети, а с каких-то энергичных завитков и кружков, когда же он пытался изобразить животных, то всегда рисовал их с хвоста, а не с головы. Впоследствии он все делал так же не обычным, а непременно своим собственным способом, нередко шиворот наыворот. Иогихес говорил, что ввиду его оригинальности, ему особенно хочется отстоять его здоровье во что бы то ни стало¹⁴. В конце зимы он сказал, что хотя здоровье Романа и восстанавливалось непрерывно, но его непременно весной придется везти за границу в теплый климат, и рекомендовал Швейцарию.

В это время я получил новое для меня поручение. Несколько городов, как-то Саратов, Нижний Новгород, Воронеж и Смоленск, конкурировали между собой в ходатайствах перед правительством об открытии в них новых университетов. Эти ходатайства должны

¹⁴Когда это удалось, он всегда с большой гордостью говорил, что эту удачу он делит пополам с Верой Владимировной.

были быть предварительно рассмотрены в особой комиссии при министерстве народного просвещения, затем в совете министров и оттуда уже должны были поступить на рассмотрение Государственной Думы и Государственного Совета. Докладную записку от имени воронежского губернского земства по этому вопросу, согласно совету моего отца, воронежские депутаты Государственной Думы Евграф Петрович Ковалевский и Сергей Илиодорович Шидловский поручили составить мне. Я, вооружившись необходимым географическим, картографическим, историческим и статистическим материалом, составил записку с картой, которая, по одобрении ее воронежским земством, и была представлена названными депутатами в комиссию. Член ее от профессуры, ученик Иностранцева, профессор Варшавского университета Владимир Прохорович Амалицкий говорил мне, что из всех конкурировавших записок она была составлена наиболее основательно и убедительно, и комиссия поставила Воронеж на первое место. Но затем при рассмотрении вопроса в совете министров кем-то было услужливо доложено, что П. А. Столыпин, бывший саратовский губернатор, а в это время, кажется, уже премьер, очень стоит за Саратов. Этого было достаточно, чтобы без какого бы то ни было обсуждения по существу и сравнения между собой всех конкурировавших записок, в совете министров был на первое место безоговорочно поставлен Саратов. Так делались в то время различные государственные дела. Но у меня осталось личное нравственное удовлетворение от конкурса записок в комиссии. В то же время я написал несколько отзывов в «Известиях Русского Географического общества», а именно на атлас Штилера, на книгу Зупана по истории развития европейской колонизации и Мельника — сборник по Сибири с участием Григория Николаевича Потанина. Тогда же вышел XVI том «России», заключающий описание Западной Сибири и составленный приглашенными сотрудниками, так что мне принадлежала преимущественно редакция и некоторые картографические работы.

Александр Иванович Воейков посоветовал нам вести Романа в вегетарианский пансион Villa Frida г-жи Рандеггер на Monti del Trinità близ монастыря Madonna del Sasso, над городком Локарно (впоследствии столь прославившимся по дипломатическим переговорам) и озером Лаго Маджиоре в Итальянской Швейцарии, что мы и исполнили, выехав туда пятнадцатого апреля. В Германии к нам в купе упорно стремился сесть какой-то немец, но Вера вовремя дала на чай кондуктору, и тот его куда-то отвадил. Слабость здоровья Романа сказывалась в том, что ему делалось дурно при проезде через каждый туннель. В Берлине мы повидались с Сережей Ламанским, который жаловался на гастрическое недомогание и взял у Веры слабительное в неумеренном количестве. При наших детях была бонна-эстонка Полина Егоровна, добродушная и корректная. Madonna del Sasso — превосходное место. Это тихий католический монастырь, расположенный метров на 500 выше городка Локарно и соединенный с ним фуникулером. Он окружен вековыми липами, и к нему ведет крутая каменная лестница, на ступеньках которой происходят коленапреклоненные моления пилигримов. В одной пещере инсценировано посредством раскрашенных кукол в натуральную величину Воскресение Христово, а в зале монастыря — Тайная вечеря. Однообразный колокол то и дело мирно звонит по утрам и вечерам. Еще выше — вершина Брэ, на которую мы как-то с Верой поднимались пешком. Меня поразило отвратительное состояние мелких каштановых лесов, на склонах подпаливаемых пастухами. Очевидно, это было следствием того, что Тессинский кантон Швейцарии имеет итальянское население, типичной же чертой итальянцев является их неряшливость. При спуске с Брэ стугустились внизу грозовые тучи, и нам с Верой пришлось очень торопиться и идти, с опасностью сорваться, напрямик по кручам вниз. Однажды мы всей семьей на пароходе ездили

из Локарно через все Лаго Маджиоре до его южного итальянского конца, с остановкой в Паланцо, любовались панорамой на Монте Розу и садами герцогов Висконти. Вообще, по красоте Лаго Маджиоре далеко оставляет за собою прославленное Комо. Вегетарианский пансион Рандеггер «Villa Frida» был очень симпатичным, а сама хозяйка — добродушной и любезной. Среди пансионеров был архитектор из Берлина, бездетная супружеская чета, состоявшая из мужа-немца и жены-перуанки, и рыжеватый бородатый Herr Matti, любитель хозяйки, для которого она, в изъятие из правил, готовила и мясные блюда. Я рисовал пастелью. К концу своего месячного служебного отпуска я, на возвратном пути в Петербург, в середине мая ехал пароходом через Фирвальдштетское озеро до Люцерна и, заехав в Герсау, красиво расположенное на озере, нанял там комнату в пансионе для моей семьи, которая спустя некоторое время после моего отъезда должна была провести там все лето. Из Люцерна я направился через Цюрих на Вену. На швейцарско-австрийской границе в полночь я видел такую сцену: какой-то господин при таможенном досмотре собирался провести в своем багаже что-то недозволенное. Когда шикарный австрийский чиновник запротестовал, он его взял под руку и довольно долго ходил с ним взад и вперед, вполголоса разговаривая. Очевидно, он при этом дал ему взятку, так как его чемодан был после этого быстро закрыт, и с него ничего не взяли. Однако, в Вене утром с него под видом городского сбора все-таки стали требовать пошлины, и чем дело кончилось, — я не знаю, так как уехал на Варшавский вокзал.

С дороги я написал Вере в Madonna del Sasso письмо, в котором оповещал ее о найме мною для них помещения в пансионате «Beau Rivage» в Герсау, сообщил его адрес и условия. Спустя некоторое время после моего отъезда она с детьми и бонной Полиной Егоровной туда переехала. Пансион оказался недостаточно удовлетворительным и, пробыв в нем недолго, они переехали в том же Герсау в другой под названием «Feuhegg», который был несколько дороже, но лучше. Приехав в Петербург, я поселился на конец весны и все лето в родительской квартире и в свободные от служебных занятий дни ездил в окрестности, ближние и дальние. Так, в июне я посетил брата Валерия, жившего с семьей, т. е. с женой Капитолиной Ивановной, сыном Сашей и дочерью Лелей на озере Сайме в пансионе Рауха. Там я и встретил своего университетского знакомого, в это время уже одесского профессора географии Гавриила Ивановича Панфилова. С братом Валерием мы очень удачно ударили рыбу на порогах р. Вуоксы в Ситоле между Саймой и водопадом Иматрой. На последнем вместо прежнего, сгоревшего деревянного отеля, в котором я за 17 лет перед тем в 1890 году останавливался с Ростовцевым и Протопоповыми, был новый каменный, шикарный под названием «Каскад», с металлическим мостом над водопадом Иматры. Этот мост соединяет отель с железнодорожной станцией Иматрой. Местность близ водопада была уже совсем не та, что в 1890 году: вместо сплошного глухого хвойного леса последний был разрежен и расчищен, и в нем сделаны дорожки и обширные поляны. Самый водопад был прежнего желтого цвета, напоминающего пенящееся шампанское, но обстановка вокруг уже не имела той первородной дикости и суровости, которые составляли ее прелесть раньше: все стало несравненно более приветливым, подчищенным и несколько конфетным, вроде как в Швейцарии. Этому способствовала и масса нарядной публики, наводнявшей отель. В Ситоле, несколько километров выше водопада, где мы ловили рыбу, местность довольно открытая — настоящая финская деревенская, с разбросанными там и сям отдельными «торпами», т. е. крестьянскими деревянными домиками, выкрашенными красной краской-мумией, как это широко практикуется в Финляндии и Скандинавии. В одном из них жил рыбац, по имени Анти, со своим братом Матти, у которых мой брат Валерий и снимал

рыбную ловлю. За известное вознаграждение они с ним и с его гостем выезжали в двух челноках на пороги ловить лососей, форелей и хариусов. Ловля производилась наверняка, ибо накануне кто-либо из них или их домашних являлся к брату Валерию в пансион Рауха с извещением, что рыба, как они говорили, «суймит», т. е. клюет. Так было и на этот раз. Мы отправились под вечер жаркого дня. У берегов над Вуоксой носилось много насекомых — поденок, бабочек, мух и пр. Рыбы, охотясь за ними, то и дело выскакивали из воды в воздух между камнями. Серые челноки у Анти и Матти были устроены таким образом: спереди низкая скамейка для гребца, а сзади более высокая для удильщика, с покатой спинкой, устроенная так, что удильщик сидит лицом к корме. Руля нет, и гребец всецело управляет лодкой. Челноки плоскодонные, очень мелко сидящие. Анти и Матти предупреждали, что если попавшаяся рыба начнет срываться у борта челнока, то никоим образом нельзя за нею наклоняться, ибо таким образом один врач опрокинулся и был унесен в Иматру, где и погиб, а везший его рыбак едва спасся, вскочив на камень. Челноки очень вертлявы. Поэтому необходимо относиться ко всякой неудаче с рыбой с чисто финской флегматичностью, которая только и выручает. Впечатление от этой рыбной ловли весьма своеобразное. Анти и Матти кружились на челноках, каждый со своим удильщиком, одновременно и поочередно то ближе к одному, то ближе к другому берегу, чтобы леси не задели за камень и не запутались между собой, причем границей между их участками был один из камней посредине Вуоксы. Спускаться сколько-нибудь далеко вниз или подниматься сколько-нибудь далеко вверх по реке нельзя, ибо там находятся чужие, не принадлежащие им участки. Оба рыбака удивительно ловко и спокойно справлялись с быстринами и водоворотами. Попав на них, сперва совершенно не понимаешь куда движется лодка. Вот кажется, что стоишь на месте, а вдали на другом челноке брат Валерий куда-то ни с того, ни с сего несется с огромной быстротой, тогда как на самом деле в это время его челнок почти не движется, а нас самих несет. Анти или Матти неожиданно, точно ни с того, ни с сего, начинают отчаянно работать веслами, а потом их столь же неожиданно бросают и, сделав какой-то ничтожный полугребок одним веслом, попадают в тихую заводь, где челнок мгновенно останавливается, а они спокойно курят свои трубки, потом повторяется снова то же и т. д. Изредка они просят у нас на несколько минут английскую удочку и, шагнув из лодки одной ногой на камень, а другую оставив в лодке, делают удочкой несколько пробных нахлестов по воде, причем иногда попадается и рыба. Наживкой у нас служат искусственные рыбки — круглотелые фантомы или плоские рыбки Хиса (англичанина, известного в Петербурге акварелиста и рыболова) — для лососей и форелей и искусственные мушки для хариусов. Когда нам попадается на удочку рыба, Анти и Матти, по характеру колебаний конца удилица от ее скачков, безошибочно, как бы безучастно, говорят: «хариус», «форель», «лакс» и готовят сачок для их подсачивания, пока катушкой притягиваешь рыбу к лодке, которая в таком случае обязательно ставится ими предварительно в тихую заводь, чтобы ее не снесло. Все это делается необыкновенно ловко и безо всякой излишней торопливости. Нужно родиться и вырасти на порогах, чтобы все это производить столь артистично. В сущности, на Вуоксе нет настоящих форелей: это просто мелкие лососки, ибо «лаксом», т. е. лососем финны называют рыб больше 2 кило, иначе говоря, 5 фунтов весом, и все, что легче того, называется у них «форелью», хотя мясо у нее совершенно такое же розовое, как и у лосося, и видом она от лосося ничем не отличается. Лососей же здесь два вида: один сайменский — выше большой Иматры, толстый, короткий, обрубковатый, а другой, ладожский — ниже ее, тонкий и длинный, ловимый на Малой Иматре, иначе Валлинкоски. Самый же водопад для тех и других лососей непроходим. На этот раз, хотя крупных лососей у нас и не попало,

но лов был в общем очень удачен: мы с братом за вечер и раннее утро поймали 33 рыбы, почти поровну каждый (16 и 17), да приблизительно 60 с чем-то рыб сорвалось. Среди пойманных у каждого было по одной форели, или вернее, лосося в 3 фунта и по одному хариусу такого же веса, а остальные — более мелкие. Мой крупный хариус был лиловатый, а у брата Валерия — синеватый. В промежутке между вечерним и утренним ловом, когда на короткое время стемнело, мы часа на два прекратили ловить рыбу и отправились в домик Анти немного поспать, но этого не удалось сделать, ибо нас там закусали клопы, и мы предпочли, не смыкая глаз, посидеть на открытом воздухе возле избы за разговорами и приведением в порядок удочек. На утренней заре нашла маленькая тучка, и из нее пролился теплый коротенький дождик с радугой. Накинув плащи, мы продолжали удить, и я почему-то вспомнил древнюю языческую поговорку: «который бог вымочит, тот и высушит». Вернувшись часам к 10 утра, я лег хоть немного поспать в пансионе Рауха после бессонной ночи. День и вечер были снова жаркие. Мою порцию выловленных рыб надо было везти в Петербург к родителям в душных вагонах. Я вспомнил, что один вычислитель статистического отделения, по фамилии Бабкин, говорил мне, что на его родине, в Воронежской губернии, в жаркое время рыбу привозят на сельские базары крестьяне всегда в крапиве, и она в ней прекрасно сохраняется. Я этому последовал с отличным результатом: на следующий день у моих родителей было превосходное блюдо из свежих, выловленных мною рыб.

Вскоре после моего приезда из-за границы моя мать Елизавета Андреевна сообщила мне, что в Швейцарию на Фирвальдштетское озеро собирается ехать ее хорошая знакомая жена протоиерея Андреевского собора Ивана Ивановича Добронравова Надежда Ивановна со всеми своими тремя детьми — двумя сыновьями и дочерью, и думает жить в Герсау. Поэтому она просила меня написать Вере, чтобы Вера могла поспособствовать их устройству там. Они поехали и большую часть лета прожили в одном пансионе с моей семьей. Туда же приехал и Владимир Иванович Ламанский с Настей; затем их там навещил также третий сын моего брата Дмитрия — Миша, бывший в то время студентом-медиком Гейдельбергского университета по случаю невозможности заниматься в Петербурге из-за студенческих волнений. Наконец, Вера там сдружилась с пожилой дамой из Ростова-на-Дону Марьей Александровной Вейнрейх, о которой я упомяну в следующей главе. Моя регулярная переписка с Верой была, однако, раз нарушена весьма основательно. Я ей писал ежедневно открытки и несколько раз в неделю закрытые письма, на которые она и отвечала. Однажды я не получал от нее никаких писем в течение более двух недель. Я полагая, что кто-нибудь заболел, встревожился и сначала, по совету матери, отправился на Сиверскую к И. И. Добронравову, который жил там с родственниками своей жены, чтобы осведомиться, получал ли он за это время письма из Герсау от своей семьи, но он мне сказал, что тоже ничего не получал и тревожится. Затем я стал наводить справки о письмах в почтовом отделении, где в это время обязательно стоял часовой с ружьем. Почтовый чиновник, узнав, кто я, сказал: «Странно! Вам, несомненно, должны бы доставлять письма беспрепятственно. А, впрочем, мы тут ровно ни при чем, и потому потрудитесь навести справки о причинах недоставления Вам писем в министерстве внутренних дел, в . . .». Тут он указал учреждение, имя которого я теперь уже не помню, и в те времена его в публике называли «черным кабинетом». При этом часовой, несмотря на всю свою бесстрастность, к которой обязывала его служба, невольно и недвусмысленно улыбнулся во весь рот. Дальнейших справок я наводить не стал, а в тот же день по совету отца, отправил срочную телеграмму с оплаченным ответом в Герсау на немецком языке на имя хозяйки пансиона, с просьбой ответить о причине

молчания Веры. После этого я всю ночь не спал. Утром получился ответ хозяйки, что все здоровы, а письма Верой посланы в такие-то числа. Ни одного из них не было мне доставлено. Точно так же Вера, как оказалось, не получила и нескольких моих писем, не получил и нескольких ожидаемых писем от различных лиц и брат Валерий, ибо в это время шла поголовная перлюстрация в «черном кабинете», и корреспонденция в течение двух недель там безнадежно задерживалась. Конечно, такие «порядки» возможны были только в России. Из дальнейших писем Веры я узнал, что Сережа Ламанский серьезно заболел в Берлине. К нему туда выехала моя свояченица О. В. Покровская и ухаживала за ним. Она обращалась к известным врачам, между прочим, к Михаэлису. Он определил у него якобы брюшной тиф и посадил его на строжайшую диету. Ему становилось все хуже и хуже, он тощал и по дороге в госпиталь, куда его, по совету врача, свезла Ольга, ему даже сделалось дурно. Потом врачи вдруг спохватились и заявили, что это туберкулез легкого и, наоборот, стали его откармливать мясом и др. запрещенными питательными продуктами, как говорится, «на убой», а потом быстро послали во французскую Швейцарию на высокогорную климатическую станцию Leysin, где он вскоре поправился и осенью уже продолжал занятия, уже во Фрейбургском университете. Туберкулезом он, по-видимому, заразился, ухаживая за умиравшим в 1905–6 году И. В. Покровским. Оказалось, что в Германии в то время уже давно совершенно прекратились случаи брюшного тифа, за исключением Восточной Пруссии, куда заходили на заработки польские рабочие из русских пределов и куда из Берлина некоторые терапевты профессора отправлялись со студенческими экскурсиями, чтобы специально показывать им в натуре в местных больницах, как некую исключительную редкость, случаи брюшного тифа. Отсюда и произошло недоразумение берлинских врачей с Сережей, чуть не стоившее ему жизни.

Кроме посещения брата Валерия в Финляндии я в то лето не раз ездил с братом Андреем в Любань, в тамошний охотничий домик. Там я рисовал пастелью и удил мелкую рыбу в Тигоде, а под осень раз с братом Валерием ездил по реке, в ночную темноту, в лодке с острой лучить рыбу при помощи электрического фонаря. Попадалась только мелочь, хотя егеря рассказывали, что с весны, во время половодья в Тигоду с Волхова заходят огромные пудовые щуки, застревающие там после закрытия мельничьих плотин. Одна из таких щук была поймана егерями, но сорвалась и ушла, чуть не опрокинув лодки, и потом была найдена мертвой в наполненной водой канаве, выходящей в реку. В Любани брат Валерий поставил мотор на имевшуюся там лодку, и мы не раз ездили на ней прямо на станцию от охотничьего домика, расположенного за 7 верст.

В сентябре Вера с детьми вернулась в Петербург. Хотя и в Герсау Роман еще иногда прихварывал и приходилось обращаться к швейцарскому врачу, а местная аптекарша со слезами на глазах под осень расставалась с нашей бонной Полиной Егоровной, так как, очевидно, моя семья была главной потребительницей лекарств в Герсау, но в общем здоровье Романа настолько поправилось, что осмотревший его по приезду М. О. Иогихес остался очень доволен результатами, весьма хвалил Веру и говорил, что совместными усилиями ее с ним удалось наконец спасти его от угрожавших ему опасностей. Через некоторое время по возвращении из заграницы бонна Полина Егоровна по собственному желанию ушла, и вместо нее поступила новая, очень скромная и молчаливая молодая эстонка небольшого роста Берта Густавовна. В Швейцарии Вера и Ламанские познакомились с одной одесситкой, некоей Верой Ивановной Лангиной, которая через некоторое время переехала в Петербург и стала бывать у них на субботах. Она была высокой, некрасивой, довольно увесистой, весьма разбитной и несколько вульгарной девицей с авантюристическим пошибом. В это время на

субботах, кроме почитателей Ольги Владимировны — слависта Г. А. Ильинского, ученика В. И. Ламанского, которого Толпыго называл «оранжевым» и который в конфузливости имел обыкновение, пятясь, обивать каблуками плитусы полов, и этнографа С. Г. Рыбакова, все чаще и чаще стал появляться давнишний знакомый Владимира Ивановича, пожилой чех-вдовец Маршалек. Он был на своей родине инженером-архитектором и когда-то вместе со своей женой и группой чехов, по убеждению, перешел из католичества в православие. С женой он жил дружно. Умирая, она взяла с него обещание, что он пострижется в православные монахи. Он так и поступил. Но монахом он был чрезвычайно своеобразным, и все дали ему кличку «веселого монаха». Он жил в одной чрезвычайно глухой пустыни среди моховых болот, в порядочном расстоянии от Любани. Оттуда он наезжал в Петербург. Ему, как архитектору, была Синодом поручена реставрация древних христианских, бывших несторианских храмов в западной Персии, и он туда был одно время командирован. С ним духовное начальство, видимо, церемонилось как с иностранцем. Я как-то в праздник встретил его на Невском в таком виде: он шел без пальто в одной рясе и клобуке, причем у него были на груди рядом — знак «Союза русского народа» и ордена явно католического происхождения — наш «Стасюк» и какой-то австрийский, которых православным монахам носить не полагалось духовным регламентом. Затем, приходя в гости на субботы, он неизменно оставлял свой клобук в передней, что тоже монахам не полагалось, с веселым видом садился за рояль и дребезжащим голосом пел какие-то весьма сомнительные французские куплеты и песенки, сам себе аккомпанируя, аккомпанировал танцам и пр. Лангина вскружила ему голову, он млея в ее присутствии, похлопывая ее дружески. По ее просьбе он гадал на картах, приговаривая: «Vot tshto popolam s grehom slutshaetsa s monahom!» Всем гостям, в том числе и католикам, он добродушно раздавал свою брошюру под заглавием «Торжество православия», где описывался переход из католичества группы чехов, в которой участвовал и он с покойной женой. Когда Л. Н. Толстой был отлучен от церкви, Маршалек, будучи уже монахом, специально ездил к нему в Ясную Поляну по собственной инициативе, чтобы спорить с ним о религии, после чего добродушно рассказывал, что они не сошлись и каждый остался при своем мнении. Когда происходили в Саровской обители торжества канонизации Серафима Саровского, он также туда ездил по своему желанию и потом благодушно рассказывал, что там многие в это время творили чудеса исцеления больных и он тоже делал, что тут нет ничего трудного, так как больные — народ очень нервный, но что, впрочем, его вежливо попросили оттуда уехать.

Наш новый домовладелец Пель отделал себе самую большую квартиру в доме, во втором этаже (где раньше жил состоятельный сибиряк Сукачев) и присоединил к ней квартиру доктора Николая Антоновича Салманова и его сестры Елизаветы Антоновны Соколовой, соответствовавшую нашей, с выселением его этажом ниже, где жил ранее студент, женатый на дочери владельца дровяного двора, отчего в нашей квартире было тепло, а с водворением Салманова и Соколовой, плохо топивших, стало холоднее. Пель переехал с семьей на новую квартиру из своего дома на углу Литейной и Бассейной, а под ним в 1-м этаже поселился его зять Мамонтов с семьей. Однако, домовладельцу не долго пришлось здесь прожить, и он вскоре скончался. Его вдова жаловалась, что, когда он умирал, в квартире 3-го этажа как раз над его головой, у Жуковых постоянно происходила веселая музыка, несмотря на просьбы ее прекратить. После его смерти его вдова с семьей переехала обратно в старый дом и сдала огромную квартиру молодому горному инженеру Ярмонкину, представителю треста «Продуголь» (уже тогда стали появляться эти слова, столь пышно расцветшие впоследствии), державшему в гараже при доме не один автомобиль. У этого инженера ежеднев-

но слышалось чокание бильярдных шаров каких-то завсегдатаев, гвардейских офицеров, затем довольно часто происходили многолюдные банкеты, после которых через два дня аккуратно в газетах появлялись известия об обнаружении покушения на подкуп властей «Продуглем» то в одном, то в другом ведомстве, и тем не менее «Продуголь» закрываем не был. Раз в газетах появилось казенное объявление за подписью министра путей сообщения кн. М. И. Хилкова о том, что такого-то числа под конец присутственного дня в таком-то отделе министерства был найден забытый неизвестно кем пакет с 10 000 рублей и что министерство просит владельца явиться за получением его, представив доказательства принадлежности ему этой суммы, а в противном случае она будет обращена, по закону, на благотворительные цели. Это случилось тоже на следующий день после Ярмонкинского банкета. Очевидно, взятка по ошибке попала не по адресу, и можно было себе представить, как бесился тот, кому она была предназначена. Ярмонкин не пользовался никаким техническим или научным авторитетом в инженерных кругах, и весь его видный пост сводился к обязанности удачного размещения «доброхотных приношений» власть имущим во славу треста. Однажды во время отлучки куда-то Веры из дому, днем я с сыновьями услышал запах гари, затем послышался звон стекла, какой-то грохот на улице, и показалось за окном облако дыма, одним словом, эффект был чисто театральный. Оказалось, что Ярмонкин курил у себя в кабинете дорогую сигару, и нечаянно ожегши ею шикарное мягкое кресло, собственноручно выбросил его на улицу в окно, рискуя попасть им в головы прохожих, и тем ликвидировал начавшийся было пожар в квартире. Это был очень красивый прощальный жест с его стороны. Вскоре после того он куда-то исчез с горизонта со всеми своими автомобильными выездами, квартира запустела и в нее вновь вселилась вдова Пель с семейством, а на место семьи Элиаш хозяйка дома поселила свою замужнюю дочь Беккер. В самой же нижней квартире (1-й этаж), соответствовавшей нашей, где раньше жил доктор Вернер, когда-то лечивший брата Валерия от кавказской малярии, поселился реставратор и продавец старинных картин Зенгер, у которого бывал иногда мой отец Петр Петрович, который в эти дни заодно поднимался (на лифте) и ко мне в 4-й этаж, так как вдова Пель устроила на лестнице очень удобную подъемную электрическую машину. Все это произошло не в один год, а в несколько лет, начиная с 1907 года, но я точнее не помню, в какие именно сроки это было.

Точно так же точно не помню, в котором году министр торговли и промышленности В. И. Тимирязев собрал особое совещание по вопросу о приступе к печатанию незаконченного еще труда «Торговли и промышленности Европейской России по районам». Совещание это имело одно заседание под председательством моего отца Петра Петровича и состояло из статистиков П. В. Охочинского, В. И. Покровского, Д. И. Рихтера, профессора В. Э. Дена, а также барона М. Э. Нольде, Н. М. Штруппа, меня и еще нескольких лиц и, по моему предложению, решило печатать издание в таком количестве экземпляров, чтобы, кроме обычных продажных, можно было послать по экземпляру во все казенные палаты, губернские статистические комитеты, земские статистические бюро, в целый ряд центральных библиотек и учреждений, а также в крупнейшие иностранные библиотеки и крупнейшие иностранные университеты. Это делалось впервые. По окончании совещания некоторые из его членов обратились к моему отцу с вопросом, не по его ли инициативе и идее возник труд, но он им ответил, что он ровно тут ни при чем, и что идея, план и осуществление труда всецело принадлежит мне. Меня поздравляли.

В те годы я был сильно занят географо-статистическими работами и постоянно испытывал недостаток денежных средств, а Вера была поглощена воспитанием сыновей. Поэтому

не было возможности посещать сколько-нибудь систематично оперу и концерты и музыку мы слышали случайно, к тому же у нас дома не было рояля. Таким образом весь последний период музыкального творчества моего любимца Н. А. Римского-Корсакова, начиная с оперы «Садко», в значительной степени ускользнул от моего внимания. Я больше слышал о нем от его либреттиста и моего друга В. И. Бельского, чем переживал его. А это было как раз время всеобщего признания Римского-Корсакова и причисления его к сонму великих композиторов не только у нас, но и за границей, где он вместе с Мусоргским производил наибольшее впечатление, соперничавшее с Вагнером, и служил предметом подражания. Я тогда же запомнил один характерный случай. В. К. Саблер был послан Святейшим Синодом для прослушания шедшего в Мариинском театре «Китежа» с целью его запрещения духовной цензурой. Что же случилось? В. К. пришел в такой неподдельный восторг от музыки этой оперы, что тотчас же купил себе ее фортепьянное переложение и постоянно заставлял своих сыновей играть ее для себя дома чуть не до самой своей смерти, последовавшей более, чем через 20 лет, когда ему было свыше 80 лет. [3] Понятно, что при таких условиях «Китеж» избег дамоклов меча духовной цензуры, несмотря на то, что его финал представляет сплошную музыкальную икону с «неизреченным светом». Невразумительно потягивать на исполинскую музыкальную фигуру Римского-Корсакова изредка пытались без успеха только отдельные мелкие москвичи из критиков, плохо одаренных маленьких музыкантов, подобных кружку покойного И. В. Покровского. Необычайно благородное и умное поведение Н. А. во время волнений 1905 г. еще больше усиливало общее величие его фигуры.

В общем, второй период моей брачной жизни можно охарактеризовать как начавшийся довольно спокойно, а потом сопровождавшийся немалыми тревогами и неожиданной потерей любимой сестры. В научном отношении он представляет сплошь работы по двум направлениям:

1. редакционную и сотрудническую работу по девриеновской «России»;
2. такую же работу по труду «Торговля и промышленность Европейской России по районам»,

где я впервые, между прочим, созидал стенную торгово-промышленную карту, какой еще не бывало. Над ее техническим выполнением работал сначала симпатичный студент Всеволод Константинович Широков, а потом по его уходе в адвокатуру, продолжал работу один чертежник, фамилию которого я забыл, довольно способный и неглупый, но грубый, неприятного характера и работавший небрежно, ушедший затем, по своему желанию, в брандмейстеры первой в Петербурге автомобильной замковой пожарной части. Впрочем, ни одного столкновения у меня с ним не было, и только по его уходе я должен был собственноручно переделать большую часть его работы, к чему я относился довольно философски, как к неизбежному злу большой коллективной работы, ибо всегда чужая душа — потемки. Он был социал-демократом, большевиком, этого не скрывал и как-то в 1905 году на мой вопрос, как он себе представляет в будущем трудовое устройство России, ответил вполне определенно, что решительно все будут на службе у государства, подобно чиновникам, и никаких других форм труда не будет существовать. Когда вышли в свет 8 томов издания «Россия», я в своем домашнем кабинете на Бассейной по вечерам не раз невольно стал задумываться над тем, что должен будет представлять собою ее заключительный том по общему обзору суши, хотя это по ходу работы было еще преждевременно. При этом у меня как-то невольно создалась таблица географических элементов, слагающих Европейскую Россию,

показывающая их взаимные связи. Это было, с одной стороны, следствием обширной практики с таблицами в труде «Торговля и промышленность Европейской России по районам», а с другой — отголосок синоптических таблиц в моих палеонтологических работах о фауне юрских отложений Туркмении. Но так как таблица была преждевременна, то я тогда, создав ее, отложил про запас, а потом, в 1915 году, использовал для работы «Типы местностей Европейской России и Кавказа». На эту таблицу как-то мало обратили внимания по ее выходе в свет, между тем как это мой первый собственный чисто антропогеографический опыт и, надо признаться, опыт удачный, так как картина, в нем получившаяся, достаточно ярка, выразительна и убедительна. Лишь после того, как я выставил в 1920 году в Географическом музее, ее там тщательно изучил и пришел от нее в восторг один сибирский зоогеограф А. Я. Тугаринов, построивший под ее влиянием синоптическую таблицу в своих «Географических ландшафтах Енисейского края», но почему-то не упомянувший об этом в своей работе. Точно то же было потом и с проф. С. В. Бернштейном-Коганом в повторении моей идеи о зональности и аazonальности торговли и промышленности, о чем я скажу дальше.

XII

Завершение больших географо–статистических работ и поездки за границу (1908 — 1914)

Наступили годы ученья наших детей, и их надо было готовить в среднюю школу. Вера стала искать им учительницу, имеющую опыт в этом деле. Жена Иннокентия Александровича Молодых Марья Ивановна рекомендовала ей для этой цели сибирячку Екатерину Васильевну Корсакову. Она была преподавательницей в железнодорожной школе в Красноярске. Будучи социал-демократкой, Е. В. принимала участие в делах красноярской республики в 1905 г., затем, отбыв тюремное заключение, прибыла в Петербург с целью слушать курсы университетских профессоров, как напр., Н. М. Книповича и др. Она страшно бедствовала. Высокого роста, массивного сложения, с прекрасными белокурыми волосами и добрым румяным лицом, она произвела на нас самое лучшее впечатление и в разговоре обнаружила необычайную скромность. Пришла она к нам неожиданно, когда у Веры еще ничего определенного не было решено; но так как было совершенно ясно, что ее необходимо выручать в ее полуголодном положении, то Вера согласилась немедленно же предоставить ей учение детей, которые сразу почувствовали к ней полную симпатию. Вскоре количество учеников у Е. В. Корсаковой увеличилось. Сначала жена моего университетского товарища, тогда приват-доцента, а впоследствии профессора русской истории Александра Евгеньевича Преснякова, жившего поблизости от нас на углу Надеждинской улицы и Ковенского переулка, Юлия Петровна, встречаясь с Верой у Штруппов, пожелала присоединить к урокам Романа своего второго сына Алю (Александра), который и стал к нам ходить учиться на квартиру. Будучи преподавательницей в Выборгском коммерческом училище у прекрасного педагога Петра Андреевича Германа, Юлия Петровна посоветовала Вере отдать нашего Володю в это училище, а Роман и Аля были первоначально подготовлены Е. В. Корсаковой к ближе к нам расположенной, только что открытой школе Шидловской, а затем переведены также к Герману, так как методы преподавания там были лучше. Как-то, еду мимо Выборгского коммерческого училища близ Финляндского вокзала в трамвае, я слышал, как какой-то седой артиллерийский генерал, указав на школу, спросил свою соседку, знает ли она, что это такое? Она не знала, и старик сказал ей, что это самое лучшее учебное заведение во всем Петербурге, с которым ни одна школа конкурировать не может. Оно,

действительно, было во всех отношениях передовым при Германе¹. И школьники так его любили, что для них было высшим наказанием, когда их за опоздание на первый урок отсылали домой. Е. В. отлично их подготовила, а затем репетировала, и оба наших сына были в числе наиболее успевающих учеников. Затем В. И. Бельский обратился к нам с просьбой рекомендовать учительницу для его детей — сына Воли (Всеволода) и дочери Милочки (Людмилы). Мы рекомендовали Е. В. Корсакову, которая у Бельских также очень понравилась и стала их учить.

Через Н. М. Штруппа я получил заказ на составление карты деятельности Русского Дунайского пароходства для международной судоходной выставки в Бордо. Для технического воплощения ее я пригласил старого знакомого — картографа-чертежника Г. Ф. Захарова. Достав карты международной Дунайской комиссии, я имел возможность сравнить недавнюю съемку устьев Дуная со старинными, нашедшими себе отражение в нашей военнотопографической 3-х верстной карте. Приведя их к одному масштабу и наложив друг на друга, я получил ясную картину нарастания дельты Дуная за определенный период. Все это послужило для соответствующей моей работы, напечатанной в «Известиях Русского географического общества» и иллюстрированной двумя картами, исполненными Захаровым, а кроме того, им же под моим руководством была выполнена в красках и стенная карта деятельности пароходства, послужившая экспонатом для выставки.

Географическое общество переехало в новый дом на Демидовом переулке рядом со 2-й гимназией, специально выстроенный на средства общества с прибавкой от казны. Эта постройка весьма удалась благодаря стараниям архитектора Барановского и секретаря общества А. А. Достоевского и обошлась чрезвычайно дешево. Дом впоследствии был премирован городским самоуправлением за свою архитектуру.

С начала 1908 года я стал усиленно худеть, у меня участился пульс, и постоянно мне было жарко. Как-то в апреле утром, одеваясь, я взглянул на себя в зеркало и к своему изумлению увидел на правой стороне шеи опухоль и выпячивание глазного яблока в правом глазу. Меня эта несимметричная странность даже развеселила, но Вера настояла, чтобы я показался лечившему моих родителей врачу Льву Карловичу Лингену, сыну покойного старика Карла Максимовича Лингена, лечившего в свою очередь всех нас в детстве. К Л. К. Лингену Вера и сама не раз обращалась за советом и помощью для себя. Линген, осмотрев опухоль, болезни не назвал, но сказал, что это то, что часто делается у нервных женщин, и посоветовал мне показаться врачу по нервным болезням. Я пошел к своему гимназическому товарищу Николаю Юльевичу Шмидту, бывшему ассистентом у профессора-невропатолога Леонида Васильевича Блуменау, но в то же время ради заработка служившему в главном управлении неокладных сборов и казенной продажи питей министерства финансов. Н. Ю. определил у меня легкую форму Базедовой болезни, с редко встречающимся односторонним поражением щитовидной железы и глаза, ту самую болезнь, тяжелой двусторонней формой которой страдала его жена Элеонора Германовна. Тем временем Линген побывал у моих родителей и тоже со своей стороны сказал им, что у меня Базедова болезнь. Н. Ю. возил меня к своему профессору Блуменау, а, кроме того, к какому-то специалисту по сердечным болезням для определения состояния деятельности моего сердца. После этого он установил для меня соответствующий режим и стал мне электризовать щитовидную железу, посоветовав пораньше уехать на дачу и получить возможно более продолжительный отпуск для лечения. Приходя часто к Николаю Юльевичу, жившему недалеко от нас в Гу-

¹В нем учились дети многих либеральных и социалистических деятелей того времени

севом переулке, я близко познакомился с его женой Элеонорой Германовной, которая до того была у нас только однажды, после своей свадьбы с визитом, на который мы с Верой и ответили, но постоянное знакомство не состоялось, а Н. Ю. заходил ко мне очень редко и случайно. Теперь в каждый мой приход ко мне навстречу выбегал их малолетний сын Геня, с которым я играл, ожидая прихода Н. Ю. Затем мы с Верой вместе стали приходить к Шмидтам, а они к нам, и знакомство завязалось в полной степени. Элеонора Германовна, почувствовав симпатию к Вере, очень с ней сдружилась. Она была еврейка, дочь незадолго перед тем умершего германского подданного Вольгемут, финансового деятеля, мать ее была петербургская еврейка Ида Леонтьевна, рожденная Габрилович, у которой было несколько братьев, и все различных вероисповеданий. У Элеоноры Германовны был еще брат в Киеве и две сестры, из которых одна уже была в то время замужем в Берлине, а другая впоследствии тоже вышла замуж в Германию. Вида Элеоноры Германовны многие пугались. Прежде она, судя по фотографиям, была хорошенькая и изящная, но теперь глаза у нее были, как огромные фонари, выпуклые настолько, что она не вполне их закрывала во сне, а при ветре у ней неудержимо катились слезы. Мы называли ее «марсианкой». У ней были оперированы знаменитым швейцарским хирургом профессором Кохером обе щитовидные железы, по ее желанию, без хлороформирования, и все удивлялись, как она храбро перенесла операцию. Она была очень культурная, живая, умная, добрая и талантливая женщина, всегда интересная собеседница, с характером. К сожалению, у ней была не чистая форма Базедовой болезни, а смешанная с миксидемой, и это чрезвычайно затрудняло ее лечение и было одной из причин ее ранней смерти.

Базедова болезнь, которую я испытал, дает необычные ощущения. Пульс учащается до более чем 120 ударов в минуту, причем постоянно ощущаются перебои, появляется сильная потливость, постоянно жарко. Ночью можно спать только на очень низкой подушке — иначе делается бессонница, все чувства обостряются до крайности, соображаешь и делаешь все с такой быстротой, что сам себе удивляешься, но вместе с тем становишься очень обидчивым, раздражительным и слезливым и постоянно тревожишься за всех и вся; энергия не покидает ни на минуту и усталости не замечаешь; это, в сущности, сплошное горение.

Дачу мы наняли на этот раз в Райволе, в 5 км от станции, у вдовы Фишер, и переехали на нее в мае. В конце мая у моего 81-летнего отца Петра Петровича случился удар, о котором, чтобы меня не встревожить, мне не сразу сказали. Защищая против Витте в Государственном Совете проект Амурской железной дороги, отец очень волновался и во время своей речи, не докончив ее, упал с кафедры, был подхвачен своими коллегами и перенесен в соседнюю комнату. Победа была им одержана, но очень дорогой ценой. Витте тотчас же помчался на автомобиле на квартиру моих родителей и сообщил о случившемся сначала по телефону моей матери, а потом моему брату Измаилу. Брат поехал в Государственный Совет, а затем отец был доставлен домой. К счастью, удар был не особенно сильным, и он довольно скоро оправился, хотя некоторая несимметричность угла рта оставалась.² В

²Волнение, охватившее Петра Петровича при защите проекта Амурской ж. д., было вполне понятно. Он после злополучной войны с Японией в душе очень опасался возможности потери Россией впоследствии всего Дальнего Востока. Это сильно тревожило и моего брата Андрея, который, невольно воскресив в себе проскакивавший у него еще в детских играх интерес к постройке военных судов, после учреждения Государственной Думы, когда стало возможным публично обсуждать вопросы обороны в общественном порядке, начал усиленно изучать литературу по морской истории японской войны, сошедшись при этом с морским писателем капитаном Семеновым и с адмиралами Рожественским и Беклемишевым. Вступив в общество содействия развития военного флота «Морской Союз», он стал выступать публично в собраниях и в прессе. При этом он горячо защищал идею морской обороны преимущественно посредством минного

начале июня 1908 года из газет я узнал о кончине, от припадка грудной жабы, после грозы, в имении Любенске близ Плюссы, 64-летнего Н. А. Римского-Корсакова. Хотя я и слышал мельком от В. И. Бельского, что его здоровье несколько пошатнулось, но такой быстрой развязки я не ожидал³. Наконец в Райволе однажды утром, когда Вера уже встала и вышла из спальни, оставив гореть на комодке спиртовку, а я еще лежал в постели, спиртовка внезапно опрокинулась и горящий спирт разлился. Я вскочил в одной ночной рубашке и, набросив на пламя одеяло, затушил начавшийся было пожар, от которого рисковала сгореть вся дача. Все это, вместе взятое, конечно, не могло способствовать поправлению моего здоровья.

Райвола — двойное село, русское и финское, разделяемое запруженной рекой Линдулой, проходящей через ряд озер. На мосту, по старинному обыкновению, происходили пьяные столкновения финнов и русских из-за женщин, кончавшиеся порой ножовщиной. Однажды поздно вечером такой пьяный финн, изрыгая финские ругательства и не находя своего дома, забрел по ошибке на нашу дачу, долго стучался и наконец ушел. Кругом села расположены по шоссе, ведущему в Кивинеб, многочисленные дачи. На мельнице была электроустановка, и многие крестьянские дома и дачи имели электрическое освещение, зависевшее от работы мельницы и потому горевшее не всегда. В ряду дач был и деревянный театр. У вдовы Фишер было на ее обширном участке три дачи различных размеров. В одной из них она жила сама с дочерью Марией, молоденькой, высокой, миловидной блондинкой, на следующий год умершей от аппендицита, а другие дачи сдавались. В большой даче жили старая полька Александра Ксаверьевна Орановская, вдова генерала Орановского, известного в свое время офицера генерального штаба по военно-топографическим и статистическим описаниям западных губерний. Хотя они оба и были поляками-католиками, но, находясь в годы рождения своих трех детей где-то в чисто русской глуши, где никаких ксендзов не было, окрестили их по-православному, довольно резонно рассудив, что обоим сыновьям будет таким образом впоследствии открыта более свободная военная служебная дорога. Оба ее сына и были уже генералами. Младшего, артиллерийского генерала, в Райволе не было, а старший — кавалерийский генерал Владимир Алоизиевич, был женат на дочери лучшего генерала маньчжурской армии Ник. Петр. Линевича, Тамаре Николаевне, имел от него сы-

и быстроходного крейсерского флота и авиации, в противоположность тогдашнему морскому ведомству, поклоннику модной тяжелой системы дредноутов. Представителем взглядов морского ведомства на этих дискуссиях был член Географического Общества полярный исследователь, моряк Александр Васильевич Колчак впоследствии адмирал, с которым брат Андрей постоянно горячо спорил и не соглашался.

³Через 30 лет после смерти Н. А. Римского-Корсакова А. В. Оссовский говорил, что всегда при разговорах со своим учителем, он неизменно невольно испытывал какой-то внутренний душевный трепет и затем в течение ряда лет многократно проверял свое впечатление у многих и многих крупных, средних и мелких музыкантов, сочувствовавших и не сочувствовавших Римскому-Корсакову, умных и неумных, ведших когда-либо с ним разговоры, и все без исключения признавались ему в том же. «А это значит, — заключал Оссовский, — что Николай Андреевич был поистине великий человек». Наблюдение глубоко правильное и объективное. Затем Оссовский сказал, что Н. А. находил, что жизнь и смерть одинаково прекрасны и что это он и старался отразить в своей музыке. Философия необычная и удивительная. За одну такую философию можно заслужить царствие небесное. Год спустя после того, во Франции была проведена широкая анкета среди музыкантов и ценителей музыки с вопросом, кто из русских композиторов больше всего нравился французам? По подсчетам голосов оказался на первом месте Н. А. Римский-Корсаков, на втором — М. П. Мусоргский, на третьем — А. П. Бородин и на четвертом — П. И. Чайковский. Этот порядок французы объясняли тем, что Чайковский ничего нового им не дал, а первые три дали. Мы же слишком привыкли все хорошее получать в первую очередь с Запада и потому все, так или иначе его отражавшее, нас более трогало, чем то, что исходило с нашей же родины. Я лично такого течения симпатий никогда не разделял, считая его трафаретным.

на Госю, ровесника нашему Володе, и жил со своей семьей в 1 километре от дач Фишер по шоссе в Кивиниб, в хорошей, одиноко стоящей даче на круглом лесном озере, имевшим речной сток через два озера и речку Патриковку или Патркин-йоки в Линдулу. На этом озере я в изобилии ловил ершей и однажды видел их нерест. Впоследствии после первой революции, при разложении армии в последние дни временного правительства, В. А. Орановский, находясь со своей частью в Выборге, погиб, будучи столкнут вместе с лошадьё с моста в воду взбунтовавшимися солдатами. Человек он был чрезвычайно молчаливый. Вдова Орановская жила на даче Фишер со своей дочерью Верой Алоизиивной, незамужней, тоже православной. При дачах Фишер на реке была лодка, с которой я часто ловил рыбу. А рыбы в Райволе было немало: щуки, окуни, плотва, ерши, лещи. Однажды мне на удочку с берега попался крупный лещ, но леса зацепилась за древесный сук, и лещ, повисев недолго в воздухе, шлепнулся обратно в воду. Кроме того, я много рисовал акварелью. В общем Райвола была очень хорошим дачным местом, хотя ездить от станции до нашей дачи было довольно далеко. Ко мне приезжал Н. Ю. Шмидт, чтобы посмотреть от времени до времени за состоянием моего здоровья. Я с ним ездил ловить рыбу, причем он греб (обычно же это исполняла Вера, так как мне гребля была запрещена). Я сидел на руле, тащил за собой дорожку, на которую попала большая щука. Так как она своими прыжками в лодке рисковала выскочить из нее в воду, то я наступил ногой на нее, чтобы ее удержать. Шмидт сказал мне: «Какой ты варвар». Впрочем, ловля ему настолько понравилась, так же как и щучьи котлеты, что он потом, приезжая в Райволу, постоянно говорил мне: «Поедем ловить щуку». Во второй половине июня было длительное ненастье с прохладной погодой, и рыба совсем было перестала клевать. Когда погода стала теплеть и чуть-чуть улучшаться, я однажды в начале июля с наших лодочных мостков на реке закинул удочку при последних каплях дождя, и вдруг рыба, до того не проявлявшая никаких признаков движения, ни с того ни с сего стала так безумно клевать в массу, что я еле успевал вытаскивать и закидывать мои три удочки. На следующий день наступила очень надолго великолепная сухая, теплая и солнечная погода, и я поехал на 2-3 дня к брату Валерию в Карисальми по Сердобольской железной дороге, где он в это время жил с семьей. Приехав, я узнал от него, что он у себя тоже внезапно испытал, как раз в тот же день и час, что и я, такой же безумный клев рыбы. В Карисальми приехал и брат Исмаил из Петербурга. Там была парадная дача, от которой шел ступеньками крутой спуск к узкому и длинному озеру, сообщавшемуся в нескольких километрах дальше с большим извилистым, лопастным озером Коконсальми, изобилующим островами. Мы, три брата, с гребцом финном, закатились на целый день на лодке на это озеро для рыбной ловли. В узком озере попадались брату Валерию при нас на английскую удочку с катушкой крупные окуни до 3-х фунтов весом, а в Коконсальми мы все втроем ловили щук, судаков и окуней несколько меньшей величины. Рыба безумно хватала на искусственную приманку ежеминутно, и мы едва успевали вытаскивать ее на английские удочки. Самая крупная рыба попала мне на большой глубине. Я ее тащил вверх с большим трудом, отдавая временами лесу, чтобы не порвать последнюю при ее сопротивлении, но, не дойдя нескольких метров до поверхности воды, рыбина сорвалась, когда был уже приготовлен [сачок] нашим гребцом для ее подсачивания на поверхности. Судя по характеру сопротивления, это был, вероятно, очень крупный судак, подобный тому, какого выловил перед тем без нас наш финн, который об этом и рассказывал. Кроме этой большой ловли мы вечером ловили как-то на узком озере у дачи на червячков мелких лещей и плотву, причем плотва массами попадалась и на голые крючки. Завернув всю пойманную рыбу в крапиву, я привез ее в Райволу. В Карисальми я нарисо-

вал узкое озеро пастелью и впоследствии подарил свой этюд моей невестке Вере, которая, будучи подростком, через несколько лет позже жила в Карисальми со своими родителями на даче возле той, о которую я упомянул. В другой раз мы поехали всей семьей в гости к Вериней гимназической товарке Сарре Григорьевне Райской, рожденной Щелкиной, в Усикирко, где она жила на собственной даче со своим мужем Дмитрием Павловичем Райским, служившим в канцелярии Государственной Думы, и детьми, ровесниками наших сыновей. У Райских была большая, ими выстроенная дача в довольно безлюдном месте в сторону от железнодорожной станции, в нескольких километрах не доезжая села Усикирко. Там мы и ночевали. В маленькой речке дети Райских вытаскивали на удочки маленьких форелек. Я рисовал пастелью лесные дали высоких песчаных озв. Из полученной Райским газеты я случайно вычитал печальное известие о гибели в горной речке на Алтае нашего старинного приятеля Германа Германовича Петца, ездившего на геологические исследования. Позже в заседании отделения физической географии Географического общества, часть которого была посвящена его памяти, я сделал доклад о нем, помещенный затем в «Известиях». В Райволе я, усердно рисуя пастелью, стал все больше и больше увлекаться изображениями неба. Это всегда самая фантастичная и вместе с тем динамичная часть пейзажа, оказывающая наиболее могучее действие на общее настроение. Что может быть красивее и вместе с тем проще отражения солнечного света в облаках? Оно как-то отрешает в загадочную неведомость от земной поверхности, так же как звездная ночь отрешает в беспредельное пространство Вселенной. Но пространство Вселенной страшно, а тут этого нет. Одним словом, после музыки и художественного слова изображения неба наиболее глубоко западают в душу.

За лето у меня не произошло ни улучшения, ни ухудшения Базедовой болезни, и мой вес оставался все столь же низким. По первому взгляду посторонние, не знакомые со мной лица принимали меня за чахоточного. Поэтому Н. Ю. Шмидт посоветовал мне осенью в сентябре ехать лечиться под Берлин в санаторию знаменитого германского невропатолога проф. Опенгейма, у которого он и сам успешно лечился за несколько лет перед тем от неврастения и черной меланхолии. Я согласился и поехал в Петербург устраивать дела, а покамест моя семья оставалась уже в начале сентября в Райволе. В это время у Романа сделалось гастрическое недомогание; принятая им доза каломеля подействовала как-то неправильно, и он получил сулемовое отравление. Вере пришлось вызвать в Райволу М. О. Иогихеса, который его и выправил. Мои родители вернулись из Гремячки и предполагали, для окончательного поправления Петра Петровича, ехать за границу. Поэтому они предложили мне ехать до Берлина с ними вместе. В это время в России была холера, и на европейских границах были карантинны. Когда я с отцом обсуждал план совместной поездки, у него случайно была старинная знакомая родителей Розалия Ивановна Кауфман, вдова раввина — собирателя старинных картин. Она была очень добрая женщина. Присутствуя при нашем разговоре, она, в целях избежания задержки на пограничном карантине, любезно посоветовала моему отцу ехать не на Вержболово, а на Домброву–Сосновицы–Границу, ибо там у нее есть родственник — любитель старинных картин, живущий близ самой границы в собственном доме, который с удовольствием доставит Петра Петровича в своем автомобиле инкогнито через границу в германский пограничный город Каттовицы. Выслушав ее, отец вскипел и с возмущением серьезно воскликнул: «Как, меня, с моей известностью, Вы собираетесь переправить через границу контрабандой! Ни за что не согласен». Я кусал губы, чтобы не расхохотаться. Затем пришел доктор Линген и, осмотрев отца, посоветовал ему на этот раз совсем не ехать за границу, ввиду того, что он еще не совсем оправился от последнего удара.

Поэтому мои родители, отменив свою поездку, предложили мне пригласить с собой в Берлин С. В. Ламанского, который недавно там долго жил в качестве слушателя университета и все хорошо знает. Я с этим согласился, и он тоже. Линген дал мне удостоверение в том, что я болен Базедовой болезнью, сопровождающейся гастрическим расстройством, а не холерой, на случай задержки в пограничном карантине. Однако его не пришлось предъявлять, так как нас с Сережей на границе не подвергали никакому допросу и освидетельствованию.

В Берлине мы остановились в частном пансионе в Западном квартале, у границы Шарлотенбурга. Интеллигентный хозяин упрекал свою жену в том, что она говорит часто на берлинском «диалекте» вместо литературного языка, отчего приезжие ее зачастую не понимают. Среди пансионеров был какой-то мнительный пожилой немец, страдавший диабетом и очень много и подробно о нем рассказывавший, и толстая немолодая немка, перед каждым обедом и ужином патетически неизменно восклицавшая “*gesegnete Mahlzeit.*” Оппенгейм, по наведенным справкам, менял в это время квартиру, и приема у него пришлось ждать около недели. От нечего делать мы посетили с Сережей Eispalast, где видели какой-то балет на искусственном льду, Зоологический сад, выставку изобретений, где видели устройство подводной лодки и пр., а я ознакомился с новейшим путеводителем по Берлину, имевшимся в нашем пансионе. Мы хотели зайти в новый собор, сооруженный при Вильгельме II в подражание Исаакиевскому собору в Петербурге, но хозяин нашего пансиона как-то, с несколько сконфуженным видом, нас отговаривал, уверяя, что там для иностранцев мало интересного. Я посмотрел в путеводителе описание собора и узнал, что там, на карнизах и стенах внутри расписаны все официально признаваемые чисто германские добродетели, что там есть где-то в боковых порталах статуи всех великих христианских мужей, начиная с апостолов, затем Лютера и других великих реформаторов, далее Бисмарка и, наконец, заготовлено место для какой-то будущей статуи, о которой говорилось очень неясными намеками, но очевидно, тут разумелся не кто иной, как «создатель храма сего» Вильгельм II. После этого стыдливость хозяина пансиона стала нам понятна, и мы в собор не пошли. Тем временем Оппенгейм принял меня, полностью подтвердил диагноз Н. Ю. Шмидта и сказал, что меня можно довольно быстро поправить в его санатории. С его запиской мы и направились по Потсдамской железной дороге в Шлахтензее, где она помещалась, в получасовом расстоянии от Берлина, близ небольшого, узкого, длинного, довольно живописного ледникового озера в сосновом бору. Это озеро входит в цепь Бранденбургских озер. Никаких исторических битв на его берегах не происходило, поэтому берлинцы предполагали, что его название происходит от слова «Schlecht», т. е. по-нашему «дряньненькое», которое для благозвучия переделано в «Schlacht». Санатория называлась «Hubertus» в честь святого, покровителя лесных оленей. В ней постоянно жил только младший молодой врач, фамилию которого я забыл, а два старших врача — доктора Маас и Калишер почти ежедневно приезжали из Берлина. Сам же директор санатории профессор Оппенгейм посещал ее лишь раз в неделю и экстренно приезжал лишь в очень редких, серьезных случаях по просьбе старших врачей. Кроме того, были сестры милосердия, бадемейстер и небольшой административно-хозяйственный персонал. На смотрителя здания санатории выпадала, между прочим, неблагодарная обязанность — обманным образом увозить в психиатрические больницы на извозчике попадавших иногда по недосмотру, под видом нервных больных, людей, страдающих психическим расстройством, которые, открыв с опозданием хитрость, подчас его тут же на извозчике старались отдуть, как он сам рассказывал. Оппенгейм был еврейского происхождения, но, несмотря на это, критически относился к своим сородичам, которые в числе прочих больных стекались к нему из разных стран и в

очень большом количестве из нашего Западного края и Польши. Я сам читал его фельетон в одной из берлинских газет, в которой он, сообщая некоторые общие впечатления от своей обширной практики, довольно-таки ворчливо критиковал своих соплеменников. Тем не менее антисемитские тенденции немецких консервативных профессоров сделали то, что Оппенгейм, несмотря на весь свой крупный европейский авторитет, был ими забаллотирован на какую-то кафедру, что, понятно, его очень обидело. В день, когда он приезжал в санаторию «Hubertus», там все шло вверх дном: еще накануне вечером начинались чистка и мытье всех и без того совершенно чистых помещений, доходившее до своего апогея рано утром в день его посещения, так что никакого толка ни в чем ни от кого в эти часы нельзя было добиться, настолько все сестры милосердия, сиделки, кастелянши, уборщицы, горничные, швейцар, ламповщик, буфетная и кухонная прислуга были сосредоточенно поглощены приготовлением к его приезду. Из двух старших врачей самым симпатичным и живым был доктор Маас, к которому я и был направлен Оппенгеймом; доктор Калишер был менее приветлив, хотя и очень корректен, вежлив и серьезен, даже несколько суров. У него в свое время лечился Шмидт. Узнав от меня, что он жив и даже женат и имеет сына, Калишер весьма изумился, обрадовался и просил передать ему свой сердечный привет, ибо в бытность его в санатории, во время припадков черной меланхолии, по словам Калишера, он то и дело думал о самоубийстве. Пациентов в санатории было много, и стекались они не только из Европы, но и из Америки.

Сережа нанял комнату в местечке Шлахтензее и ежедневно приходил ко мне в санаторию, нередко оставаясь со мной обедать за табльдотом. Я в это время имел чин надворного советника — четвертый снизу для окончивших университет по 1-му разряду и седьмой сверху, соответствовавший по табели о рангах военному чину подполковника или ниже игумена в чинах духовных; большинство наших гимназических учителей носило этот чин. У немцев же все, что связано со словом Hof, вызывало представление как о чем-то высокопоставленном. Поэтому, увидев в моем паспорте Hofrat, они по трудности для них усвоения моей двойной фамилии, стали меня просто называть Herr Hofrat, и соответствующая этикетка без фамилии была ими прикреплена к моему chaise longue в саду санатории. Тяготясь однообразием санаторного режима, я старался незаметно от докторов, потихоньку заниматься своей новой географо-статистической работой «Город и деревня в Европейской России», начатой еще в Райволе в дурную погоду и по вечерам и потребовавшей от меня в общем 14 000 вычислений, которые я производил необычайно быстро и точно вследствие крайнего обострения всех моих чувств. Как-то я занялся ею в санатории ненадолго днем, сидя в своей комнате. В это время неожиданно меня застал за нею бадемейстер с прусскими усами военного стиля, пришедший класть мне холодную водяную спираль на сердце для уменьшения сердцебиения. Увидев меня занимающимся, он повергся было в ужас, но тотчас, что-то молча сообразив, почтительно осведомился, произвожу ли я работу “für den Hof?” Хотя я и ответил отрицательно, но он не изменил почтительного отношения к моей работе, замолчал и не сообщил ничего о моем предосудительном поведении врачам. В санатории мне был прописан так называемый Mastkur, т. е. по-русски попросту «откармливание на убой» или «жратва». В 7 часов утра ко мне стучалась в дверь горничная и приносила в постель две чашки теплого молока с сухарями, после чего я засыпал. Через час она же подавала мне в постель четыре чашки какао с четырьмя белыми булочками с маслом, после чего меня навещал врач. Побеседовав с ним, я быстро одевался и шел в общий зал завтракать ровно к 9 часам. Если я опаздывал на несколько минут, на меня ворчали. За завтраком были всякие сыры, колбасы и виноград, груши и яблоки. Затем по возвращении в свою комнату, я

должен был принять мальцэкстракт с печеньем и электризовать свою щитовидную железу, а раз в неделю взвешиваться на весах. После этого меня отправляли лежать до 2 часов дня в *chaise longue* в саду, где я от нечего делать повергался в полудремотное состояние. Ровно в 2 часа я шел обедать в общую залу, где давалось 5 блюд, преимущественно мясных и тестовых. Между двумя средними блюдами мне предлагалась целая бутылка *Malzbier*, которую я выпивал залпом. Председательствовавший за обедом младший врач как-то сказал мне: «Вы, однако, храбрый человек — пьете ее всю залпом», на что я ему ответил, что это такая гадость, которую иначе как залпом не выпьешь. После обеда я приходил в совершенно обалделое состояние: мне казалось, что вот-вот мой живот взорвется. В таком идиотском состоянии я ложился у себя в комнате на кушетку и ни о чем не мог думать. В это время приходил бадемейстер и держал на моем сердце в течение около четверти часа холодную водяную спираль. Затем в 4 часа дня я снова шел в общую залу и там поглощал две чашки какао. После этого я был наконец свободен до 7 часов вечера, когда съедал сытный ужин, а затем, вернувшись к себе в комнату, в 9 часов вечера получал еще 4 чашки крепкого шоколада с печеньем, и после этого ложился спать, так как в 10 часов все газовое освещение в санатории гасилось приходившим для этого ламповщиком. В начале я заявил было протест против такого питательного насилия, тем более что у меня было сплошное гастрическое расстройство, но мне было объявлено, что все это пройдет и я привыкну, а если я не желаю подчиниться такому деспотическому режиму, то мне придется уехать из санатории.

Действительно, я привык к такому режиму довольно скоро. Сна, конечно, не хватало на такое количество часов, но доктора мне говорили, что важно то, что я их пролеживаю, ибо это уже половина отдыха. В свободные часы между 4 и 7 я иногда ездил по Шлахтензее в лодке с Сережей, а раз мы съездили с ним даже на пароходе в Потсдам — скучнейший казарменный провинциальный прусский городишко и посетили знаменитый дворец Фридриха Великого «*Sans Souci*», который куда беднее и мизернее любой из наших царских загородных резиденций, видно сразу, что прусские короли были значительно беднее русских царей, да и вкуса в архитектуре и обстановке значительно меньше. Озеро, по которому мы ехали, было довольно живописно, но его портило излишнее количество всяких домиков по берегам.

Когда гасили в 10 часов вечера в санатории «*Hubertus*» газ, я после ухода ламповщика зажигал свечку и с нею в постели потихоньку занимался своей географо-статистической работой часов до 12 ночи. Рядом со мной за стеной помещался отставной прусский майор, страдавший, как и большинство нервных пациентов санатории, за исключением, кажется, одного меня, бессонницей по целым часам. А так как у него, очевидно, был *tabes*, то, обладая малой чувствительностью ног, он ночью страшно топотал по полу. Этот субъект еще тихонько сманивал рано по утрам на какие-то дальние прогулки пешком с ним других страдавших бессонницей пациентов санатории, чем приводил в крайнее неудовольствие докторов. За обедом он любил страшно много говорить и между прочим рассказывал, что бывал в России и удивлялся выносливости и крепости русских рабочих и крестьян, питающихся, как он говорил, одним черным хлебом, селедками, луком, огурцами и водкой. Через несколько лет я, проезжая через Вену, случайно встретил на южном вокзале этого самого майора. Его несли два человека в откидном кресле, вид у него был полуидиотический, и он, конечно, меня не узнал: очевидно, у него уже был прогрессивный паралич. Во время обеденных разговоров за табльдотом в санатории «*Hubertus*», немцы носились с мыслью об европейских Соединенных Штатах, причем Вильгельм II прочился ими в сверх-президента

и сверх-императора в то же время; они при этом с некоторой добродушной иронией отмечали его страсть одеваться в военные мундиры всех наций и говорили, что у него для того есть богатейший гардероб. В это время в окрестностях Шлахтензее шло артиллерийское учение прусских войск и то и дело ухали выстрелы крупнокалиберных орудий, от которых дрожали стекла. Картина была с избытком империалистическая. Среди пациентов санатории был один богатый американец, мистер Штраус. Он влюбился по уши в одну пациентку, белобрысую, сильно кокетничавшую с ним немку, и так как у санатории были две строгие половины — мужская и женская, вольный переход из которых друг в друга был строго воспрещен, то он пользовался каждой минутой во время обедов, завтраков и встреч в общей для всей санатории гостиной для того, чтобы с ней видеться и тосковал, когда она не приходила. Болтливый майор его поддразнивал. Штраус непрерывно терял свой вес вместо того, чтобы его прибавлять, и Оппенгейм предписал ему ехать в санаторию в Keiserstuhl, но он отказался. Немцы за обедом то и дело громко спрашивали друг друга: «Когда же свадьба?». Кончилось тем, что Оппенгейм выписал из санатории «Hubertus» Штрауса. Был там еще один итальянец, который во время взвешивания на весах клал себе в карман потихоньку добавочные гири, чтобы казаться тяжелее. Однажды, проснувшись утром, я услышал какие-то очень грубые окрики и маршировку вниз. Ко мне пришел в это время доктор Маас для своей утренней визитации. Я спросил его, что это значит? Он мне объяснил, что это гимнастика для неврастеников, и что нет ничего тяжелее и несноснее их: им предписана гимнастика, а они от нее всячески отлынивают и вообще ведут себя совершенно неподобающим образом, и нет другого средства воздействия на них, кроме грубых окриков, которым они только безропотно и подчиняются. Однажды я простудился и получил ангину, но она необычайно быстро прошла вследствие чистого воздуха. Теплая, солнечная и сухая погода сменилась под конец моего пребывания в Шлахтензее сразу, без ненастья, легкой морозной с выпавшим в одну ночь снегом, после чего с утра стало безоблачно. Пейзаж был очень красив. Я пробыл в Шлахтензее 5 недель, и доктора очень торговались со мной, чтобы я остался и на 6-ю, но я не согласился, ибо отпуск мой кончился, и я его уже просрочил, и к тому же прибавил 20 фунтов веса. При зазимке мы с Сережей выехали в Петербург вечером из Берлина, причем я предварительно показавшись в последний раз Оппенгейму, подтвердившему план моего дальнейшего режима, составленный доктором Маасом. Проснувшись лунной ночью на какой-то прусской железнодорожной станции, я был поражен тишиной и звуками бубенчиков в ней. Оказалось, что это подъезжали и уезжали сельские немцы по зимнему первопутку. Всю дорогу от Вержболова до Петербурга мы проехали при таком же безоблачном зазимке со снегом, и в Петербурге было то же. Так я явился домой на Бассейную. Вера встретила меня на вокзале и нашла, что я очень потолстел, но бледен. В этот же день моего приезда у нас были неожиданно приехавшие в Петербург откуда-то издалека Василий Юльевич Кузнецов с женой Еленой Петровной. Встреча была очень радостной. Вера устроила мне в Петербурге надолго продолжение, в облегченном виде, того же пищевого режима, который был установлен в Шлахтензее, и я в конечном результате в течение последующей зимы прибавил еще столько же веса, так что в общем прибавка была более 1 пуда. Н. Ю. Шмидт нашел, что это не только вполне достаточно, но что при моем небольшом росте, есть даже несколько фунтов излишка, которые, впрочем, могут пригодиться на случай какого-либо истощающего заболевания. В Шлахтензее свою щитовидную железу, кроме электризации, я лечил приемами внутрь немецкого антитиреоидина Мебиуса, который Шмидт заменил мне таблетками американского тиреодектина Парка и Девиса, действующего сильнее.

Осенью 1908 года, до моего возвращения из заграницы, умер бывший секретарь Географического Общества А. В. Григорьев, а в конце декабря было освящение нового его здания, на котором присутствовал мой отец.

В Географическом Обществе я принял участие в гипсометрической Комиссии, где по поводу сообщения С. Н. Никитина, между прочим, указал на то, что названия Алаунская возвышенность следует избегать, как приуроченного географически совершенно неправильно, ибо Птолемей, у которого оно заимствовано, разумел под этим Донецкий кряж, заселенный в его время родственниками осетин аланами, вытесненными с Северного Кавказа. Я тогда не знал, что Киперт на своих исторических картах так именно и обозначил Алаунские горы в 1869 году, но в учебниках географии заблуждение повторялось еще целых 40 лет после того. В министерстве торговли и промышленности я был привлечен в комиссию по составлению программ преподавания географии в коммерческих училищах вместе с Н. М. Штруппом, С. П. Бобиным, С. Н. Никитиным и др. под общим руководством заведовавшего учебным отделом минеролога профессора А. Е. Лагорио. Я составлял самый главный скелет программы и внес туда немало совершенно нового. Н. М. говорил другим членам комиссии, чтобы они внимательно ко мне прислушивались, так как я вношу много такого, чего никто из них не знает. Это была правда. Никитин был приглашен при окончательном чтении программы и весьма одобрил все новшества, вводимые мною. К сожалению, в конце концов программы были посланы на просмотр профессору Экономической географии политехнического института, весьма милому и корректнейшему человеку Владимиру Эдуардовичу Дену, историку и экономисту, но не географу по натуре (в чем он и сам иногда потом признавался), и он, не поняв в чем дело, много существенного из них повычеркнул, как мне потом жаловался С. П. Бобин. Работу «Город и деревня в Европейской России» я продолжал, и карты для нее я дал вычерчивать начисто способному племяннику нашей бывшей бонны М. М. Федоровой, которого я определил в ученики к Георгию Федотовичу Захарову. Этот молодой человек хорошо выполнил мое поручение и со своей стороны попросил меня поручиться за него при покупке им в рассрочку у какой-то фирмы мотоциклетки, стоившей более 700 рублей. Я исполнил его просьбу, и он, получив платное место чертежника, кажется, в губернской чертежной, аккуратно выплатил в сроки всю стоимость мотоциклетки, ни разу не подведя меня, своего поручителя и показав этим свои хорошие душевные качества.

В 1909 году летом умер приятель моего отца Петр Владимирович Охочинский, а осенью скончался Сергей Николаевич Никитин. В заседании отделения физической географии, в котором его поминали, я сказал слово в его память, в котором старался оттенить его географические заслуги и то, что он был одним из немногих у нас настоящих крупных географов — человеком с настоящей географической головой. Тогда же осенью в середине октября состоялось в новом доме Географического общества первое общее собрание под председательством моего отца. Тома девриеновской «России» стали за последние годы выходить реже, чем раньше. Тут было несколько причин. Прежде всего, самая организация издания была неправильна. Его следовало осуществлять так, как это делается по отношению к энциклопедическим словарям, т. е. должен был бы быть один главный редактор на ежемесячном вознаграждении и несколько главных сотрудников по специальностям на таком же вознаграждении, а кроме того, за составление текста должен был бы полагаться полистный или построчный гонорар для всех составителей вообще, который должен был бы, во всяком случае быть не 50 р. с листа, как было у Девриена, а значительно выше. При помесечной плате можно было бы от главного редактора и ото всех основных специальных

сотрудников требовать выпуска в свет не менее определенного количества листов в год и на этом основании объявить подписку на издание, как это практиковали Энциклопедические словари. Само собой разумеется, что при такой постановке дела требовалась бы и соответствующая широкая реклама, и соответствующая клиентура читателей, каковая у Девриена имелаась по отношению к сельскохозяйственным изданиям, а не к географическим. Он даже без моего содействия не мог устроить продажи «России» в железнодорожных киосках. Затем томы «России» в зависимости от требований читателей росли в своем объеме, что задерживало их выход в свет. Задержки выходили также из-за неимения у Девриена собственной типографии, в которой он мог бы самостоятельно устанавливать темпы набора, корректуры и печатанья отдельных томов «России», ибо за мною в правке корректур никогда задержек не было, и я их проводил с рекордной быстротой. Моя Базедова болезнь также задержала на год редакционную работу. Наконец в процессе работ по торговле и промышленности Европейской России и в особенности по вопросу города и деревни я лично все более и более чувствовал, что перерастаю несамостоятельные географические формы XIX века, принятые мною в «России». Менять их, конечно, было нельзя — надо было завершить все издание в этих именно формах, а оно было еще более чем на половину не окончено. Это тоже не могло способствовать тому энтузиазму, с которым я начал работу по «России». Девриен, руководствуясь коммерческими соображениями, поставил мне на вид, по окончании острого периода моей Базедовой болезни, медленность выхода в свет издания. Я ему ответил вышеизложенными соображениями, поддержанными и обоими общими руководителями издания. Умолчал я только относительно перероста мною форм, так как это его не касалось. Он, видимо, думал, что я откажусь от редакторства, но я не считал себя вправе это сделать и находил, что раз я начал издание, то должен и могу его закончить. Да так оно и было бы, если бы фирма Девриен не закончила сама впоследствии своего существования. Я предложил на будущее время Девриену, для ускорения окончания издания иметь соредактора по моему выбору⁴.

Александр Иванович Воейков был моим профессором метеорологии и климатологии в свое время в университете. Но тогда мое отношение к нему ограничивалось посещением его лекций, которые он читал весьма невнятно из-за отсутствия зубов, и сдаче государственного экзамена. Теперь получилось иное. Воейков еще во второй половине 1880-х годов

⁴Хотя 1 том «России», вышедший в свет в 1899 г., быстро разошелся и стал библиографической редкостью, но это издание в целом, как и все остальные крупные труды мои и моих сотрудников, сполна оценивались значительно позднее. Так, после революции известный московский профессор экономической географии коммунист Николай Николаевич Баранский, неизменно оценивавший весьма высоко все мои главные труды за их особую «географичность», точно так же отнесся и к «России» в своей речи на 1-м Всесоюзном географическом съезде в Петербурге в апреле 1933 года. Указав, что за 34 года у нас не было лучшего истинно-географического справочного источника, спрос на который не прекращался, он в печатных тезисах своего доклада сделал оговорку характерным для эпохи непарламентарным языком: «несмотря на всю ее (т. е. «России») устарелость и густопсово-дворянский дух». Этот «дух» заключался в том, что в томах «России», вышедших в свет до 1905 г. и посвященных преимущественно описаниям различных географических областей Русской равнины, мой отец неизменно собственноручно, на основании бывших только в его распоряжении старых источников, вносил в 3-ю часть книги «Замечательные населенные места и местности», или попросту в «путеводитель», исторические и статистические сведения о крупнейших частновладельческих сельскохозяйственных образцовых экономиях 1890-х годов по справочнику Министерства земледелия и государственных имуществ, наконец, биографические данные о замечательных местных уроженцах, большею частью представителях единственной в свое время в России пушкинской дворянской культуры, и вообще все исторические личности и события при этом характеризовал по-карамзински и по-соловьевски, охотно допуская и поэтические цитаты. Несомненно, все это увлекательно при чтении, каково бы ни было основное мировоззрение читателя, и в этом один из секретов долголетнего успеха издания.

предназначался на кафедру общей географии, только что учрежденную в Петербургском университете, тогда как в Москве она поручалась его сверстнику Д. Н. Анучину. А. И., несомненно, был наиболее блестящим кандидатом на такую кафедру. Его и послали за границу от Министерства народного просвещения для изучения постановки преподавания географии в европейских университетах. Пока он ездил, как это столь часто бывает в России, обстоятельства перевернулись. Воейков очень осуждал всех опустившихся талантливых и способных людей. К таковым принадлежал и А. А. Иностранцев, имевший наиболее веский голос у профессуры естественного отделения физико-математического факультета, как представитель соседней, наиболее родственной географии кафедры геологии, а также у министра Делянова. Он, зная отношение к себе Воейкова, высказался против него, и профессором географии был назначен случайно выплывший в это время медик Э. Ю. Петри, воспитанник одного из западноевропейских университетов, ничего выдающегося в географической науке не сделавший⁵. Воейкову, конечно, было все это очень обидно. Затем, характерно, что по смерти Петри кафедра общей географии была предложена все-таки не Воейкову, а, по рекомендации все того же Иностранцева — лицу еще менее компетентному в области географии — Петру Ивановичу Броуну, выписанному нарочно для этого из Киева. Во всяком случае, с 1904 года Воейков создал целую серию блестящих, крупнейших чисто географических трудов, преимущественно антропогеографических и экономогеографических, бессмертных, классических, с мировым размахом, начавшуюся его сообщением в Географическом обществе на тему, будет ли Тихий океан главным торговым путем земного шара, сделанным весьма внятно, так как он вставил себе зубы. Понятно, что я не мог отнестись равнодушно к его новым географическим трудам, и с этих пор возникло наше с ним сближение, длившееся до последнего дня его жизни. Я прямо говорю, что считаю себя в некоторой степени его учеником в географическом отношении. Он же, со своей стороны, оценил меня очень быстро, и отношения его ко мне были прямо трогательные.

В 1909 году мы снова жили в Райволе на даче Фишер. В 15 километрах от нее на море в Метцакюле была дача А. И. Воейкова, где я его навестил как-то еще в 1907 году, но тогда дача его была сдана на лето, и он жил у своей соседки, вдовы Гарднер, вышедшей когда-то замуж за американца, от которого она имела, кажется, трех, в то время уже взрослых сыновей (один из них бывал на субботах у Ламанских), живших тут же при ней и ею чересчур опекаемых. Вскоре по нашем переезде в Райволу, 31 мая я поехал к Воейкову на извозчике-финне, известном на всю Райволу рекордной быстротой езды и доставившему меня в Метцакюлю в 1 час времени. Воейкова я застал сидящим безо всякого костюма за писанием какой-то работы и едящим сушеные фрукты, которые он извлекал из бумажных неразвернутых мешков, проткнутых просто пальцем в одном месте. Он и мне предложил такую же трапезу, а потом надел свой всегдашний лодан, т. е. суконную крылатку на голое тело и без шляпы. Босиком он пошел со мной гулять на пляж. Там он, пройдя около километра, в присутствии встречных велосипедистов и дам, скинул свой плащ, лег на дюнный песок и предложил мне сделать то же, но я отказался обнажиться, сказав, что я к этому не привык, и просто сел на песок и беседовал с ним. Через некоторое время, снова накинув крылатку, Воейков пошел со мной домой. Нас нагнал некий Шульц, зоолог, товарищ В. В. Ламанского по университету, и обратился с чем-то к Воейкову. В первый и последний раз я видел, как добродушный по природе А. И. необычайно сердито и резко отвечал ему. Очевидно, здесь

⁵Интересно вообще пренебрежительное отношение Иностранцева к профессорам географии. Так, он мне сам же рассказывал упомянутый мною в примечании ко главе IX случай с ним и профессором А. Н. Красновым.

было что-то принципиальное. Шульц отошел, и мы продолжали путь вдвоем, причем Воейков, по своему обыкновению вынимал апельсины из кармана крылатки, ел их на ходу и угощал меня ими. Он был похож на какого-то древнего мудреца-философа-перипатетика, с лицом и фигурой сократовского типа. Будучи представителем вегетарианского общества и так называемым *Naturmensch*'ем, А. И. отличался большими чудачествами. В Метцакюле он имел обыкновение рано по утрам нагишом ходить в лес и заниматься там рубкой суши ради физического упражнения. Однажды при этом налетела гроза с мелким градом. Он вбежал в первую попавшуюся финскую баню. Там финские женщины стирали белье, и их не смутил вид нагого человека, но они приняли его за лешего и позвали мужьев, которые пришли с дубьем. Александру Ивановичу стоило больших трудов убедить их в том, что он профессор Воейков, а не леший. Мне рассказывали общие знакомые, что когда Воейков жил в Крайне в Блеме (Фельдесе), принимая днем солнечные ванны на стеклянной веранде своей комнаты, мимо шли по улице его многочисленные знакомые и, отворачиваясь и махая рукой, говорили: «Ну, конечно, кто же это как не профессор Воейков?» Вообще во время своих заграничных поездок он старался не преминуть побывать каждый раз в райских садах *Naturmensch*'ей, среди которых он пользовался, по-видимому, не меньшей популярностью, чем знаменитый «тамо-боро-боро» — путешественник Миклухо-Маклай среди папуасов тропических лесов. Однажды весна в Петербурге и в южной Финляндии наступила очень бурно после резких холодов. Воейков в это время находился у себя на даче в Метцакюле. По Финскому заливу носилось еще много мелких ледяных торосов, а припек на пляже был в то же время очень силен. Воейков этим соблазнился, разделся донага в дюнных песках в непосредственной близости от торосов и, взяв с собой письменные принадлежности из дачи, на лоне природы описывал метеорологические аномалии этой весны для какого-то заграничного научного журнала. В результате у него сделалось воспаление легких, для окончательной ликвидации которого он принужден был пробыть довольно продолжительное время в конце той же весны в вегетарианском пансионе *Frau Randegger* на Лаго Маджиоре, где он и лечился лучами уже итальянского солнца вдали от ледяных торосов. До этого случая я как-то раз в зимний вечер, когда было 10 градусов мороза, зашел к Воейкову. Он жил тогда на Лиговке вблизи Бассейной с семьей своего покойного брата Дмитрия Ивановича, в большой квартире. Никого из семейных не было дома. Горничная сказала мне, что А. И. дома, и попросила меня подождать в гостиной, пока она доложит ему о моем прибытии. Я сел у двери гостиной. Дверь из кабинета в переднюю была закрыта. Горничная постучалась и назвала мое имя. Из кабинета послышался голос Александра Ивановича: «Просите, очень рад». Горничная ушла, я услышал шлепанье туфель, дверь приотворилась, и я вошел. Первое, что меня поразило, был адский холод в кабинете. Перед мной стоял А. И. в своей знаменитой крылатке, под которой ничего не было, в туфлях на босу ногу. Он сел за стол и меня просил сесть. Пока мы беседовали, он то и дело ерзал плечами под крылаткой, но не от того, что ему было холодно, а от того, что она шерстила. Я же дрожал от холода в пиджаке. Воейков в своем кабинете писал нагишом какую-то ученую работу, при настезь раскрытом окне, и это ему тогда еще сходило с рук. Другой раз в 1907 г., когда Географическое общество еще не переехало из своего старого помещения у Чернышова моста, в начале весны там происходило заседание совета общества, в котором я участвовал. Рядом сидели А. И. Воейков в летнем костюме и шлепанцах на босу ногу и В. И. Ламанский в высоких суконных зимних калошах. А. И. говорил: «Как сегодня жарко», а В. И. в то же самое время жаловался на холод и дутье по полу, причем они друг с другом не спорили и противоречия не замечали. Это было нечто вроде музыкального кон-

трапункта. Затем по окончании заседания А. И. предложил мне ехать вместе с ним, так как обоим нам было по дороге на Бассейную. Выйдя из подъезда, он сел со мною, по своему желанию, на финляндский пароходик у Чернышева моста, и мы поехали до Симеоновского моста по Фонтанке подо всеми мостами, где было темно, как в чернильнице, и так воняло, что чуть не доходило до обморока. Пересев около цирка в трамвай, Воейков поехал к себе домой, а я пошел пешком. А. И. обладал способностью выбирать всегда и в экскурсиях, и в экспедициях самые неудобные пути и был совершенно неутомим, тогда как его молодые спутники при этом, как говорится, «высовывали языки» от усталости.

Другой раз в том же помещении Географического общества происходило соединенное заседание отделений физической и математической географии, где я, как помощник председательствующего, сидел за столом с зеленым сукном перед кафедрой вместе с Ю. М. Шокальским, Н. Я. Цингером и секретарем П. Б. Риппасом. Перед нами за тем же столом сидели рядом А. И. Воейков и Сергей Александрович Ольхин и дремали, склонившись мирно головами друг к другу. Насколько помню, было чье-то длинное сообщение, кажется, о донном льде с многочисленными диапозитивами, в темноте, при волшебном фонаре. Зал был полон. Вдруг раздался сухой треск и грохот. Оказалось, что сидевший в публике Григорий Ефимович Грум-Гржимайло провалился на рассохшемся стуле. Все вздрогнули, Воейков и Ольхин проснулись. А. И., дремля в заседаниях, умудрялся ничего существенного в докладах не упускать, как то видно было из прений, в которых он сплошь и рядом указывал как раз те места сообщений, которые проходили во время его дремоты. Обладая исключительными способностями к языкам и зная их множество, он никак не мог понять, почему другие их туго усваивают, и ворчал в этом отношении на некоторых близких к нему лиц. Как-то раз весной я вышел из подъезда нашей квартиры на Бассейной улице, чтобы сесть в трамвай и ехать в Географическое общество. Когда трамвай подходил, я увидел, что с задней площадки на его ходу летят апельсиновые корки на мостовую. «Наверное, Воейков», подумал я. Так и оказалось. На площадке стоял А. И. в своей крылатке и с аппетитом ел апельсины. Он со мной радостно поздоровался и, узнав, что я еду в общество, сказал: «Ну, вот и отлично — нам обоим по дороге». Когда трамвай свертывал на Литейную, раздавался какой-то шум и на площадку посыпались книги. Оказывается, Воейков ехал сдавать перед отъездом из Петербурга пачку книг, взятых из библиотеки общества, и эту связку запихал между ручек трамвая, чтобы она не мешала ему есть апельсины. На повороте она сорвалась и, к счастью, рассыпалась на площадке. Я помог ему ее собрать, и мы поехали дальше. При остановке у Казанского собора мы сошли, и Воейков, к моему удивлению, направился не налево на угол Казанской улицы, а направо — на тротуар солнечной шикарной части Невского. Я последовал за ним. Тут он, не говоря ни слова, уселся на тротуаре у самой двери парикмахерской Молле, где имела обыкновение стричься вся аристократия и великие князья, положил рядом с собой на тротуар пачку книг и стал перебинтовывать на своих ногах онучи, сняв шлепанцы и продолжая со мной разговаривать. Публика в недоумении останавливалась и глазела на нас. Не обращая на нее никакого внимания, Воейков, не торопясь, закончил перебинтовывание своих ног, и мы направились пешком в Демидов переулок в Географическое общество. Вообще такие в полном смысле слова чистые сердцем оригиналы, как он, рождаются редко.

Между Метцакюлей и Райволой, несколько в сторону, есть вековая роща лиственниц, насаженная в XVIII веке в царствование Елизаветы Петровны. Она расположена на той же речке Линдуле, текущей там быстро, порогами. Место очень красивое, служащее для экскурсий и пикников. Мы ее неоднократно посещали. В Райволе по-прежнему была довольно

хорошая рыбная ловля. Я один или в компании с приезжавшими статистическими сослуживцами — Германом Константиновичем Галкиным, Константином Николаевичем Козьмодемьянским и др. петербургскими знакомыми часто ловил рыбу, а также рисовал пастелью. В небольших озерах, через которые проходит речка Линдула, и в таких же озерах, через которые проходит ее приток речка Патриковка или Патракин-йоки, около заката солнца в хорошую погоду ловилось на удочки с катушками очень много мелких щук, в меньшем количестве они попадались и в самих этих речках. Как-то раз наш 9-летний Володя, ловя рыбу с мостков около лодки, поскользнулся и упал в воду, и я его вытащил за плечи. В другой раз я ловил одну рыбу с тех же мостков, и в это время какой-то инженер прикатил по реке на парусах в гости к дачникам, жившим во втором этаже дачи Фишер над вдовой Орановской. С разбега лодка его наткнулась на мель и на моих глазах кувырнулась вместе с ним, и он, весь мокрый с головы до ног, пошел на большую дачу поздравлять кого-то с именинами. Приезжавший к нам С. В. Ламанский играл в Райвольском театре с какой-то своей знакомой актрисой-любительницей пьесу «Губернская Клеопатра», и мы с Верой ходили его смотреть. В другой раз мы видели там «Дни нашей жизни» Леонида Андреева. Затем мы с Верой и детьми ездили к брату Валерию и его семье в Тиурупиemi (близ пансиона Рауха) на озере Сайме. Оттуда я с братом ездил вечером в Ситолу, и мы снова удили там на двух челноках, управляемых Анти и Матти. Сначала попадались мелкие хариусы и «форели», т. е. строго говоря, мелкие лососы, а потом, когда совсем стемнело, у меня хватила крупная рыба, и Анти уверенно сказал, по характеру колебаний конца удилица, «лакс». Я стал его тащить, но он, не выходя на водную поверхность, через некоторое время сорвался. Потом мы с братом переменялись гребцами, и у меня был Матти. Я выловил подряд двух крупных так называемых «форелей», а в сущности лососей больше 3 фунтов весу каждая, и Матти их подсачивал и снимал с крючка при свете электрического фонарика. После этого я заметил, что брат Валерий близ противоположного берега Вуоксы вместе с Анти возится над чем-то. Оказалось, что он поймал лосося около 10 фунтов весом, которого потом и подарил мне, так что мы вернулись в Райволу с большим рыбным запасом, завернутым в крапиву. Кроме того, мы ездили в Тиурупиemi на моторной лодке брата Валерия по Сайменскому озеру. Интересно было смотреть, как перед носом лодки, во время ее хода, выскакивали из воды сиги.

В Райволе мы очень увлекались игрою в волан. Как-то, когда я из Райволы ездил на службу в Петербург, Вера поручила мне, между прочим, купить 10 фунтов сахарного песка. Я исполнил поручение, но, когда ехал на извозчике со станции на дачу Фишер, не заметил, как мешок с сахаром прорвался, и я посыпал всю пятикилометровую дорогу сахаром, привезя всего фунта три. В этом году у наших детей, вместо недолго служившей у нас молодой бонны эстонки Берты Густавовны, добровольно ушедшей худенькой блондинки, была новая бонна полунемка-полулатышка Ида Карловна Штегман, родом из Либавы, темноволосая шатенка. Рекомендовала нам ее Ю. П. Преснякова, у хороших знакомых которой, поляков Копанских, она перед тем жила. Она оказалась очень преданным и верным человеком и впоследствии сделалась постоянным членом нашей семьи. Кухаркой была прежняя Ирина, с которой под конец нашего пребывания в Райволе приключился легкий удар, но от него она очень быстро оправилась. Под конец лета у нас некоторое время гостили Шмидты и приехавшая из Ростова-на-Дону знакомая Веры Марья Александровна Вейнрейх. При них в начале сентября как-то случилась днем сильнейшая гроза с шаровидной молнией. Элеонора Германовна и Марья Александровна ревновали друг к другу Веру.

В июне Н. М. Штрупп получил новое назначение членом тарифного комитета, а я вместо

него стал во главе статистического отделения. Заканчивать же труд «Торговля и промышленность Европейской России по районам» нам было поручено вместе. Незадолго до моего назначения в мае 1909 года я чуть было не ушел из Министерства торговли и промышленности в отдел статистики и картографии Министерства путей сообщения на открывшуюся там вакансию старшего редактора, и об этом велись переговоры с министром Рухловым и управляющим отделом инженером проф. В. Е. Тимоновым. Около того же времени произошли изменения и в составе высшего начальства по Министерству торговли и промышленности. «Человек европейский», по выражению курьера Галецкого, В. И. Тимирязев ушел с поста министра, и вместо него был назначен С. И. Тимашев, товарищ нашего управляющего канцелярией барона М. Е. Нольде по высшей школе. Нольде в чем-то поспорил с ним по-товарищески и ушел. Вместо него был назначен Василий Васильевич Прилежаев, чрезвычайно культурный и милый человек, прошедший детство в Париже и бывший очевидцем Парижской Коммуны в своем детстве, а до своего назначения управляющим канцелярией министра бывший помощником управляющего отделом торговли. Это был тоже «европейский человек» в полном смысле слова. Моя угроза ухода из министерства торговли и промышленности накануне выхода в свет затеянного мною же грандиозного труда была в сущности тактической военной демонстрацией из-за затяжек, происходивших с новыми назначениями Н. М. Штруппа и меня, имевшей должный успех. На случай перехода мною уже был заготовлен в голове план большей географизации статистики путей сообщения, выражавшейся в организации исследований районов грузового обслуживания станциями и пристанями, с составлением соответствующих карт. Для этого достаточны были бы обязательные отметки в квитанциях, при выдаче груза, пункта его конечного назначения гужевым транспортом, а при приемке груза — такие же отметки о пункте, откуда данный груз подвезен гужом. Обработав такой анкетный материал, можно было в точности обчертить по топографической карте крупного масштаба районы грузового тяготения к каждой станции пристани, а заодно и все сколько-нибудь важные гужевые пути, к ним ведущие, и все это изобразить на специальных картах. Таким образом, мой переход из одного ведомства в другое не был бы простым перескакиванием, а имел бы и научное обоснование. Так как указанная выше простая, но не осуществленная мною идея затем, в течение более двух десятков лет никому решительно больше в голову не приходила, то из этого я заключаю, что по части новизны статистико-географических идей у меня конкурентов не было. Это, само собою разумеется, нисколько не исключает возможности, что когда-нибудь именно эта или очень близкая к ней идея придет кому-либо в голову и будет приведена в исполнение, причем она будет усиленно рекламироваться, а авторы ее прославятся.

Став главою статистического отделения Министерства торговли и промышленности, я установил в нем порядки, как оказалось потом, из случайного моего разговора с кем-то из лиц, служивших в Центральном статистическом комитете в 1870-х годах, совершенно аналогичные тем, которые были там установлены моим отцом Петром Петровичем, хотя я об них абсолютно ничего не знал. У моего отца были в комитете, как он их называл, «базарные дни» на неделе, когда все редакторы сходились вместе и обсуждали дела, а остальное время каждый из них распределял по своему усмотрению, будучи лишь обязанным заканчивать порученную им работу к сроку. Работа же комитета в эти годы была образцовая и заслужила мировую известность. Что касается меня, то я заявил своим коллегам по статистическому отделению, что мне решительно все равно когда и где производится возложенная на них работа, хоть на чердаке или в подвале, но что она должна быть произведена в установленный срок и притом вполне добросовестно, сам же я лично показываю пример быстрой и

энергичной работы, за которым и приглашаю всех следовать. При этом есть основные статистические материалы — оригиналы статистических анкет-карточек или бланки, а равно и карт, которые никоим образом никуда из отделения ни при каких обстоятельствах уносимы быть не могут, даже на самый короткий срок, а пользоваться ими можно только в стенах отделения. Весной, когда еще никто в министерстве не думал об отпусках, я просил самих сотрудников, по их взаимному соглашению, составить два расписания отпусков на летнее время — одно официальное для начальства и другое неофициальное для меня лично. Начальство дает официально 1 месяц отпуска на лето, а я от себя неофициально прибавляю еще месяц, но при этом неофициальное внутреннее расписание должно быть составлено так, чтобы в любой присутственный день летом в отделении находилось не менее двух лиц из состава столоначальников и их помощников, необходимых для официальных справок. За все это отделение меня полюбило и работало ровно и старательно не за страх, а за совесть. Лица, заведовавшие другими административными отделениями министерства, говорили мне, что им завидно, с какою убедительностью и спокойствием я умею отстаивать интересы сотрудников статистического отделения перед начальством. Это тоже содействовало моей популярности, ибо во мне никогда не было какой-либо тени чиновничества, а лишь одни чисто научные интересы всегда руководили мною. Помню, как однажды распространился неосновательный слух, будто я собираюсь куда-то уходить, и с каким страхом в глазах и растерянностью на меня смотрели некоторые сотрудники отделения, наивно спрашивая: «А как же мы без вас будем?» Воейков говорил Вере, что я единственное лицо, подходящее для директорства в Центральном статистическом комитете. Но, конечно, это, при тогдашнем бюрократическом строе, было совершенно неприемлемо и немыслимо хотя бы уже по одному тому, что я перестал признавать официальные границы губерний и уездов — альфу и омегу правительственной статистики. В те годы, не помню точно, когда именно, однажды я встретил случайно на Невском моего бывшего коллегу по центральному статистическому комитету, весьма культурного и милого Николая Александровича Федулова. Он шел с сильной отдышкой, одутловатый и желтоватый. Расспросив меня о моих работах, он сказал: «Век Вам трудиться, за работой и умрете». Через самое короткое время Федулов скончался.

У нашего Романа обнаружился скрофулез забрюшинных желез, сопровождавшийся легким повышением температуры, так называемым подлихорадочным состоянием. Поэтому М. О. Иогихес предложил возить его на каждое Рождество и Пасху куда-нибудь за город на чистый воздух, примерно лет до 14–15, когда это должно пройти. На Рождество 1909 года мы поехали со Шмидтами в Метцакюлю, на дачу Воейкова, по его любезному приглашению. Его самого не было, ибо он куда-то уехал. Не помню до того или после у Элеоноры Германовны родился второй сын Юра. В Метцакюле мы очень уютно провели время, читали «Декамерон» Бокаччио. Я рисовал пастелью из окон дачи и впервые с детьми катался на лыжах. Во второй половине января 1909 года Вера ездила ненадолго, по своему давнишнему обету, с Элеонорой Германовной в Киев, где останавливались у ее родных. На Рождестве 1909-10 г. в Метцакюле мы встретили Сергея Павловича Бобина и его жену Надежду Евгеньевну, рожденную Корш, с сыном Еней (Евгением) и дочерью Ирочкой (Ириной). Они жили на даче у Сермягиных, были ею очень довольны, и мы условились с Сермягиными — Марьей Павловной и Сергеем Ивановичем (присяжным поверенным), что на Пасху 1910 года приедем к ним с Бобинами, что и выполнили. В феврале 1910 г. Анастасия Владимировна Ламанская вышла замуж за симпатичного военного молодого врача Николая Александровича Гречина, и молодые уехали в Гельсингфорс, где он получил место в военном госпитале.

Еще в 1909 г. я представил законченную мною работу «Город и деревня в Европейской России» (в исторической части которой мне существенную помощь оказал А. Е. Пресняков) в совет Географического общества. Как сейчас помню, меня очень поддержал член совета, кн. Борис Борисович Голицын, и было решено напечатать ее в Записках по отделению статистики под общей редакцией моего бывшего старшего коллеги по центральному статистическому комитету Вильгельма Оттоновича Струве. В 1910 году работа вышла в свет. По новизне идей ее не сразу раскусили, и отзывов о ней, кажется, не было, за исключением весьма сочувственного и обстоятельного фельетона библиотекаря иностранного отделения библиотеки Академии Наук Александра Александровича Петерса⁶, родного брата нашего детского врача Ричарда Александровича Петерса, помещенного в немецкой газете «St. Petersburger Zeitung.» Это, несомненно, способствовало более быстрому ознакомлению с ней немцев, чем русских, хотя она была написана и издана по-русски. Тогда же я послал ее на соискание премии имени Ахматова в Академию Наук. Присуждения премий происходили осенью и объявлялись в годовом собрании 29-го декабря. Моя работа, озаглавленная «Очерк по экономической географии», хотя его столь же успешно можно было назвать очерком по антропографии, была дана на рецензию единственному в то время в России профессору Петербургского политехнического института по экономической географии В. Э. Дену, по существу историку-экономисту, а не географу. Он добросовестно и оговорился в своей рецензии, что не будет разбирать моей работы со стороны географической, а потому коснулся лишь статистической и отчасти исторической ее стороны. Конечно, рецензия была бы несравненно полнее, если бы она была поручена А. И. Воейкову, но этого Академия не догадалась сделать, да, пожалуй, это было бы и не совсем ловко, так как свою книгу я посвятил ему. Пожалуй, я поставил бы Академию Наук в еще более затруднительное положение, если бы озаглавил ее «Очерк по антропогеографии», ибо работ с таким заголовком тогда в России еще вовсе не было, и лишь идеи немецкого профессора антропогеографа Фридриха Ратцеля усердно популяризировались Л. Д. Синицким в Москве и Д. А. Коропчевским в Петербурге. В том же 1910 году вышел в свет задержавшийся XIV том «России», посвященный описанию Новороссии и Крыма и составленный приглашенными сотрудниками с В. В. Морачевским во главе. Том вышел чрезвычайно обширным, и это было одной из причин его задержки. Я только редактировал его и кое-где немного дополнял. В его составлении принимал участие, между прочим, естественник В. Г. Каратыгин, будущий профессор истории музыки и известный музыкальный критик. Затем я стал принимать участие в журналах «Городское Дело», выходившем под редакцией знакомого мне с детства Д. Д. Протопопова (бывшего члена 1-й Государственной Думы от кадетской партии, подписавшего Выборгское воззвание) [4], где я поместил заметку о наиболее целесообразном способе правильной установки трамвайных маршрутов, и в «Деловой России». Хорошо знакомый мне по Географическому обществу Л. С. Берг, работавший в Зоологическом музее Академии Наук, получил профессорскую кафедру ихтиологии в Петровско-Разумовской сельскохозяйственной академии в Москве и, уезжая туда, передал мне редактирование отдела русской географии в «Русской Энциклопедии». Приняв редакцию, я должен был поспорить с общим редактором отдела естественных наук (куда входила география), старым университетским знакомым, физиологом Федором Евдокимовичем Туром, недостаточно ясно понимавшим, что такое география. Подобное непонимание было тогда широко распространенным явлением.

Вера, обладавшая выдающимися морально-педагогическими способностями, беззаветно

⁶А. А. Петерс был товарищем моего брата Дмитрия по гимназии Мая.

вкладывала всю свою кристально-чистую, идеально честную душу в воспитание детей. Оба наших сына — Володя и Роман, чрезвычайно дружные между собою, учились очень хорошо, но вместе с тем были совершенно разного характера. Володя молчаливый, скромный и очень деликатный, был уравновешенного характера. Он как-то меня совершенно растрогал коротеньким, написанным им весьма поэтично и просто рассказиком «Елочка», им самим сочиненным. Роман — «пустосмешка», как его называла в детстве одна из нянь, был значительно нервнее его и невыдержаннее. Он поражал всех своей изобретательностью и вечно копошился над созданием каких-либо новых предметов. Раз как-то он устроил из веревочек птичку «киви-киви», которая была отнесена секретарем отделения этнографии Географического общества Николаем Николаевичем Виноградовым на выставку детских изобретений, но оттуда не вернулась, и всем это было очень жаль, а Роман говорил, что такой второй не сделаешь. Он при этом всякую работу делал «шиворот навыворот», т. е. как раз с противоположного конца, чем обычно: так, как я уже говорил, он с раннего детства рисовал зверей всегда с хвоста, а не с головы, и т. п. Как-то в Райволе он попросил меня купить ему ко дню рождения детское ружье, что я и сделал. Когда я его привез и подарил ему, ружье после первых же выстрелов у него закапризничало. Он дал мне его для починки. Я стал внимательно разглядывать, в чем дело. Но не прошло и минуты, как Роман, сказав: «Папа, какой ты недогадливый!», выхватил у меня его из рук обратно и сам починил в две минуты. Е. В. Корсакова, как говорится, в обоих «души не чаяла» и волновалась их волнениями так, как будто они были с ней однолетки. Когда к нам приходил С. В. Ламанский, имевший обыкновение импровизировать всякую комическую ерунду с большим остроумием, оба наших сына тащили ее из своей детской в комнату, где был он, говоря: «Екатерина Васильевна, идемте поскорей слушать дядины Сережины глупости», а он комически-важно поучал их: «С отцом надо говорить заносчиво, а с матерью — грубо» и пр. в таком же стиле.

Н. М. Штрупп, имевший от своей второй жены Татьяны Николаевны уже двух сыновей-погодков Марка и Кира, безнадежно заболел. У него обнаружилось табетическое поражение зрительного нерва в обоих глазах, ведущее к неизбежной полной слепоте. Помню, как, проходя ко мне в статистическое отделение по делам труда «Торговля и промышленность», он по временам ужасно косил обоими глазами и писал с затруднением. Вскоре обнаружили и психические ненормальности, показавшие, что *tabes* переходит в прогрессивный паралич. Для меня это обнаружилось в том, что в тексте к общим обзорам торговли и промышленности по отдельным полосам, где он взял на себя экономические объяснения, стали местами появляться неясности мысли, внезапные обрывы ее, скачки, пропуски целых фраз и подчас явная бессмыслица. Рукопись он уже, за потерей зрения, почти сплошь диктовал Татьяне Николаевне. Мне пришлось все это очень внимательно просматривать и исправлять. Когда же дело дошло до составления выпуска «Общий обзор и методология», Н. М. не мог уже ничего представить, и мне пришлось сплошь написать все самому. На его службе в тарифном комитете его психическое состояние обнаружилось неожиданно как-то во время заседания, когда он принял топившийся в той же комнате камин за уборную. Объяснить это одной его слепотой оказалось невозможным, и он получил сначала длительный отпуск по болезни и переселился в Гатчину, а потом и увольнение в отставку с пенсией. Едва ли он что-либо сознавал в это время, так как уже гонял чертей на своей постели. Так печально окончилась его несомненно даровитая деятельность, на которую вначале возлагалось столь много надежд.

Лето 1910 года мы снова проводили в Райволе. Вместо Ирины у нас была новая кухарка Татьяна, очень хорошо готовившая, но пьяница, которая перед нашим отъездом на

дачу напилась и, приехав в Райволу на дачу Фишер, сразу пришла в лирический восторг от природы: она громко, нараспев обращалась к ней перед стеной леса так: «Соловухи вы мои миленькие, кукушечка ты моя душечка» и т. д. Володя и Роман перефразировали тогда известное стихотворение Тредьяковского «Фортепиано» — «Стоит древесно, к стене примкнуто, бив пальцем ткнуто — звучит прелестно» так: «Стоит Татьяна к стене примкнута, бив пальцем ткнута, валится пьяна». Брат Измаил со своей семьей поселился в Келломяках. Мы посещали изредка друг друга. Помню, как мы с ним ходили оттуда пешком на реку Сестру, где при нас какой-то финн вытащил на удочку огромную щуку. Нас в Райволе посетили мой брат Дмитрий, а под конец лета В. И. Ламанский с О. В. Покровской, которая заменила при нем вышедшую замуж Настю. Когда я бродил за грибами по лесам в Райволе, меня все более и более стала занимать идея правильного районирования Русской равнины по признакам форм поверхности, т. е. геоморфологическим, которая у меня потом вылилась в работу «Типы местностей Европейской России и Кавказа», напечатанную в 1915 году. Из Райволы мы как-то ездили на Питкеярви, где была в то время санатория для туберкулезных (в ней лечилась будущая жена моего племянника Михаила Дмитриевича Эми Парланд, но во время нашей поездки ее там не было). Это узкое, длинное озеро, тянущееся с запада на восток и с севера прикрытое высокой, лесистой ледниковой (озовой) грядой, круто спускающейся к озеру и отлично защищающей его побережья от холодных ветров. Это превосходное место для дач и санаторий по такому своему географическому положению. На берегу Питкеярви мы встретили Н. Я. Цингера, проживавшего там на даче и не могшего нахвалиться местностью.

Осенью был со мной и братом Андреем такой одновременный фатальный случай. Как-то мы с Верой возвращались после какого-то короткого спектакля вечером в исходе 11-го часа домой на Бассейную. В передней, когда мы разделись, Вера слишком поспешно загасила электричество, входя в гостиную. Я несколько замешкался и, идя за ней, в темноте со всего маха наткнулся лбом на край полуоткрытой двери, так что у меня посыпались искры из глаз, а стальная пружина пенсне вдавилась в бровь. Фонарь был огромный. Я позвонил по телефону к брату Андрею, чтобы отменить по этому случаю наше предположенное совместное посещение какого-то ученого заседания. Брат мне ответил, что он тоже идти не может, так как с ним как раз в тот же час приключилось в Любани несчастье. Он ехал на станцию в тележке в темноте. Неожиданно соскочил передок. Брат упал вниз головой в кучу щебня на шоссе и должен был сделать перевязку в земской больнице, опоздал на последний поезд и вернулся только с ранним утренним. Когда я пришел со служебным докладом к В. В. Прилежаеву с фонарем на лбу, бывший в то время у него начальник отделения личного состава, врач Роман Антонович Кудырский, взглянув на меня, лаконично спросил: «У Вас электричество? Ну, я так и знал, так всегда бывает».

В декабре того же года была городская перепись населения Петербурга, и я заведовал 2-м переписным участком Литейной части. Для собраний счетчиков пришлось нанять небольшое мансардное помещение на Надеждинской улице у американского гимнастического общества «Маяк». Там рядом был манеж, в котором во время наших занятий по переписи то и дело раздавались команды и марширование гимнастов. Мансарда была настолько мало поместительна, что окончательную проверку и приемку материала счетчиков пришлось производить в помещении Городской думы у заведовавшего всей переписью моего бывшего коллеги по центральному статистическому комитету Виктора Владимировича Степанова. В помощники к себе я пригласил Н. Ю. Шмидта, О. В. Покровскую, С. В. Ламанского, Г. К. Галкина, К. Н. Козьмодемьянского и еще кого-то. Надо было очень торопиться, ибо

мы с Верой и детьми должны были ехать на Рождество к Гречиным в Гельсингфорс. Поэтому я завел очень строгую дисциплину и подавал пример рекордной быстроты работы, чем приводил в ужас Шмидта, любившего не торопиться и побалагурить. В материале было немало интересных показаний. Так, например, одна дама написала на вопрос о том, на какие средства она существует, очень энергичным почерком с подчеркиванием слов: «Я сама хозяйка, а муж состоит при мне». Между тем, из следующих граф было ясно, что она существует только на средства мужа. Это, очевидно, была особа из породы чеховских «последних могиканш». К 23 декабря весь материал был проверен и представлен в статистический отдел Городской думы в таком порядке, что там говорили, что кроме нас столь тщательной и полной его проверки никто не производил. В. И. Ламанский находил, что после участия в переписи 1910 года его сын Сережа поумнел, а потому был благодарен мне за предоставление ему работы.

В Гельсингфорсе мы остановились у Гречиных, живших в доме новой архитектуры с очень холодными комнатами, но, тем не менее, чувствовали себя прекрасно. Мороз при ясной погоде и лунных ночах держался все время более 10° Реомюра. На море, однако, пароходное сообщение поддерживалось посредством ледоколов. В кинематографе мы видели очень хорошую картину, разыгранную итальянскими артистами на берегу Средиземного моря и изображавшую Одиссею. Под новый год я получил извещение из Петербурга, что мне присуждена Академией Наук за «Город и деревню» малая Ахматовская премия. Когда я просмотрел список сочинений, представленных на соискание этой премии вообще, то убедился, что на большее и не мог рассчитывать и вот по каким причинам. Большую Ахматовскую премию получил хорошо знакомый мне с детства профессор Александр Аркадьевич Кауфман за книгу по переселенческим вопросам. Его сочинение было значительно объемистее моей книги, а одно уже это обстоятельство всегда действует на большинство голосов, как я в том имел неоднократно случай убедиться из моей практики в медальных комиссиях Географического общества. Далее, собственно географической оценки моего труда не имелось, ибо Ден разобрал только статистическую и отчасти историческую его стороны, следовательно, характеристика была далеко не полна, и в ней отсутствовало как раз самое главное. Наконец, на соискание премии имени Ахматова были представлены сочинения столь различного содержания, что сравнить их между собой по достоинству было так же трудно, как ответить на вопрос, что лучше — стол или стул? Во всяком случае, я был удовлетворен. Экземпляр своей книги я подарил профессору Гельсингфорского университета слависту Иосифу Микколе, которого, также как и его жену Майлу, я знал по субботам у В. И. Ламанского. Он внимательно с ней познакомился и сказал мне, что если бы такая книга вышла где-либо за границей, напр., в Германии, то нет никакого сомнения в том, что какой-либо университет учредил бы у себя специально для меня кафедру антропогеографии и пригласил бы меня на нее, в России же этого никогда не может быть. Это была правда, да, впрочем, о профессуре я не мечтал, так как не обладал для того достаточными ораторскими способностями. Оценили же мою книгу полностью у нас только лет через десять, когда я волею судеб был профессором. Это общая участь всех моих трудов, вследствие новизны их содержания.

В 1911 году наконец вышел в свет весь труд «Торговля и промышленность Европейской России по районам» со стенной картой, печатавшейся около 7 лет по частям, в 13 выпусках, заключающей описание 1065 районов с тысячами таблиц и страниц текста боль-

шого формата⁷. Воейков дал его превосходный реферат на немецком языке в “Petermann’s Geographische Mitteilungen” — и попросил меня составить к нему уменьшенную копию торгово-промышленной карты, что я и исполнил, а Вера превосходно, с большим вкусом раскрасила ее цветными карандашами. К сожалению, немцы, по свойственному им недостаток вкуса, воспроизвели ее совсем в других, безвкусных тонах. Кроме того, я сделал доклад об этом труде в соединенном заседании отделений физической географии и статистики Географического общества, собравшем 150 человек. Я думал, что утомил собрание, но оказалось, что меня прослушали с большим интересом. Затем В. В. Прилежаев сказал мне, что труд надо выставить на происходившей в это время международной выставке в Турине, что и было исполнено. По окончании выставки за весь труд была присуждена высшая награда «grand prix», а, кроме того, по золотой медали мне и безнадежно больному Н. М. Штруппу. Таким образом, коллективный труд статистического отделения получил сразу же мировую известность, и отделению был открыт такой же широкий путь научной деятельности, как в былые времена Центральному Статистическому Комитету. Это доставило мне величайшее удовлетворение. Наш труд чрезвычайно понравился всему левому крылу Государственной Думы, и было предложено министерству торговли и промышленности его повторить, по данным 1910 года, на средства, которые было обещано ассигновать. Особенно за это ратовал сибирский депутат Скалзубов. Новое издание должно было охватить не только Европейскую Россию, а всю империю. Но все же заграница быстрее и глубже оценила труд. Наши экономисты просто его испугались с непривычки и не знали, как им можно пользоваться. Только один С. В. Бернштейн-Коган впоследствии использовал мою географическую идею зональности и а зональности торгово-промышленных районов, почему-то не указав источника. Отражение такого их настроения видно в книге экономиста Б. Н. Книповича о методах экономического районирования, вышедшей в свет уже после революции. Между тем практически немцы полностью использовали этот труд для нужд управления занятыми ими Польшей и Западным краем, начиная с 1915 года, при помощи владеющего русским языком профессора географии Макса Фридрихсена. После революции, впрочем, практическую ценность этого труда всецело понял харьковский профессор Фомин, и «Торговля и промышленность» сыграла немалую роль в районировании Госплана. Осенью 1911 г. на начало октября был назначен международный географический конгресс в Риме, и министерство торговли и промышленности решило меня туда командировать для доклада труда. Поэтому я составил краткий письменный доклад о нем, превосходно переведенный на французский язык лично В. В. Прилежаевым и отпечатанный в виде брошюры для раздачи членам конгресса.

19-го февраля 1911 г. состоялось 50-летие освобождения крестьян от крепостной зависимости, и мой отец, как единственный, оставшийся к этому времени в живых член редакционных комиссий — главных деятелей той эпохи, получил высший орден Андрея Первозванного. Через так называемого «государственного чижика» Танеева Петру Петровичу было предложено звание статс-секретаря, но он от него отказался, находя, что это звание за последнее царствование приобрело лакейский характер и притом ему уже явно не по годам. На награждение орденом он ответил коротким вежливым благодарственным письмом царю, но ехать к нему тоже отказался, считая, что при 84-летнем возрасте единственного оставшегося в живых участника редакционных комиссий царь мог бы догадаться

⁷Моя торгово-промышленная карта, революционно отказавшаяся от административных границ, была первой и единственной до революции настоящей экономической картой (а не картограммой) России, как справедливо было отмечено впоследствии, в 1933 г. на первом всесоюзном географическом съезде.

и сам приехать к нему в гости, как это неоднократно делал дед царя по отношению к председателю редакционных комиссий, покойному Якову Ивановичу Ростовцеву 51 год тому назад. На родительской квартире Петр Петрович устроил обед для потомков членов редакционных комиссий и лиц, близких в свое время к делу освобождения крестьян. На этом обеде участвовала моя мать Елизавета Андреевна и мы все 5 сыновей. Затем 12-го мая мои родители праздновали у себя дома обедом свою золотую свадьбу, на которую все женатые сыновья явились с женами, а матери отец подарил большой coulant из аквамарин и бриллиантов, который и был на ней в этот день. Ко дню золотой свадьбы родителей к ним в гости из Дрездена приехала 72-летняя Fräulein Schmalz⁸. Перед этим была холодная погода, а тут с наступлением тепла, все сразу так быстро распустилось, что Fräulein Schmalz удивилась этой быстроте, от которой она успела отвыкнуть за свое долгое пребывание в Германии, где ход весенних фенологических явлений всегда ровный и медленный.

На Пасху мы снова ездили с детьми в Метцакюлю, где и провели время вместе с семьей Бобиных. Старики Сермягины были в своем роде Филемоном и Бавкидой. Сергей Иванович был худеньким слегка сутуловатым, кротким старичком с большой головой, с седыми, довольно длинными волосами и бородой, присяжным поверенным, примыкавшим к кадетам. Он говорил довольно быстро, и часто звук *к* непроизвольно переходил у него в звук *т*, как это нередко бывает у простолюдинов. Марья Павловна, рожденная Партанская, сестра известного дальневосточного метеоролога, была полной ему противоположностью. Это был настоящий шар, очень любивший сытно покушать. Женщина она была живая, очень неглупая и добрая, хорошая хозяйка. Они отлично дополняли друг друга. У них в Метцакюле была прекрасная собака — большой рыжий сенбернар. Дач у них было три, и все они находились в полном порядке. На самой большой из них была вышка с обширным видом на море и на пляж. Там стоял теодолит, как-то по случаю приобретенный Сергеем Ивановичем, который, собственно говоря, не знал, что с ним делать, но какие-то молодые люди из летних дачников, ежегодно бывавших у Сермягиных, нашли ему практическое применение: они поставили его на вышку и оттуда наблюдали в него купающихся дам. Когда Сермягин удивился такому использованию его теодолита, ибо все изображения у него получались вверх ногами, молодые люди ответили ему, что это ровно ничего не значит. Изредка навещал стариков Сермягиных их сын, молодой человек не первой свежести, инженер, женатый не особенно удачно и отличавшийся неприятным характером. Сергей Иванович любил винтить, раскладывать пасьянсы, причем один пасьянс «Освободительное движение» он изобрел сам, хорошо играл в шахматы. Помню, как однажды он играл партию в Метцакюле с известным физиохимиком профессором Борисом Ивановичем Слобцовым, тоже хорошим игроком. Кто-то из них стал ныть, что у него ничего не выходит. Тогда противник предложил ему поменяться местами и продолжить игру. Таких добродушных шахматистов я ни разу больше не видел. Я однажды играл там партию в шахматы со знакомым Бобиных, игроком 2-ой категории шахматного клуба Пагиревым. Партию я у него выиграл, но это стоило мне сверхъестественного напряжения внимания и очень меня утомило. Он же, уверенный в себе, никак не ожидая такой прыти от меня, даже на меня обиделся. Так что я вовсе не был рад своей «Пирровой победе» и больше с ним не играл. Мы привезли туда еще детскую игру «пять в ряд», которой одинаково увлекались и взрослые. Как-то раз там был академик зоолог Николай Викторович Насонов с сыном. Вообще, народу было много, и царило большое оживление. Я с детьми ходил на лыжах и рисовал пастелью.

⁸Она умерла 94 или 95 лет от роду.

Но все же скрофулез желез у Романа продолжался, и М. О. Иогихес посоветовал возить его несколько раз подряд на лето на Адриатическое море в Аббацию, а на самое жаркое время переселяться куда-нибудь в горы. Мы так и сделали. Вера списалась со знакомой Ламанских и Воейковых, бывавшей у первых на субботах, словинкой Элеонорой Людвиговной Иенко, молодой блондинкой, женщиной-врачом, окончившей Женский медицинский институт в Петербурге и вышедшей замуж за австрийского врача, огромного длинноногого блондина с небольшой головой, полунемца-получеха Гройера. Они жили и оба практиковали в Аббации. На самое же жаркое время при ее посредстве было очень легко устроиться в Крайне в Юлийских Альпах, именно в Бледи (Фельдесе по-немецки), где жила ее мать, недалеко от их родного города Любляны (Лайбаха по-немецки). Получив утвердительный ответ, Вера с детьми и Идой Карловной поехала в половине мая в Аббацию, а я взял отпуск на август и получил командировку на географический конгресс в Рим на сентябрь. При чем министр Тимашев, припасая казенные командировочные средства только для своих любимцев по министерству, поспешил что-либо отпустить для меня, несмотря на энергичное настояние В. М. Веселовского, и предоставил мне ехать в Рим на свои средства. Веселовский по этому случаю сильно бранился. Гройеры, у которых была маленькая хорошенькая дочка Иоланта (Иолли), встретили их очень приветливо и устроили в пансионе Frau Hofmann со славянским названием «Мой мир».

В начале июня я посетил В. И. Ламанского в Усть-Нарове (Гунгербурге), где уже не был 11 лет. По дороге, подъезжая к Нарве, я слышал такой разговор в вагоне между одной молодой парочкой, ехавшей без багажа, с одной только громадной картонкой. «Он» спросил «ее»: «Скажи, пожалуйста, там (в Гунгербурге) можно где-нибудь посидеть на море?». — «Конечно, там очень много скамеек» — ответила «она». «А это будет в Лифляндии?» — спросил «он». — «Нет, это причисляется к Курляндии» — самоуверенно ответила «она». Мое географическое сердце готово было выпрыгнуть из орбиты от такого диалога не в пользу Эстляндии. Владимир Иванович жил с О. В. Покровской в шикарном дорогом пансионе «Ирена». Там кормили очень вкусно, но давали такие микроскопические порции, что я после еды вставал как будто не евши вовсе, шел на дачу к Надпорожским (где я остановился), и они меня докармливали. В Гунгербурге жил ученик В. И. Ламанского Н. В. Ястребов с женой и дочерью и старая знакомая Вера Алексеевна Макшеева, вышедшая замуж за моряка Шталя, со своей семьей из 5 детей. С Ястребовыми я ездил в лодке по Нарове и ее протоку Росоки ловить рыбу. Он поймал какую-то мелочь, а мне попалась только колюшка в очень красивом весеннем, ярком брачном наряде.

Затем я посетил брата Валерия в Тиурупиemi, и мы с ним в июне же совершили интересную поездку на его новой моторной яхте по озеру Сайме, старую же небольшую моторную лодку он продал. Мы ездили в Пумалу и обратно, сделав в общем 130 с чем-то километров в течение более чем двух суток. Нас было 5 человек: я, брат Валерий, его зять⁹ Федор Иванович Хрущев, рыбак Анти Акконен из Ситолы, возивший неоднократно нас на рыбную ловлю там, и механик Молодкин. Был сильный северный ветер, и здорово качало, местами прямо бросало: была всякая качка — и носовая, и боковая, и под углом. Однако мы все пятеро оказались большими любителями качки и потому только приходили от нее в веселое настроение, у меня аппетит от нее удваивался. Новый, мало еще испытанный мотор пошаливал и временами останавливался, так что неоднократно приходилось бросать якорь посреди озера и приводить мотор к повиновению. Роли наши были распределены так: брат

⁹Свояк; Ф.И.Хрущев был женат на сестре Капитолины Ивановны Кольцовой Надежде Ивановне.

Валерий в своей яхт-клубской фуражке исполнял обязанности капитана («командора», как выражался Хрущев), отчасти машиниста, шкипера (мы шли с компасом по подробным морским картам), постельничьяго (стлал нам на ночь постели) и отчасти повара, Хрущев — роль официанта, отчасти повара и рулевого, я — роль судомойки (мыл посуду до того, что заскорузли руки) и заведовавшего географическими картами, Анти — роли помощника рулевого и толмача, Молодкин — роль машиниста. Вперед мы шли довольно гладко, раза два ненадолго останавливались из-за мотора и пришли в Пумалу в 6 часов вечера. Там мы узнали, что хваленая рыбная ловля лососей находится еще в 10 километрах далее по озеру, и там живет ее владелец, лесопромышленник Ярвеляйнен, у которого надо спросить разрешение. Поэтому пришлось ехать на моторной яхте далее к нему, на его пристань. Он от нее жил в полутора километрах. Анти направился к нему и разрешение получил. Ярвеляйнен дал нам своего рабочего, с лодкой, чтобы свезти нас на место ловли, а на другой лодке сам повез Хрущева. Я поехал с этим рабочим, а брат Валерий с Анти на нашей шлюпке, сопровождавшей моторную лодку от Тиурупиemi. С вечера мы попробовали ловить, и только я поймал фунтового окуня, а остальные — ничего. Я, брат Валерий и Хрущев ночевали в каюте моторной яхты, а Анти с Молодкиным — на палубе под брезентом. В 3 часа утра снова поехали удить. У меня сорвались две рыбы, и рабочий сломал весло, брат поймал трех фунтовых окуней, да у него сорвался крупный хариус, а Хрущев не поймал ничего. Хваленых лососей до пуда весом так и не видали. Ярвеляйнен говорил, что они во множестве приходят сюда при южном ветре, а теперь ветер северный. В 6 часов утра мы вернулись на моторную яхту и до 10 часов спали в каюте, а потом поехали обратно в Пумалу. Не доезжая 1 километра до ее пристани, близ крайнего дома этого местечка у нас так закапризничал мотор, что пришлось стать на якорь и чинить его 3 часа. Дно было каменистое и по нему сначала из-за ветра волочило якорь, а потом так крепко запихало в какую-то щель между камнями, что вытащить никак не удавалось. Я с Анти сел в шлюпку, и мы попытались немного отбуксировать моторную яхту так, чтобы якорь мог выбраться из щели, — ничего не помогало. Брат Валерий с Молодкиным на яхте пробовали пускать полным ходом мотор, чтобы вырвать якорь из щели, но яхта от этого становилась на дыбы чуть не вертикально, рискуя каждую минуту нырнуть носом в воду, — так крепко держал ее якорь, а потому и это оставили после наших с Хрущевым протестов. У Молодкина от возни с якорем выскочили из кармана часы и потонули на большой глубине. Наконец решили снять якорную цепь с моторной яхты и, привязав какую-нибудь деревянную штуку, которая не тонула бы, оставить якорь, так сказать с «поплавком на воде», пойти на моторе в Пумалу и попросить там какой-нибудь буксирный пароход вырвать якорь из камней. Я с братом Валерием и Анти поехали на шлюпке, нашли у берега в воде огромное бревно, сажени в 2 длиной, приволокли его баграми за шлюпкой по воде на буксире к мотору и привязали конец якорной цепи к нему. Бревно от тяжести цепи и якоря погрузилось в воду почти все, оставив над водой кусок вершка в 4. Пошли на моторе в Пумалу, и все в дали виднелся наш «поплавок». В Пумале все буксирные пароходы оказались занятыми, и нас попросили подождать там за ответом до 9 часов вечера. Молодкин тем временем успел выправить мотор настолько, что стал усиленно просить испытать его ход и кстати посмотреть, цел ли наш «поплавок»? Брат Валерий, Хрущев и Молодкин пошли на пробу, а я с Анти остался на пристани в Пумале. Проба вполне удалась, но, увы, наш «поплавок» с якорем бесследно исчез под водой. Брат, вернувшись, пошел бродить по Пумале и, хотя финны его уверяли, что там никаких якорей не продается, умудрился на чьем-то огороде найти два валявшихся старых якоря, один из которых и купил, и его привязали на канате

к яхте. Так как я торопился возвращаться в Петербург на службу, то уже совсем было решил, что уеду из Пумалы до Рауха либо на пассажирском пароходе, который должен был пройти через Пумалу ночью, либо на лошадях по береговой дороге кругом. Когда же брат купил неожиданно якорь, все переменялось. Мы решили тотчас же ехать на моторной яхте и тронулись в 9-м часу вечера. Шли мы довольно благополучно до 12 часов ночи, только два раза останавливались ненадолго (в общем на 2 часа) для приведения упрямого мотора в надлежащее действие. Надо сказать, что накануне, несмотря на северный ветер, было относительно тепло и ясно, а в этот день стало значительно холоднее, временами набегали тучки, и шел короткий дождь, вдали иногда сверкала молния, и слышался небольшой гром, а потом опять было солнце. Придя в 12 часов ночи снова в узкое место Кутвилу, где было полное затишье от ветра, мы остановились там ночевать на яхте. Спали здорово и только в 8 часов утра пошли дальше. Нам оставалось еще 25 километров до Тиурупиими. Тут находится Большая Сайма — очень открытое место. Снова дул северный ветер и была здоровая качка. Мотор несколько раз пытался отказываться действовать, но Молодкин наконец догадался, что это происходит от засорения его труб нечистым керосином, а потому последние 5 километров, распластавшись на животе, непрерывно дул изо всех лопаток в машину, чем только и поддерживал ее ход. При столь героических подвигах нетрудно нажать и эмфизему легких, ибо дуть с такой силой безудержно в машину, вероятно, труднее, чем в самый страшный тромбон. Наконец при максимальной качке мы вернулись в Тиурупиими, к немалой радости семьи брата Валерия, считавшей нас чуть не погибшими совсем.

Летом 1911 г. на нашей квартире на Бассейной улице временно проживал С. В. Ламанский, бывший помощником присяжного поверенного Ивана Леонардовича Габриловича, дяди Элеоноры Германовны Шмидт. Его невестой тогда была Антонина Васильевна Гербач, с которой он и повенчался в сентябре. Они поселились в Казачьем переулке, в скромной квартирке одного из верхних этажей, выходившей во двор. Дом был переполнен богемой, проститутками, всякими общественными подонками и пр. Это были какие-то весьма своеобразные задворки. При открытых окнах и сплошном пении и музыке можно было наслушаться, как говорил Сережа, таких выражений, о существовании которых нельзя было и подозревать заранее. То и дело свешивались из окон головы во двор, их рвало, и другие любопытные головы тотчас же высывались из соседних окон, чтобы удостовериться, с кем именно приключилось такое несчастье, в воздухе висели грубейшие шутки, ругань, визги и пр.

В конце июля (29-го) я поехал к своей семье за границу. Вера с детьми и Идой Карловной жила в это время в Бледе (Фельдесе), где ее устроила Э. Л. Иенно-Гройер. У меня сносило летнее пальто, и перед отъездом я купил себе новое готовое в голландском универсальном магазине Эсдерса и Скефольса на углу Гороховой и Мойки. Мне, к сожалению, там подсунули клетчатое пальто горохового цвета, в котором имели обыкновение ходить сыщики. Впоследствии Вера его перекрасила в черный цвет, и тогда оно оказалось очень приличным и служило долго. Затем ввиду конгресса мне пришлось взять с собой мой единственный в жизни старинный венский фрак, подаренный мне за 17 лет перед тем в 1894 году отцом, отлично на мне сидевший, в котором я и венчался. Все это вместе так переполнило мой чемодан, что я принужден был долго на нем сидеть и уминать, умоляя его закрыться. Когда я приехал в Блед, Вера, распаковав мои вещи, пришла в ужас от их варварски помятого вида, и дала утюжить фрак портному, а я заказал себе в Любляне французские визитные карточки. В Бледе мы прожили с месяц, я там много рисовал. Гройеры приехали из Аббатии, и мы много с ними экскурсировали. Однажды мы ездили в так называемый по-немецки

Rotweinklamm в горах Караванках. К нам присоединился родственник Гройера, венский городской архитектор с женой. У нас там на месте был всего час времени в распоряжении между поездами, а кроме того, я был, от какой-то неудачи, в сердитом настроении. Как раз мы подошли к водопаду в ущелье. Я его изобразил в такой короткий срок, и вышел он очень удачно. Очевидно, мое настроение помогло. Архитектор все любовался моим этюдом. В другой раз мы ездили к горе Эдмангардт, или Мангардт, которую я также удачно изобразил. Наконец в третий раз доктор Гройер затеял экскурсию на исток реки Савы через Бахинское озеро (Wocheiner See по-немецки). Накануне у меня сделалась ангина, и я никак не думал, чтобы поездка могла состояться. Но Гройер, осмотрев меня, решительно заявил, что он меня к завтрашнему дню обязательно починит, надавал мне каких-то лошадиных лекарств, и когда на восходе солнца пришел меня будить, я был действительно здоров, и наша поездка состоялась. Сначала мы рано утром поехали по железной дороге через туннель к концу Бахинского озера, вышли там, в виду снежной вершины Триглава с его ледниками и в лодке проехали 10 километров до другого конца озера. Там мы вышли и закусили на веранде местной сельской гостиницы. Тут же стояла на штативе подзорная труба, наведенная на исток Савы. Показав нам его в трубу, Гройер сказал: «Посмотрите, как близко — совершенные пустыки пешком дойти». Мы всем семейством с супругами Гройерами пошли по тропинке вверх. Лезли что-то очень долго, поминутно встречая ручьи, журчавшие в густой траве в лиственном лесу, и наконец долезли. Стало очень жарко. Исток состоит из двух узких вертикальных водопадов, вырывающихся из расщелин в скалах и падающих с высоты в глубокое провальное круглое озеро. Я нарисовал их. Сверху палило солнце, а снизу от озера до меня достигал резкий холод. Тем не менее, возврата ангины не произошло, хотя я долго тут сидел — настолько основательно починил меня доктор Гройер. Назад мы спустились пешком к Бахинскому озеру, уже когда солнце было довольно низко. На озере не оказалось ни одной лодки. Делать было нечего — Гройер, так сказать, скомандовал нам «марш», и мы все покорно пошли по шоссе вдоль южного берега озера на железнодорожную станцию, отстоявшую в 10 километрах. Особенно энергично маршрутировал вперед он сам, и от него не отставал ни на шаг наш Роман, которому было 10 лет. К поезду мы успели и вернулись в Блед при луне. За этот день мы прошли пешком не менее 40 километров гористого пути. Гройер торжествовал. Кроме того мы неоднократно ходили пешком вокруг Бледского озера, где я рисовал. Пансион был менее людный, и пансионеры отличались чрезвычайной жадностью к еде, которая была сытна, но весьма груба. Ножи, вилки и ложки весьма плохо мылись, и на тарелках нередко была какая-то копоть. Несмотря на все это, Роман находил, что еда очень вкусна и ел с особенным аппетитом. Еще в Аббации в пансионе Frau Hofmann, где жила Вера с детьми и Идой Карловной, с ними познакомилась какая-то австрийская еврейка madame Salade. Здесь же в пансионе была большая венская семья, состоявшая из двух дам — сестер приятной наружности с хорошенькими детьми, с которыми мы разговаривали за табльдотом. Как-то раз они пригласили нашего Володю на пешую экскурсию с ними к замку, расположенному высоко над Бледским озером. Володя там повредил колено, и они одолжили ему для перевязки носовой платок с буквами R. S. Там они расписались на воротах, и Володя прочел их фамилию Spinat, причем имя матери было Rosa. Затем их сын как-то стал спрашивать Романа, какие мы евреи — польские или русские? Когда он ответил, что мы вовсе не евреи, а русские, мальчик сказал ему: «Ну, говори еще» и, очевидно, не поверил. Все это произошло потому, что мы с ними охотно и любезно разговаривали, тогда как большая часть пансионеров, настроенная, по-видимому, антисемитски, их чуждалась. Очевидно, Вере в то время выпала судьба заводить знакомства с вегетари-

анскими овощными фамилиями. В пансионе меня звали «Herr Professor», хотя я таковым в то время не был и о профессуре не мечтал. Там был старик Roling, настоящий профессор богословского факультета в Герцком (Горецком) университете, католический патер, знаток арамейского языка, можно сказать, засыпанный с ног до головы табаком, который он и курил во всевозможных видах и нюхал, чуть что не ел, купаясь в дымных облаках. Это была почтенная симпатичная личность. Он, между прочим, давал письменную экспертизу в известном процессе Бейлиса. Ролинг при нас предсказывал возникновение в ближайшем будущем общеевропейской войны «из-за эгоизма Германии», как он говорил. Временами он отправлялся на лодке на островок Бледского озера и служил в тамошней церкви мессу. Там был обычай, согласно которому туристы дергали веревку колокола этой церкви и по характеру звона определяли свою судьбу. Во время нашего пребывания в Бледе мы прочли в газетах об убийстве Столыпина в Киеве. наших сыновей очень любил и баловал местный аптекарь-словенец, катавший их в своем маленьком автомобиле и даривший им различные мелкие вещицы, причем он приговаривал: «Посуньте в ташку» (т. е. спрячьте в карман). Этот словенец был как-то в России и гордился знанием русского языка. Однажды Роман перепугался каких-то лошадей, которые с безумной быстротой понесли мимо нас по шоссе чей-то экипаж, и их не могли остановить. Этого было достаточно, чтобы у него тотчас же поднялась температура чуть что не до 39°, так что его пришлось, по совету местного врача, немедленно лечить обертыванием в мокрой холодной простыне, отчего нормальная температура быстро у него восстановилась. В Бледе мы с Верой, с детьми и Идой Карловной, сидя под грецкими орехами с поспевавшими плодами в саду пансиона, увлекались чтением юмористических рассказов Теффи, привезенных мною, а перед нами высилась розовато-голубоватая стена хребта Караванки за широкой светло-зеленой долиной реки Савы с пирамидальными тополями. Когда мы тут же пили кофе или чай с медом, на нас в массе налетали крупные шершневые осы, от которых трудно было отделаться.

В начале сентября мы переехали еще раз в Аббацию, откуда я должен был проехать на конгресс в Рим, затем снова туда вернуться и, захватив семью, везти ее в Петербург. В Аббации мы опять оказались в пансионе Frau Hofmann. Туда из Рима организационный комитет, однако, сообщил мне, что конгресс отменяется до более благоприятного времени ввиду только что возникшей италотурецкой войны. В Аббации говорили, что Венеция переполнена итальянскими войсками, и это внушало австрийцам немалое беспокойство. Очевидно, им была хорошо известна непрочная изнанка знаменитого тройственного союза, созданного Бисмарком и разрушавшегося Вильгельмом II. Мы решили остаться до конца моего командировочного срока в Аббации. Я там рисовал пастелью. Однажды, во время дувшего сирокко (южного ветра) я изобразил берег моря, ко мне подошли два австрийских офицера и завели со мной беседу на немецком языке. Я им отвечал, и мы разговаривали, пока я рисовал, довольно долго. Однако я ничего не понял из того, что они мне говорили, так как они произносили на *о*, как это обычно делают австрийские немцы, а они не поняли меня. Тем не менее, наш разговор был взаимно очень любезным, и мы остались вполне довольны друг другом. В Бледе и Аббации, кроме черты Гройер нас часто навещала младшая сестра Элеоноры Людвиговны Апица, занимавшаяся научными работами и потом вышедшая замуж за чешского профессора Щербу. Она была небольшого роста, имела довольно правильные черты лица, испорченного, впрочем, следами оспы, и говорила также по-русски, как и Э. Л. Виделись мы как-то и с красивой ее матерью, вдовой Иенко, которая по-русски не говорила. Из Аббации я с Верой и Володей ездил в Постойко (или Адельсберг по-немецки), и там мы посетили знаменитый Адельсбергский сталакти-

товый грот или Постоинску яму. Это было очень интересно. Мы довольно долго ходили с толпой посетителей, под руководством проводника, по подземным сыроватым коридорам, освещенным электричеством, с огромными сталактитами и сталагмитами, переходили по мостику через подземную речку Пойк, рассматривали в небольшом подземном бассейне живые экземпляры пещерного слепого животного протея, накупили у решетки при входе в грот куски сталактитов и альбомчик фотографий пещеры. Сам городишко Адельсберг или Постоико представляет большое захолустье и весьма примитивен. Обратный поезд через Санкт-Петер в Аббацию (вернее в Матулию над Аббацией, откуда везет в Аббацию вниз электрический трамвай) шел поздно вечером, в темноту, и потому нам пришлось провести несколько часов в постоинской гостинице, которая занимала обширный каменный старинный, усадебного типа особняк в два этажа, окруженный старым, тенистым, в то время уже сильно пожелтевшим и покрасневшим парком, нанятый у какого-то местного аристократа. На здании, внутри его и в парке лежала печать какой-то таинственности, свойственной старинным романам, с привиденческими эпизодами и пр. По нашем возвращении в Аббацию неугомонный доктор Гройер предлагал нам еще съездить с ним по направлению к Триесту в грот св. Канцьяка, но на это не было ни времени, ни средств. В Аббации Вера немного прихворнула, но Гройер ее весьма энергично вылечил. Около 1 октября, признав у Гройера небольшую не хватавшую нам на часть обратного пути сумму денег, мы выехали домой в Петербург через Вену, где мы остановились ненадолго и посетили Пратер и Шенбрунн, любовались рыбами в прудах, собиравшимися по звонку, а также испытали какое-то фантастическое путешествие по электрической железной дороге через пещеры с ужасами и пр. Когда мы поздним вечером уехали из Вены, то на расстоянии нескольких десятков километров от нее проехали мимо какого-то дома, пылавшего среди темноты у самого железнодорожного полотна, и долго еще зарево пожара на горизонте не исчезало. Мы сели в заранее заказанное мною купе, где пришлось сдвинуть диваны, чтобы спать поперек их всей семьей. При этом сменившийся ночью кондуктор очень придирался и все норовился сорвать с нас взятку, но мы выдержали характер и не дали ее.

Когда мы вернулись в Петербург, Элеонора Германовна Шмидт рассказывала нам, что она была в Киеве у родных в то время, когда был убит П. А. Столыпин. Затем она возвращалась в Петербург одна с обоими своими детьми. К ним в купе проник какой-то хорошо одетый мужик, который стал вести себя настолько нахально и назойливо, что она, испугавшись, попросила кондуктора перевести ее с детьми в другое купе, что тот и исполнил. В Петербурге семилетний Геня, рассматривая картинки в журнале «Огонек», сказал: «Мама, смотри, этот человек ехал с нами в вагоне из Киева». Э. Г. посмотрела картинку и увидела, что Геня не ошибся. Под картинкой было написано «Григорий Распутин».

Через некоторое время после нашего возвращения произошел такой загадочный случай. В бытность мою в Блесе я писал не раз моей матери Елизавете Андреевне, которая находилась в это время в Дрездене, и приглашал ее навестить нас в Фельдесе. Моя последняя открытка не застала ее ни в Дрездене, ни в Берлине и была направлена ей немцами в Петербург. Вслед за тем я получил из Потсдама немецкое письмо от какого-то неизвестного мне прусского офицера по имени Adolf von Semenow, который сообщал, что открытка, адресованная мною моей матери, одно время попала к нему, и что он пользуется случаем, чтобы завязать со мной знакомство и переписку по следующему поводу. Его прадед был русский гвардейский капитан Peter von Semenow, времен наполеоновских войн, и мы, по-видимому, родственники. Я тотчас показал письмо моим родителям. Петр Петрович изумился и сказал, что его отец Петр Николаевич Семенов, капитан Измайловского полка, в 1813-14 годах,

конечно, был в Германии и в Берлине и, может быть, стоял там со своим полком довольно долго. Он в то время был холост, и нет ничего невероятного в том, что у него мог произойти от временной связи с какой-нибудь немкой внебрачный ребенок, но что никаких следов об этом в семейных преданиях не сохранилось. При этом он заметил, что очень жаль, что нет в живых его сестры Натальи Петровны Грот, которой семейные предания были лучше известны, чем ему. Посоветовавшись с родителями, я решил лучше ничего не отвечать Адольфу фон Семенову, да и хорошо сделал, ввиду возникшей через три года европейской войны. Письмо же его я передал моей матери, и что потом было с ним — не знаю. Точно какая-то искорка внезапно мелькнула и пропала, и даже не знаешь, была ли эта искорка, или игра чьего-то воображения.

В 1911 году я возбудил в Географическом обществе два вопроса: 1) об издании атласа России и стран сопредельных и 2) о дазиметрической карте Европейской России. Первый вопрос как-то затерялся в делах общества, а второй возник таким образом. В своей книге «Город и деревня в Европейской России» я установил типы заселения и дал мелкомасштабную карту, на которой схематически показаны естественные пятна сгущения населения на нашей равнине, но плотность населения в каждом из них не вычислена и не показана. Поэтому я составил проект осуществления такой карты крупного масштаба, напр., 10-верстного, на котором все это можно было бы показать. По этому вопросу при отделении статистики была образована особая временная комиссия из председателя отделения моего брата Дмитрия, секретаря отделения В. В. Морачевского, секретаря Географического общества А. А. Достоевского, членов общества статистиков В. И. Покровского, Д. Рихтера, барона П. А. Рауша фон Траубенберга и меня. Комиссия мой проект одобрила и направила его в совет общества. Ввиду недостатка средств у общества надо было испрашивать через законодательные учреждения специальные ассигнования на это дело. Однако дело замедлилось, я же не желал навязываться со своей идеей, а наступившие затем военные события и совершенно парализовали возможность чего-либо добиться. Дело было осуществлено совершенно другим путем уже после революции.

Американское Географическое общество в Нью-Йорке праздновало в 1912 году свой 60-летнюю юбилей и по этому поводу пригласило к себе европейских географов с тем, что проезд до Америки и обратно они оплачивают сами, а все пребывание в Соединенных Штатах с экскурсиями оплачивает оно само. На наше Географическое общество пришлось 2 места. Старшим делегатом был избран Ю. М. Шокальский, а вторым было предложено быть мне, причем проезд до Америки и обратно принимался на средства казны. Я, однако, был занят настолько подготовкой нового издания «Торговля и промышленность Российской империи по районам», что ехать не мог, и вместо меня поехал с Шокальским новый секретарь Отделения физической географии Владимир Андреевич Дубянский, сменивший П. Б. Риппаса.

На Рождество 1911 и Пасху 1912 года мы опять ездили всей семьей к Сермягиным в Метцакюлю. Там на досуге я обычно много беседовал с С. П. Бовиным, преподававшим географию, на географические темы. По образованию он был историком Харьковского университета, учеником проф. Д. И. Багалея, но его всегда интересовала география, в особенности историческая (специальность его учителя), антропогеография и экономическая география. Он также был весьма начитан и в физической географии, и в естественных науках. Вообще, это был один из самых культурных, знающих и разносторонне образованных преподавателей географии в Петербурге. Кроме того, у него был несомненный дар живописца и вкус. Он, как энтузиаст географии, трогательно переиздавал на свои скромные заработки неко-

торые экономогеографические работы Воейкова, а также переводил и издавал «на свой кошт», как выражались в старину, некоторые иностранные работы по экономической географии, напр., Эрнста Фридриха. Все это составило серию «Чтений по географии». При этом за материальными выгодами он совершенно не гонялся, и его интересовала только идейная сторона.

Возвращаюсь, однако, к делам статистическим. Еще в середине 1870-х годов, когда мой отец Петр Петрович был директором Центрального статистического комитета, в составе министерства внутренних дел был образован междуведомственный статистический совет для согласования действий отдельных ведомств по статистике. Оставаясь директором комитета, Петр Петрович был назначен и председателем статистического совета и пробыл им до всеобщей переписи населения 1897 года. Его научный и общественный авторитет был очень велик, и потому только он и мог достигнуть наибольшего согласования. Уже тогда поднимался вопрос об объединении всей государственной статистики в одном вневедомственном учреждении, но этому неизменно противились все ведомства, в интересах которых было иметь собственные цифры, окрашенные тенденцией данного ведомства для того, чтобы каждый министр мог убедить ими самодержца в желательном себе направлении. Это удельное состояние государственной статистики чрезвычайно характерно для бюрократического строя. Единственное хорошо поставленное в научном отношении государственное статистическое учреждение в 1860-70-х годах представлял Центральный статистический комитет Министерства внутренних дел, с честью выдержавший свою роль до конца пребывания на посту его директора — моего отца, т. е. до начала 1880-х годов. После этого быстро пошло разложение статистики Министерства внутренних дел. Наиболее бойкие ведомства к тому времени не только завели у себя свои собственные более или менее крупные статистические учреждения, но не стеснялись дублировать статистические исследования по любым интересовавшим их вопросам. Так, в 1890-х годах статистика урожая разрабатывалась одновременно тремя ведомствами и сверх того земствами, статистика перевозок — двумя ведомствами и т. д., причем получались совершенно разноречивые цифры, в правдивости которых разобраться было чрезвычайно трудно, а подчас и невозможно. После переписи 1897 г., когда мой отец получил назначение членом Государственного Совета, на пост председателя статистического совета был назначен директор Центрального статистического комитета Н. А. Тройницкий. Его неавторитетная в глазах ведомств деятельность на этом посту была близка к нулю, в особенности после того, как его на посту директора Центрального статистического комитета заменил сначала профессор статистики военной академии генерал Аким Михайлович Золотарев, кстати сказать, автор самого неудачного административного районирования России по группам губерний, которое продержалось в комитете только при нем, а затем университетский профессор политической экономии Павел Иванович Георгиевский, понимавший в статистике немногим больше Тройницкого, человек крайне неумный. Однако, Тройницкий, назначенный сенатором, продержался председателем статистического совета до самой своей смерти. Характерно, что хотя министерство торговли и промышленности и было образовано в 1905 году, но статистический совет как сильно очинившее учреждение спохватился, что у него вовсе нет представителя от этого ведомства только через 7 лет, и обратился к министру торговли и промышленности с просьбой о назначении такового в январе 1912 года. Это произошло потому, что Георгиевский снова возбудил вопрос об объединении государственной статистики, и без наличия представителей всех ведомств его обсуждать было невозможно. Постоянным членом статистического совета от ведомства торговли и промышленности был назначен я, и мне снова

после долгого перерыва пришлось варить кашу с Тройницким. В это время он, не знаю почему, вел ожесточенную войну с Георгиевским, и когда я самостоятельно стал выступать в статистическом совете против глупостей последнего, Тройницкий возрадовался, увидев во мне случайного союзника, и стал со мной необычайно мил и любезен, ухаживал за мной, и так продолжалось до самой его смерти, после чего его заменил на посту председателя Георгиевский, с которым мне пришлось уже одному вести войну до последнего дня статистического совета в 1917 году. Директором же Центрального статистического комитета был назначен некий Белявский, однофамилец моего сослуживца, совершенно ничем не замечательная личность, попавшая на этот пост чисто случайно.

В 1912 году мною был составлен проект нового издания труда «Торговля и промышленность России по районам» по данным 1910 года, долженствовавшего охватить всю империю, а не одну только Европейскую Россию, как было в первом издании. Тогда было собрано от казенных палат 500 000 анкетных карточек по отдельным торговым и промышленным предприятиям. Теперь это количество удваивалось, т. е. достигало 1 миллиона. Основной анкетный материал казенных палат должен был быть улучшен качественно, т. е. возможно более сверен с материалами, полученными другими путями, напр., от фабричной инспекции по промышленным предприятиям и т. п. При первом опыте большое затруднение представляло разбитие сведений, полученных от казенных палат суммарно по акционерным предприятиям, на отдельные предприятия, принадлежащие им и расположенные зачастую в различных населенных пунктах. Поэтому я составил от себя циркулярное обращение к акционерным предприятиям с просьбой, чтобы они сами сообщили мне нужные сведения по каждому принадлежащему им предприятию в отдельности с его точным адресом, гарантируя им полное сохранение так называемой «коммерческой тайны», т. е. то, что их цифровые данные утонут в общих итогах по каждому населенному пункту или району и отдельно опубликованы не будут. Таких циркуляров мне пришлось в течение долгого времени подписывать штук по 200 в день. Акционерные предприятия охотно откликнулись и любезно доставили интереснейший подробный материал, подчеркнув, что они это делают из личного уважения и доверия ко мне. Затем было запроектировано две стенных торгово-промышленных карты — для Европейской и Азиатской России отдельно. Наконец, отделом торговли был одновременно собран обстоятельный материал по ярмаркам всей России, который предстояло использовать в новом издании. Все это, вместе взятое, должно было значительно повысить научную ценность труда. Подсчитав стоимость исполнения всей работы, я направил проект в Государственную Думу.

На этот раз Вера отправилась одна с детьми в Аббацию в конце апреля, отпустив Иду Карловну на лето на ее родину в Либаву, я же должен был ехать к семье во второй половине лета и переселился на конец весны и первую половину лета в родительскую квартиру. К брату Измаилу и его жене Наде приехала из Москвы подруга ее, художница Екатерина Васильевна Гольдингер, ученица Пастернака, которая написала портрет Петра Петровича темперой в моем присутствии — последний его живописный портрет. Наблюдать за ее работой было для меня интересно. К сожалению, отец, достигший 85-летнего возраста, чувствовал себя утомленным, нередко подремывал, и все это отразилось невольно на портрете. В начале мая я получил от Веры письмо из Аббации с извещением о том, что Володя вскоре по приезде заболел скарлатиной, и они из пансиона, при помощи доктора Гройера, выселились все в гостиницу, на станцию Матулию, расположенную в горах над Аббацией, где рядом у Гройера был амбулаторный пункт. Романа она не оставила в Аббации, так как он на это ни за что не соглашался и, конечно, нервничал бы без них. Тут же она сообщала,

что если будет болен только Володя, то она с этим одна справится, если же заболит еще и Роман, то она попросит меня приехать на помощь и тогда пришлет телеграмму с вызовом меня. В гостинице на станции Матулия Вера наняла во 2-ом этаже обширную комнату, в одном углу которой она спала с Володей, а в противоположном углу Роман один, причем ему было вменено в обязанность целый день до ночи торчать на воздухе, не входя в комнату, что он добросовестно выполнял. У Володи оказалась очень сильная форма скарлатины, с осложнением в горле, и был серьезный момент, когда Гройер сильно опасался за его почки. На 8-й день по заболеванию Володи заболел Роман очень легкой формой скарлатины. Вера отправила мне срочную телеграмму, которую я получил вечером накануне того дня, в который была назначена защита моего проекта повторения труда «Торговля и промышленность» в бюджетной комиссии Государственной Думы. Я тотчас позвонил по телефону В. В. Прилежаеву, но он был в Петергофе. На следующий день рано утром я еще раз позвонил ему и спросил, как мне быть? Он сказал мне, чтобы я в назначенный час ехал с ним в Государственную Думу, обещав устроить мне заграничный отпуск и паспорт в тот же день. Я так и сделал. Прилежаев с утра по телефону приказал написать нужные для меня бумаги в канцелярии, по телефону же сговорился о согласии на мой отпуск с министром Тимашевым, затем из думы звонил во все телефоны, какие были нужны, и добился выдачи мне заграничного паспорта в тот же день. Мы с ним весьма успешно защитили проект в заседании бюджетной комиссии Государственной Думы под председательством А. И. Шингарева и при участии Скалозубова. Моя роль была закончена, я, раздобыв экстренно деньги на отъезд, вернулся на родительскую квартиру и спешно послал старшего дворника достать мне в Обществе международных спальных вагонов прямой билет на скорый поезд до Аббации, а сам поехал получить свой заграничный паспорт у градоначальника, который и был мне выдан. Хотя время было очень бойкое по части заграничных разъездов, дворник умудрился получить мне последний билет в скором поезде, отходившем на следующий день 18 мая в 6 часов вечера. Я уложился и, отправив Вере телеграмму в Аббацию о сроке моего приезда, поехал за границу, можно сказать, с молниеносной быстротой и прибыл в Аббацию через двое суток по выезде. Детей я застал в недурном состоянии: Володя поправлялся, а состояние Романа не было тяжелым, но моя помощь по уходу за ними все же была совершенно необходима, ибо Вера измучилась за время их болезни. Доктор Гройер находил, что у них необычная для юга форма скарлатины, со сравнительно небольшим повышением температуры и небольшой сыпью, привезенная Володей в скрытом виде с севера — из Петербурга или захваченная им где-нибудь в дороге. Осмотрев Володю, Гройер в том же костюме ехал домой и играл там со своей любимой дочкой Иолли и ее не заразил. Я поселился в той же гостинице в другой комнате, несмежной по коридору. Вскоре Володя, приняв первую ванну, переселился ко мне в комнату в ожидании дальнейших ванн. Большая комната, где помещался Роман с Верой, была светлая, но все же в ней была сырость, так что обувь, долго стоявшая на одном месте, плесневела. Однако вреда она не приносила. Мы с Верой тут же в комнате обедали, причем ежедневно ели венские шницели, ибо хозяйка ничего другого готовить не умела. Как-то раз случилась днем сильнейшая гроза с шаровыми молниями. Когда Володя принял последнюю ванну, я отправился с ним вниз в Аббацию, где В. Л. Иенко-Гройер наняла для нас обширные две комнаты в отличном пансионе «Ireneae», сад которого выходил на морской берег. Там мы с Володей прожили некоторое время, пока поправился в Матулии Роман, а потом Вера с ним переселилась вниз к нам. Перед их отъездом вниз доктор Гройер почему-то категорически запретил мыть голову Роману и, несмотря на то, что с ним потом в пансионе играли 11 детей, ни один из них не

заразился. Когда дети окончательно поправились, я испытал такую радость жизни, какая бывает разве в раннем детстве. Тем временем доктор Гройер самолично дезинфицировал комнату в гостинице и наши вещи в Матулии серой, причем малиновая обивка дивана в большой комнате совершенно почернела, и нам пришлось заплатить стоимость испорченной материи, впрочем, что-то очень недорого. Затем до окончания моего отпуска мы жили в «Ирене», много гуляли, ездили в окрестности Аббации на маленьком автомобиле доктора Гройера, управляемом им самим, как напр., в Ловрану, на пароходе во Фиуме и пр. Я рисовал пастелью и один этюд подарил Гройерам. На каком-то концерте, где мы были, один из местных деятелей, немец, произнес напыщенную речь в честь австрийского императора старика Франца-Иосифа по поводу какого-то торжества, с ним связанного, причем постоянно повторял: «*unser beliebter Keiser*», а Элеонора Людвиговна в это время громко говорила мне по-русски, не смущаясь, что-то в высшей степени антидинастическое, зная, что никто ее, все равно, не поймет. Она подарила нам составленный ею путеводитель по Аббации на русском языке. Там было немало смешных русских выражений, вроде «беспыльное положение», «добродушное чаяние» и пр. В Петербург я выехал около 1 июля. На Варшавской железной дороге днем в вагоне-ресторане со мной за одним столиком сидели два красивых молодых человека и разговаривали между собой на каком-то непонятном языке латинского корня, в котором я понял всего только одно слово. Я принял его за португальский язык, которого, впрочем, никогда в разговоре не слышал. Когда подали закуску с водкой, они стали пить водку как ликер, мелкими глотками, оставив в рюмках до конца обеда немного ее на дне. Когда подали кофе, они этот остаток вылили в него. Я невольно улыбнулся. Они спросили меня по-французски о причине моей улыбки. Я им объяснил, что это не ликер, а водка, и как ее пьют, и затем, кстати, спросил их, на каком языке они между собой говорили. Они объяснили мне, что вели разговор на итальянском, именно на неаполитанском наречии (местное *patios*), чтобы их кругом не понимали. Потом они, в свою очередь, стали предлагать мне ряд наивных вопросов; так, они спросили, где же знаменитые русские поля и села, когда мы почти сплошь едем по безлюдному лесу? Далее, они спросили меня, можно ли запросто придти в гости к царю? Я им ответил, что сильно в этом сомневаюсь.

За время моего заграничного отсутствия проект нового издания «Торговля и промышленность по районам», по оставленным мною материалам, в Государственном Совете благополучно защитил помощник Прилежаева Влад. Мих. Веселовский, еще в бытность свою начальником счетного отделения обеспечивший финансовую базу первого его издания. В конце июня был окончательно установлен отпуск казенных средств на этот труд в размере 85 тысяч рублей.

Вера с детьми осталась до конца лета в Аббации, а я поселился на квартире родителей в Петербурге и наезжал в окрестности в свободное от службы время. Так, я ездил неоднократно к брату Измаилу, который с семьей проводил лето в Метцакюле не у Сермягиных, а в особо нанятой даче. Там я рисовал пастелью, и мы с ним, ввиду жаркой погоды, ходили часто на море, где он купался, а я тоже раздевался и принимал скорее воздушную, чем водяную, ванну. В море там очень много валунов, торчащих из воды. С них, в некотором отдалении, купалась компания молодых местных финнов. Они ставили [бутылки водки] в расщелины между валунами, а сами, выпив залпом стакан, ныряли и плавали, затем снова повторяли тоже и вообще были совершенно пьяны. Когда мы с братом, одевшись, собрались идти домой, финны, приняв нас с пьяных глаз издали за девиц, стали нам кричать любезными пьяными голосами ломаным русским языком: «Барышни, не хотите ли распить с нами бутылку пива?», и налив его в стаканы и держа их в руках, помчались за нами по камням

к берегу, поминутно спотыкаясь и падая в воду. Мы ничего им не отвечали и ушли домой. У брата Измаила на даче, кроме его семьи, состоявшей из его жены Нади и сыновей Олега, Тавы (Святослава), Юрика и младшей дочери Оли, гостили родители Нади — московский врач Владимир Андреевич Орлов и его жена Анна Алексеевна, а также жила гувернантка, седая англичанка миссис Флоренс. В. А. любил поговорить со мною, и мы с ним иногда ловили рыбу на взморье; он находил, что у меня профессорский склад. Одним словом, в эти годы мне и на родине и за границей накликали будущего профессора, о котором я и не мечтал. Как-то раз близ моря в лесу подохла чья-то корова. Мы все гуляли, а впереди бежал ирландский рыжий охотничий сеттер брата Измаила. Услышав запах падали, он помчался к корове так быстро, что его нельзя было удержать, и, вывалявшись в падали, прибежал с веселым и торжествующим видом обратно. Брату пришлось заставить его долго купаться и плавать в море, а потом его еще отмывали дома. Для собак же запах падали, очевидно, все равно, что для нас запах отличных духов. Погода в это лето стояла большею частью хорошая. Близ Метцакюли, в Мариоках, на высоком песчаном обрыве у могилы писательницы Марии Крестовской (Картавцевой) строился, под общим руководством известного архитектора Фомина, его учеником, молодым архитектором Бибиковым, знакомым Ростовцовых, красивый храм в псковском стиле, и от него спускалась вниз красивая, большая каменная лестница, уже готовая. На этой лестнице как-то в воскресенье должна была разыгрываться, под руководством известного режиссера Мейерхольда, пьеса Кальдерона «Поклонение кресту», но спектакль не состоялся из-за болезни главной артистки. В то лето всюду, в Петербурге и его окрестностях, сильно надоедали экскурсии так называемых «потешных», т. е. патриотических юношеских полувоенных организаций, возникших бюрократическим порядком и являвшихся из провинции для высочайших смотров.

К сентябрю Вера с детьми вернулась в Петербург. Вернувшись из Либавы Ида Карловна объявила, что она стала невестой одного своего пожилого родственника Рутковского; значит надо было с ней расставаться, как потом оказалось, на время.

В 1912 году я напечатал в «Известиях» Географического общества три рецензии на различные труды, а именно: 1) на путеводитель по Каме Сюеза, 2) на карту Пермской губернии Кривошекова — отличную работу, подготовлявшуюся ее автором в течение 18 лет, на которую Географическое общество, по этому моему отзыву, присудило ему серебряную медаль имени моего отца, и он эту медаль за ним с удовольствием утвердил, и 3) второе издание Финляндским Географическим обществом «Atlas de Finlande» 1910 года с текстом в 2-х томах на французском языке. В этой рецензии я, отдав справедливость положительным сторонам этого обстоятельного и хорошего труда, отметил и его недостатки, заключающиеся в явных сепаратистских тенденциях, не только в политическом отношении, что было понятно, но и в научном отношении, что выразилось, между прочим, в искусственном умолчании об использованных составителями русских работах по Финляндии, даже таких классических, как работа Кропоткина, а также в упорном нежелании издать атлас и на русском языке. Это вызвало полемическое возражение мне на финском и на этот раз, очевидно, в качестве исключения, и на русском языке на страницах периодического органа Финляндского Географического общества, на которое я, в свою очередь, отвечал письменным контрвозражением в редакцию атласа, так и не напечатанным, тем более что в нем я заявил, что на этом ставлю точку. Слепой боязнью всего русского финляндские ученые невольно обнаружили свою принадлежность к малой нации, инстинктивно боящейся большой, подобно тому как маленькие животные боятся больших, так как им вечно чудится, будто крупные обязательно должны поглощать мелких. Невольно мне вспомнились указа-

ния на такое отношение финляндских ученых к русским, в свое время слышанные мною от моего покойного дяди Якова Карловича Грота, бывшего в середине XIX века профессором Гельсингфорского университета. Впрочем, после моего популярного очерка Финляндии в 1918 году (книгоиздательство «Огни») и объявления независимости Финляндии, Финляндское Географическое общество прислало мне следующее издание атласа Финляндии 1925 года на английском языке, значительно переработанное и приобретенное при этом некоторые преимущества, но в некоторых отношениях уступающее французскому изданию 1910 года. Я заметил, что рецензии мне вообще удаются и не выходят сухими, будь то карта или текст — безразлично, и поставил себе за правило не давать никогда и нигде устных отзывов о книгах, статьях и картах, а всегда письменные, для того, чтобы мой труд не ограничивался в данном случае одним лишь сотрясанием воздуха, как то, к сожалению, было широко распространено в те времена в русских ученых обществах, тем более что письменный отзыв требует к себе более строгого отношения, чем устный.

Международный географический конгресс в Риме был перенесен с сентября 1911 г. на март 1913 г., после того, как краткая итало-турецкая война окончилась в пользу Италии, приобретшей новую колонию Триполи на Средиземном море за счет Турции и загладившей таким образом свои военные неудачи по отношению к Абиссинии в 1890-х годах. Весной 1913 г. заканчивалась и балканская война против Турции. Я и брат Андрей были избраны организационным комитетом в число почетных иностранных вице-президентов конгресса¹⁰. Брат ехать в Рим не собрался, а я вместе с А. И. Воейковым и Ю. М. Шокальским составили официальную географическую делегацию России на конгрессе и поэтому получили бесплатные так называемые «дипломатические» паспорта, излагавшиеся в форме царского манифеста на нескольких языках и освобождавшие на всех границах от каких бы то ни было таможенных досмотров с обеих сторон. Старшим делегатом считался Шокальский, и ему надлежало произносить всякие приветственные официальные речи, от которых мы с Воейковым, к счастью, были освобождены и могли себя чувствовать свободно. Воейков в это время находился в Швейцарии, и паспорт был послан ему туда, а я поехал вдвоем с Шокальским, получив, не в пример скупому Тимашеву, оставившему меня в 1911 г. без гроша, на этот раз 800 рублей командировочных денег на 2 недели. Кроме моего доклада о труде «Торговля и промышленность Европейской России по районам», печатная французская брошюра которого, переведенная в 1911 г. В. В. Прилежаевым, была при мне в достаточном количестве экземпляров, я взялся сделать еще 2 доклада: один по просьбе не поехавшего брата Андрея, — о принятой Русским Географическим обществом передаче латинским шрифтом звуков русского языка без диакритических знаков, спутывающихся на картах и не имеющих в пишущих машинках и в типографиях обычно, тоже в виде переведенной на французский язык печатной листовки, и другой — мой личный доклад на французском языке «Index nominum geographicorum universalis», где я предлагал издать грандиозный международный труд, в котором все географические названия вообще, попавшие на самые подробные топографические карты всех стран, должны были быть пред-

¹⁰ А Ю. М. Шокальского итальянцы по какому-то недоразумению не догадались выбрать почетным вице-президентом, что было ему, при его честолюбии, очень неприятно. Но это было исправлено тем, что он был сделан старшим делегатом России, хотя Воейков был значительно старше и заслуженнее его. Меня же итальянцы выбрали почетным иностранным вице-президентом конгресса, очевидно, потому, что вышедший в свет в 1911 году и долженствовавший тогда же быть доложенным отложенному X географическому конгрессу экономогеографический труд «Торговля и промышленность Европейской России по волостным районам» со стеной картой был затем удостоен высшей награды (grand prix) и двух золотых медалей его редакторам (мне и Н. М. Штрушу) на международной выставке в Турине.

ставлены в алфавитном порядке, с точной ссылкой на соответствующий лист карты и в их наиболее правильной транскрипции латинским алфавитом, с указанием синонимии названий. Этот труд должен был бы быть едва ли не самым важным настольным справочником для картографов и для составителей географических словарей всех стран.

Выехали мы при снежном покрове около 10 марта старого стиля. В Берлине мы попали в самую немецкую Пасху, когда город был пуст, ибо немцы выехали ins Grüne, хотя никаких Grüne еще не было. В Восточной Пруссии лежали еще отдельные небольшие пятна снега, а в остальной Германии их не было, но трава еле начинала пробиваться кое-где, и листья на деревьях отсутствовали полностью. Лишь в долине Рейна была уже другая стадия весны — там было тепло, зелено, и цвели фруктовые деревья. Нас с Шокальским поразила одна неожиданная особенность. К западу от самого Берлина по направлению к Франции на великолепно возделанных немецких полях на всем протяжении пути до Рейна вырисовывались массами свеженабросанные полулунные полевые укрепления. Шокальский невольно воскликнул: «Что это — Вильгельм с ума сошел?», а я невольно вспомнил вещее предсказание старика профессора Ролинга в Бледе в 1911 г. и империалистические рассуждения немцев в санатории в Шлахтензее в 1908 г. Осенью того же 1913 г. я услышал от кого-то из знакомых русских, возвращавшихся через Германию, что в то время точно такие же полевые укрепления в массах были уже насыпаны от Берлина и по направлению к русской границе. И после этого Вильгельм имел наглость уверять, что он войны не желал и воевать не собирался, а массы, разиня рты, доверчиво выслушивали эту ложь. Все это напоминало сказку Андерсена «Платье короля» навыворот.

Мы следовали через Базель и всю Швейцарию проехали ночью. В Милане была пересадка в итальянские вагоны. Мы сели в вагон 1 класса, на котором было написано «прямое сообщение Милан–Рим». Итальянские вагоны вообще фантастичны, даже когда они строятся в Риге, как было в те времена. Итальянские строители, начиная какое-либо сооружение, никогда не знают заранее, чем они его кончат. То же и с вагонами, в конце которых имелась необычайно обширная, почти пустая, многоугольная уборная, с какой-то лежанкой, использованная лишь в одном углу и снабженная ни с того ни с сего какими-то чрезвычайно узенькими полочками неизвестного назначения по стенкам, о которые делаешь себе синяки на лбу, а также с многоречивой, весьма деликатной надписью: «Если вы находите, что в уборной недостаточно чисто — позовите проводника, он должен убрать», вместо общепотребительного краткого «Просят соблюдать чистоту». У вагонов, кроме продольных проходов, наружная боковая дверца в каждом купе, как в карете. Все это не производит леденящего сквозняка в ноги только в благодатном итальянском климате. Рано утром до Милана, около Лугано и Комо, был сплошной сырой, холодный туман, а в Ломбардии, так же как и в Германии, весна едва только начиналась, и было очень голо, при довольно прохладной погоде. Погода была серая. На пологих северо-восточных подъемах Аппенин в верхних частях кое-где даже были в западинках и канавках пятна снега. Но стоило только перевалить гребень хребта, как, точно по мановению волшебного жезла, на крутых спусках с хребта в районе Пистойи в Тоскане картина резко изменилась. Ярко голубое небо с отдельными легкими клочкообразными облачками и ласкающее тепло в воздухе при безветрии — все было нежно зелено и улыбалось невинной улыбкой наивных рафаэлевских пейзажей prima vera. Во Флоренции уже было жарко и очень солнечно. Там совершенно неожиданно, безо всякого предупреждения, наш вагон «прямого сообщения» потихоньку отцепили. К счастью, один из пассажиров это заметил и поднял тревогу. До отхода поезда оставались какие-нибудь минуты две, и вся публика нашего вагона опрометью бросилась уплотнять

соседний вагон, на ходу переругиваясь с кондуктором, который на бранчливые вопросы лаконично отвечал: «Так надобно» и больше никаких оправданий не давал. Целый день я любовался итальянскими весенними видами. Сначала, еще до Флоренции, промелькнула где-то вдали Пизанская кривая башня, затем, после Флоренции — знаменитое по битве римлян с Ганнибалом Тразименское озеро, далее Орвието со старинным собором, реставрированным в середине прошлого XIX века тремя нашими архитекторами — друзьями Н. Л. Бенуа, А. И. Резановым и А. И. Кракау, за ним — длинная, длившаяся несколько часов подряд долина Тибра. В темноту мы приехали в Рим и были встречены на вокзале членом русского посольства и нашего Географического общества, высоким блондином с баками, альпинистом Николаем Васильевичем Поггенполем. Он присмотрел нам помещение в одной новой немецкой гостинице около древних терм Диоклетиана, в соседстве с огромными эвкалиптами. Там было очень чисто, но администрация жаловалась, что больше трех лет подряд удержать чистоту невозможно — настолько быстро грязнит всякий новый отель неряшливая итальянская публика, а затем приходится продавать отель итальянцам. В Риме не было ни одного ресторана, а все или кабачки, или трактиры; когда желали угостить кого-нибудь хорошим обедом приглашали его в первоклассный отель. В 1913 г. автомобилей в Риме было еще не так много, а поэтому сохранялись извозчики. Лошади у них были слабосильные, длинноногие, тощие донкихотовские Росинанты. При подъеме на римские холмы извозчик требовал, чтобы пассажиры вылезали из экипажа и шли по асфальтовой мостовой пешком, ибо лошадь не брала вверх. Полицейские обязательно стояли на углах парами, в своих треуголках «поперек улицы» и вицмундирах, причем больше болтали между собою, чем смотрели за порядком. Но самое поразительное, что было, это уличные уборные. Они были устроены во множестве на улицах, в особенности на Корсо, и притом у самого тротуара. Крыш у них не было и их стенки достигали в высоту только половины человеческого роста, и зашедшие туда кавалеры как ни в чем не бывало любезно раскланивались с идущими по тротуару дамами, снимая шляпы. Даже Воейков, со своими патриархальными наклонностями, находил, что это уже слишком, и в такие уборные никогда не заходил. Далеко за флагом остался и патриархальный деревенский обычай моего покойного дяди Н. П. Семенова в Урусове — спускаться с террасы под густую сень высокого куста и продолжать оттуда разговор с сидящими на террасе дамами. На следующий день по нашем приезде приехал из Швейцарии А. И. Воейков. Правая половина его лица и правая рука были черны, как у трубочиста, но он ничего этого не замечал. Он ехал через Геную и Чивитта Веккио, где масса туннелей, и, любуясь видами, правым боком всю дорогу высовывался из окна, а потому и закоптел ровно на 50%. Узнав, что мы собираемся с Шокальским и Поггенполем, немедленно прокатиться по Аппиевой дороге на автомобиле, он с радостью к нам присоединился и покатил в виде полутрубочиста. Мы долго ехали по Аппиевой дороге по зеленой в это время, покрытой весенними цветами равнине Кампаны, при 20° Реомюра в тени, среди масс древних, безмолвных римских надмогильных памятников, с памятником Цецилии Метеллы во главе, в виду рисовавшихся на горизонте Сабинских гор и еще более дальней гористой линии Аппенин. Затем мы проследовали к катакомбам св. Калликста. При спуске в них стоял толстый католический монах в своем коричневом халате с капюшоном, подпоясанный вервием, с намотанной на левой руке спиралью длиннейшей восковой свечой. Он нам дал каждому по восковой свечке, зажегши ее об свою спиральную свечу, мы спустились по крутой лестнице в подземелье. Монах шел впереди, постепенно разматывая свою свечу, и давал объяснения по-итальянски. Мы прошли много подземных коридоров с расположенными по бокам ярусами древними христианскими погребениями и

надписями на них; в одной открытой каменной гробнице видели лежавший боком древний скелет, затем вошли в подземную первохристианскую церковь, где перекрестились по православному перед изображениями на стенах Доброго Пастыря с овцой и надписями, снова прошли ряд подземных коридоров и поднялись наружу, дав монаху несколько мелких монет. Чем-то необычайно трогательным, мирным, кротким и тихим веяло от этих подземных сооружений, не было в них ничего мрачного, несмотря на царивший в них вечный мрак, нарушавшийся лишь слабым мерцанием копеечных восковых свечек, да бесконечной светил монаха. «Земля есмы и в землю отыдем» вспоминалось мне из нашего панихидного пения; двое из нас — Воейков и Поггенполь — вскоре и отошли в землю.

Затем последовало открытие конгресса в Капитолии. Я прошел по лестнице, сплошь уставленной очень тесно, на каждой ступеньке, какой-то одетой чуть ли не по средневековому, закованной в латы, почетной дворцовой стражей, ввиду ожидавшегося прибытия итальянского короля. В парадном зале, как один из иностранных почетных вице-президентов, я занял, рядом с другими моими коллегами, место на эстраде, предварительно поздоровавшись с президентом Итальянского Географического общества и конгресса, старым седым маркизом Каппелли и секретарем общества и конгресса полковником Ронкальи (женатым на русской), приятелем Шокальского, к которому мы предварительно ездили в Географическое общество. Так как я, из скромности, сел в задний ряд эстрадных малиновых кресел, то невольно мог наблюдать обратную сторону торжества, столь типичную для беспечных итальянцев: а именно, обивка кресельных спинок с задней стороны была всюду ободрана и висела клочьями и лохмотьями, а деревянные их золоченые части были облуплены сзади. Вошел король Виктор Эммануил III под звуки итальянского гимна, и все встали. Король, не садясь, сказал краткую, простую, любезную приветственную речь по-итальянски, на которую отвечал маркиз, а затем сел в первом ряду перед эстрадой, сели и все присутствовавшие. Я в третий раз в жизни видел его с его коротконогой плечистой фигурой и рыжеватыми волосами. Он держался очень просто и скромно. Заседание длилось недолго, а затем пошли заседания секций и общих собраний в старинных, достаточно бедно обставленных университетских аудиториях, где я с успехом сделал свои сообщения. На одном из заседаний президиума конгресса, куда приглашены были Шокальский, Воейков и я, поднят был испанцами вопрос о присоединении к 4 уже установленным международным языкам для географических конгрессов (французскому, английскому, немецкому и итальянскому) еще испанского ввиду той великой роли, которую испанцы играли в области географических открытий. На это Шокальский заметил, что географические заслуги русских не меньше, чем испанцев, а потому с таким же правом надо признать и русский язык. Возражений не последовало, но осуществление было отложено до того времени, когда европейские ученые больше подучатся обоим этим языкам, причем был сделан намек, что относительно русского языка, может быть, даже удастся это постановление провести в жизнь на следующем конгрессе, который было единогласно решено созвать в 1916 году в Петербурге. Да, наверное, так и было бы, судя по тому впечатлению, которое произвел на иностранцев первый в России международный геологический конгресс, созванный в Петербурге в 1897 году. К сожалению, европейская война воспрепятствовала этому созыву и полноте следующих конгрессов. На Римском конгрессе один русский подданный, Езерский, умудрился, в противовес оглашенному мною проекту передачи русских названий латинскими буквами, все-таки попытаться какую-то кабинетную стряпню вроде алфавита, так сказать, «эсперанто» из смеси латинских и русских букв, но успеха не имел. Гораздо остроумнее была бы попытка в «вечном городе» воскресить классическую латынь в качестве международного

научного языка, но ее никто не догадался сделать. Еще практичнее, может быть, было бы предложить основать грандиозное международное издательство, которое, тотчас за появлением всякой сколько-нибудь стоящей того работы, выпускало бы ее переводы на всех важнейших языках одновременно, но об этом тоже никто не подумал.

Среди конгрессистов из русских я помню Ф. Н. Чернышева, И. П. Толмачева, барона Н. Н. Торнау, Евг. Александровну Толмачеву (рожд. Карпинскую), Михаила Александровича Рыкачева, которого мы с Воейковым встретили, спускаясь с лестницы Капитолия, из иностранных, кроме моего знакомого профессора Пьера Камена д'Альмейда, с которым я встречался в Петербурге у Воейкова и в нашем Географическом обществе, Поля Видаль де Лаблаша, Пири, Пекка, почтенного старца Германа Вагнера, Чисхольма, швейцарца Шэ, женатого на русской и отлично говорившего по-русски, венецианца Ланцони и миланца Луиджи — моего почитателя и мн. др. Мы все снялись большой группой в огромном Колизее, и Воейков, в качестве одной из центральных фигур, в своей знаменитой крылатке вышел даже очень выразительно. Мы посетили развалины древнеримского Форума, поразившего меня своей теснотой и массой колонок, вероятно, не менее чем поразило в 1912 г. участвовавших на столетнем юбилее отечественной войны своей теснотой Бородинское поле. Затем мы были в Ватикане, где осмотрели весь музей, Сикстинскую капеллу, ложи Рафаэля и пр. Античные статуи оставляют незабываемый след в памяти. Знаменитое «Преображение» Рафаэля, столь восхищавшее мою мать, на меня произвело меньше впечатления, чем когда-то Сикстинская мадонна в Дрездене, да и размеры этой картины меньше, чем я ожидал по фотографиям. В ложах Рафаэля берет жалость от плохой сохранности стенной живописи клеевыми красками, да и сами картины очень невелики по размерам, а в небольших комнатах полная пустота, точно кто-то надолго уехал со всей своей домашней обстановкой и возвращаться не собирается. Сикстинская капелла тоже очень невелика и знаменитое произведение Микель Анджело в ней все как-то покрывает своей мрачностью, а кругом такая ультра-простая монашеская обстановка. Все это — порождение католического коричневого халата с капюшоном и вервием. Зато собор св. Петра прямо противоположен своей театральной напыщенностью и колоссальными размерами. Но в нем при массе света слишком много нагромождено массивных предметов — огромных статуй и пр. Латинские надписи с изображением черепа и костей Адама отдают каким-то средневековым страшилом. В этой обстановке было бы интересно посмотреть архитеатральную папскую церемонию, но ее при нашем посещении не было, а слышалось унисонное пение какой-то небольшой коленопреклоненной людской группы, как всегда бывает в католических соборах, с полной неразберихой латинских слов, звуки которых сливаются. Я не преминул обратить внимание на статую апостола Петра с отцелованными в течение веков миллионами пилигримов пальцами ног, про которую слышал от моего отца в свое время, что это, по-видимому, римская статуя кого-то из императоров или великих мужей, канонизированная в свое время папами во святого Петра. Как все это противоположно катакомбам! Собор св. Петра воздвигнут не памяти скромного, чистосердечного рыбака, а величию безграничной папской власти, и правильнее было бы назвать его храмом святого папы, хотя святость здесь подменена театральностью. Вот уж где полное забвение первохристианского духа. Замок св. Ангела близ Ватикана, происшедший из какой-то древнеримской тюрьмы, живо напоминает мемуары Бенвенуто Челлини и роман «Асканио» Александра Дюма старшего. Вообще же Рим необычайно живо и верно изображен Эмилем Золя в его известном романе. Мы посетили одну загородную виллу (кажется, д'Эсте), откуда любовались на общий вид Рима с собором св. Петра издали и ездили с экскурсиями конгрессистов по железной дороге на

развалины древней римской виллы Адриана, где слушали объяснения археолога и в Тиволи мимо серных источников, страшно вонявших сероводородом. В Тиволи водопады с остатком римского водопровода оставляют яркое и своеобразное впечатление, так же как маленький храм Весты и другие римские памятники, а равно и развалины виллы Адриана, о которой я только что упомянул. Затем мы посетили термы Каракаллы, ежедневно проходили пешком мимо Пантеона с его крупной надписью “Marcus Agrippa fecit” и пр. Вообще же впечатление от Италии, при ее улыбочатой, когда-то роскошной, но потом опустошенной и теперь очень небрежно содержимой и давно утратившей свою первобытную дикую чистоту природе, у меня неизменно бывает грустное: всюду развалины, развалины и развалины, через которые там и сям шагает аркой какое-нибудь новое строение, создатель которого, начав его, не знал, чем он кончит (так же, как создавались старые итальянские оперы за кулисами во время их репетиций).

Вот высокие древнеримские колонны. Свод между ними был обрушен в варварские времена раннего средневековья. Но свалилась вниз монолитом одна огромная сплошная глыба крупных плоских римских кирпичей, крепко спаянных великолепным цементом, и не обратилась в порошок подобно новейшим сооружениям. Сам Колизей в течение многих варварских средних веков служил каменоломней для смешавшегося с потомками германских золотоискателей-нибелунгов римского плебса, но его так и не удалось доконать до конца. А рядом здания эпохи Возрождения, почти сплошь построенные из легко ломаемой вулканической дешевки-травертино, не исключая и самого собора св. Петра, выносящей благополучно только благодатный итальянский климат и разрушившийся бы во всяком другом, более суровом, и это вместо великолепных римских кирпичей, спаянных вечным по прочности цементом и облицованных лучшим мрамором! Притом в эти здания без церемонии внесены внутрь и замазаны целые куски древних мозаик, выломанных варварски из дворцов римских цезарей и аристократов. Вот уж поистине хищническая цивилизация на кладбище древних костей! Итальянцы детски-легкомысленно скользят по всему этому, так же как они скользят своими певучими мелодиями, а им вторит весь мир своим шаблонным восхищением, величие же древнего Рима ушло куда-то в подземный Стикс к теням.

Однажды в свободный от заседания конгресса вечер мы попали в итальянский театр «Варьете», где давалась частью комическая, частью мелодраматическая феерия-балет с каким-то ярко-красным, чрезвычайно добродушным и красивым чертом, непрерывно гонявшимся и танцовавшим с красной, добродушной, красивой и массивной чертовкой. Под конец конгресса был дан банкет конгрессистам в самом шикарном отеле, с многократно протянутыми наискось через скатерти на столах гирляндами вешних цветов. Все это было очень красиво. Мой сосед по столу, какой-то красивый, высокий, худощавый брюнет, настолько хорошо говоривший по-французски, что я его принял за француза, спросил меня негромко, как мне понравилась организация конгресса? Я ему чистосердечно ответил, что чистое, детское радушие и гостеприимство итальянцев трогательно, но что в организационной части конгресса масса весьма существенных прорех и очень мало порядка и продуманности. Он, видимо, был опечален и грустно замолчал. Я сообразил, что сделал невольно какую-то бестактность: оказалось в действительности, что это итальянец — один из главных членов организационного комитета. Впрочем, впоследствии в иностранных географических журналах, главным образом немецких, появились статьи, нападавшие на организационную сторону Римского конгресса гораздо резче, чем выражался я. В них мы должны были разбираться, когда в нашем Географическом обществе образовали организационный комитет по подготовке конгресса 1916 года в Петербурге. Незадолго до отъезда из Рима Шокальский,

Воейков и я были приглашены в русское посольство на обед, который давал в нашу честь посол Крупенский. Присутствовали его родные и знакомые и члены посольства. Все были во фраках и дам вели к обеду под руку. За обедом я сидел как на иголках, чтобы нечаянно не закапать каким-либо утонченным соусом или вином белоснежной скатерти, немилосердно путался в многочисленных вилочках и рюмках, употребляя их как раз невпопад и не замечая, что мой белый галстук отстал и скривился на бок от засунутой салфетки. У посла в гостях был 95-летний, весьма бодрый итальянский граф в своей молодости бывший посланником какого-то из итальянских герцогств в России в конце 1840-х годов и говоривший мне, что я тогда, вероятно, был совсем маленьким, на что мне пришлось объяснить ему, что я, к сожалению, родился почти на целую четверть века позднее.

Воейков из Рима снова поехал в Швейцарию, а я с Шокальским, распростившись с любезным Поггенполем, направились в Петербург через Верону–Мюнхен–Берлин. На вокзале в Риме не оказалось назначенного по расписанию прямого вагона Рим–Берлин, и нам сказали, что он будет прицеплен в Вероне. Вечером, по прибытии поезда в Верону, его действительно вцепили в самую середину поезда, как раз рядом с тем вагоном, в котором мы приехали из Рима, но почему-то его не открыли и никого туда не впустили до самой Ала на австрийской границе. Когда пассажиры спрашивали итальянского кондуктора о причине столь странных порядков, он неизменно упрямо отвечал: «так надо» и ничего больше объяснять не желал. Только австрийцы любезно открыли вагон прямого сообщения и впустили туда всю публику. Очевидно, знаменитый «тройственный союз» уже тогда фактически был двойственным. В Мюнхене утром, пока довольно долго стоял поезд, на вокзал явился профессор Мерцбахер, приятель Шокальского, и чрезвычайно мило провел с нами все время остановки. По прибытии в Берлин обнаружилось, что наш багаж, по ошибке, завезен в какой-то другой город. Пришлось ночевать. На следующий день багаж наш явился, и мы отправились в Петербург, куда приехали при снежной погоде, хотя был конец марта по старому стилю.

Приехав, я узнал, что во время моего отсутствия у моей матери был легкий ударчик, кончившийся благополучно быстрой поправкой. В октябре того же года у нее было слабое воспаление легких, но мне об этом тогда ничего не сказали, и я узнал о нем лишь через много лет после ее смерти.

В апреле мы с Верой и детьми и присоединившейся к нам Еленой Петровной Кузнецовой с ее двумя сыновьями поехали на Пасху в Метцакюлю к Сермягиным, где я рисовал пастелью. Ландшафт был еще зимний со снегом. Е. П. взяла с нас обещание, что мы в июле приедем к ним на Урал, где Василий Юльевич управлял платиновым прииском, а на май и часть июня Вера с детьми отправилась в последний раз в Аббацию, где они и жили в польском пансионе. По их возвращении мы все навестили В. И. Ламанского, жившего с О. В. Покровской на даче в Юкках, где с ними жил также племянник А. И. Воейкова Павел Дмитриевич. В. И. был очень добродушен, но уже мало что соображал вследствие склероза мозга (ему минуло 80 лет). Затем около 1 июля мы поехали вчетвером с Верой, Володей и Романом по Северной железной дороге на Урал к Кузнецовым. Выехали мы с вечерним поездом. На следующее утро, приближаясь к Череповцу, я заметил характерный для северо-востока Европейской России чистенький пейзаж на красноцветных пермских породах, с группами стройных, высоких пихт. Этот пейзаж сопровождал нас до самого Урала. Очень живописны гористые окрестности Галицкого озера и высокий, гористый водораздел и Камы, вдоль по которому извивается железный путь. В Перми мы пересели на Тагильскую железнодорожную линию с ее старенькими деревянными станциями и по ней

доехали до станции Теплая Гора. Сюда выслал за нами тарантас В. Ю. Кузнецов по моей телеграмме. В нем мы и поехали по 37-верстному шоссе на Косьинский платиновый прииск графов Шуваловых, в то время самый крупный не только на Урале, но и во всем свете, которым управлял В. Ю. Дорога пролегла большею частью по безлюдным местам — лесам и лесным гарям. Только близ самой станции Теплая Гора есть группа небольших горок под названием Колпаки, а дальше — преимущественно увалы. На одном из них, водораздельном между Камским и Обским бассейнами, стоял у шоссе невысокий деревянный пограничный столб с несколько наивной старинной надписью «Европа-Азия», каких немало на Урале. Дальше шли увалистые лесные гряды с кедрами и массой дикой малины, куда охотно ходят лакомиться ею медведи. С одной из них, именно с Пономаревой гривы, открылся вид на шатрообразную гору Качканар с его спиленной временем вершиной, расположенную за долиной р. Выи, притока Туры. У подножия горы на р. Косье, притоке сибирской Туры, и расположен Косьинский прииск. Это очень разбросанное отдельными домиками и их маленькими группами село с деревянной церковью, складами, кооперативом, конторами и электрическим освещением. Дом заведующего, в котором жил В. Ю. Кузнецов с семьей — кедровый, бревенчатый, довольно обширный на высоком фундаменте, стоит отдельно на открытом месте, расчищенном из-под леса. Поэтому в комнатах нет ни одного комара, ни одного овода или слепня, тогда как в окружающей тайге их тучи, и они немилосердно кусают в кровь. Семья Кузнецовых нас радушно встретила, и мы весело и уютно проводили там время. Я рисовал пастелью, благо кругом было немало типичных для Урала живописных видов. Погода была хорошая. Временами делалось душно, находили тучи, и происходили грозы. Мы всей компанией с Кузнецовыми совершили несколько экскурсий в окрестностях прииска. На р. Ису было расположено несколько драг, добывавших платиновую гальку, затем так называемая «фабрика», т. е. деревянные сооружения для промывания гальки сильной струей воды и отмыва самородков и мелкой платины. Дымки работавших драг то и дело виднелись то там, то сям по долине Иса. Работали и экскаваторы, взрезавшие так называемые «торфы», т. е. наносы с платиновой галькой в долине реки. Основная платиновая порода — серый дунит, выходы которого встречаются выше долины, по склонам горы Качканара. На быстром, мутном от действия драг р. Ису я ловил на удочку рыбу, главным образом чебаков, т. е. плотву. Однажды я поймал налима, с которым долго возился из-за его скользкости. В Ису водятся также таймени. Их при мне не попадалось, но утром, как раз после нашего отъезда, на том самом месте, где я имел обыкновение чаще всего удить, попался крупный таймень на насадку из мышонка. Его многие не хотели есть, считая «опоганенным» мышонком. Однажды я с Вас. Юл. вдвоем отправился пешком на верхушку Качканара. Я шел бодро, но В. Ю., несмотря на свой огромный рост, сильно отставал, и у него была отдышка из-за начавшейся Базедовой болезни, которую он потом должен был лечить посредством операции у знаменитого швейцарского хирурга профессора Кохера. Наиболее трудное при восхождении на Качканар — это самая его вершина, сплошь заваленная хаосом из огромных камней, карабкаться на которые весьма утомительно. Вид с вершины очень хорош. Кажущаяся снизу почти равнинной местность сверху ясно видна в форме параллельных друг другу невысоких горных гряд, тянущихся с севера на юг. Вот на горизонте на западе выступает гряда Басегов, на севере — гора Саранная, на востоке в долине р. Туры виден Туринский завод, а за ним — равнина Западной Сибири. Дали все сплошь лесные. В. Ю. Кузнецов снял несколько фотографий. Спуск не трудный, за исключением хаотического начала. Отправившись с прииска утром, мы к наступлению темноты были дома. В середине августа, распрощавшись с гостеприимными Кузнецовыми,

мы в тарантасе, еще порядочно задолго до рассвета, при свете месяца на ущербе, отправились на станцию Теплая гора. Приехав туда на рассвете, мы после восхода солнца сели в поезд и поехали в Екатеринбург. Ехали туда целый день до вечера через ряд заводов — Кушву, Нижний Тагил, Невьянск и др. Всюду те же вытянутые с севера на юг невысокие шатрообразные горы со срезанными временем вершинами, которые под конец даже несколько надоедают, близ самого Екатеринбурга — почти равнина. Город довольно благоустроенный. Его красит обширная заводская запруда, имеющая вид полноводного озера. Мы осмотрели Екатеринбург, были в музее Уральского общества естествоиспытателей и в магазинах, где накупили уральских произведений из камней и чугуна. В день отъезда в Петербург мы забрались с раннего утра на вокзал, и я первым стал в очередь у кассы, чтобы взять нам четырехместное купе 2-го класса. Объявление гласило, что сибирский поезд с вагонами прямого сообщения до Петербурга опаздывает на 2 с чем-то часа. Когда касса открылась, кассирша сказала мне, что согласно телеграфному сообщению из Челябинска, одно такое свободное купе в поезде имеется, и продала мне билеты на него. Когда пришел поезд, и мы, сдав багаж, вошли в наше купе, там оказалась уже какая-то немолодая француженка, севшая в него перед нашим носом в Екатеринбурге. Я поднял историю, и был составлен протокол. Начальник станции объяснил мне, что, очевидно, кассирша дважды продала билет на одно и то же место, причем сначала, вероятно, еще накануне своей знакомой француженке, а потом мне, и что ей за это влетит после протокола. Но ехать все-таки как-то надо было, и начальник станции посадил меня одного, без приплаты, в соседний 1-й класс. К счастью, в вагоне 2-го класса в соседнем купе оказался студент, ехавший только до вечера этого дня в Пермь, а потому француженку в Перми удалось пересадить на его место, а мне водвориться наконец в купе с моей семьей. Дорога из Екатеринбурга в Пермь через Кунгур местами живописна. От Перми мы вернулись в Петербург уже знакомым путем¹¹.

В 1913 году вышел обширный XIX том девриеновской «России», заключающий описание Туркестана и составленный сплошь одним лицом — кн. Владиславом Ивановичем Масальским. Труд потребовал от него массы времени и хлопот, сильно его переутомил, он побледнел и похудел. Но то, что книга была написана вся одним лицом, имело большие преимущества в смысле ее цельности, что и было оценено критикой. В соредакторы себе по этому тому я пригласил Л. С. Берга, ставшего в то время профессором географии в университете вместо П. И. Броунова, тем более что я лично одновременно был занят редакторской подготовкой V тома, заключающего описание Урала и вышедшего в следующем году. Одновременно я передал Л. С. Бергу заботы о томе «России», заключающем описание Кавказа, для которого у меня уже имелись кое-какие рукописи, как напр., Н. Я. Динника, известного исследователя ледников. Л. С. пригласил к участию в этом томе, между прочим, академика Николая Яковлевича Марра. В то же время у меня стал налаживаться и дальневосточный том, ибо ко мне приехали вместе три лица: Эдуард Эдуардович Акерт, Николай Иванович Прохоров и Сергей Порфирьевич Швецов, добровольно предложившие

¹¹ Лето 1913 г. мои родители и брат Андрей, по обыкновению, проводили в Гремячке, и я им писал письма туда с Урала. Во второй половине лета моя мать ездила, кажется, в Дрезден со своей сестрой Ольгой Андр. На время ее отсутствия в Гремячке оставалась с Петром Петровичем присматривать за ним и за домашним хозяйством приглашенная туда со своей семьей моя двоюродная сестра (а его племянница) Елиз. Як. Кулакова. Все было тихо и мирно кругом, и ничего не предвещало никаких катастроф. Тем не менее она, под влиянием какого-то неодолимого предчувствия, ни с того, ни сего перед отъездом из Гремячки в Петербург в конце лета или в начале осени, просталась в Гремячинской усадьбе, как говорится, с каждым кустиком, говоря, что она всего этого больше никогда не увидит в своей жизни. Так и случилось — Гремячинская усадьба через 3 с половиной года погибла, отойдя навсегда в область исторических преданий.

свои услуги по составлению этого тома и представившие интересный план его. Оставалось докончить начатые томы Литвы, Юго-Западного края и наладить писание томов Польши, Финляндии, Севера Европейской России и Средней Сибири с Прибайкальем. Таким образом «брег» был уже виден.

В 1913 г. праздновался 50-летний юбилей Московского общества любителей естествознания, антропологии и этнографии. По случаю этого юбилея я и мой брат Андрей были избраны непременными членами общества, и я получил соответствующий диплом за подписью президента общества проф. Д. Н. Анучина. Но, по московской безалаберности, через десяток лет с чем-то, при президенте А. П. Павлове меня снова выбрали непременным членом этого общества, так что я должен был письменно благодарить за двойное избрание. В 1913 г. был поднят разговор о новой всеобщей переписи населения России. Ввиду этого я подал в Академию Наук записку о необходимости составить и издать на ее основании полные списки населенных мест, встретившую там величайшее сочувствие, в особенности со стороны академика Алексея Александровича Шахматова. Центральный статистический комитет ввиду предстоящей переписи, представил в статистический совет проект своей реформы. Однако П. И. Георгиевский допустил ряд никуда не годных положений, против которых я принужден был подать особое мнение. В статистическом отделении министерства торговли и промышленности все материалы для осуществления нового издания труда «Торговля и промышленность России по районам» были давно получены, и разработка 1 миллиона статистических карточек шла полным ходом. В том же 1913 г. официально праздновалось 300-летие дома Романовых — этой незадачливой, неоднократно подштопывавшейся в свое время династии.

В общем, период 1908-13 годов можно охарактеризовать как завершение мною больших географо-статистических трудов, в которых я перерастал прежние формы и достижения девриеновской «России». Эти труды вытекли из ее практики. Он начался с моего заболевания Базедовой болезнью, когда темп моей личной работы повысился до рекорда, которого я ни до ни после не достигал. Но работы, вытекшие из того же источника, перекрыли и самое начало следующего периода. В описанный мною период я близко сошелся с незабвенным А. И. Воейковым и чаще всего ездил за границу. Но самое замечательное — это был конец этого периода, когда мне суждено было сделать открытие, легшее краеугольным камнем во всю остальную мою научную географическую деятельность и доставившее мне незабываемые минуты какого-то особенного внутреннего удовлетворения, подъема и научного восторга, какого не было у меня с 1900 года, когда я составлял схему торгово-промышленной карты. Этот подъем был еще глубже. Вот как он возник. Осенью 1913 года я был как-то на квартире у родителей днем и разговаривал с братом Андреем в предпоследней комнате, рядом с родительской спальней, там, где мой отец Петр Петрович любил на ломберном столе заниматься своей коллекцией фотографий старинных картин, и где впоследствии скончалась моя мать. Брат сообщил мне, что в биогеографической комиссии Географического общества, в которой он был председателем, вскоре будет заседание, где Л. С. Берг сделает сообщение о предмете и задачах географической науки вообще. Вдруг ни с того ни с сего точно молния пронзила мое сознание, и я ясно увидел перед собой географический шестиугольник, вписанный в круг, и все его внутренние связи, проистекающие из его шести основных элементов. Брату я ничего об этом не сказал, только слушал его несколько рассеянно. Вернувшись домой, я тотчас же начертил шестиугольник и круг, перенумеровал его внутренние связи, стал над ним раздумывать и убедился, что поймал в них всю географию, и из моего заколдованного круга никуда не выйдешь, как ни старайся, а это значит,

что с расплывчатостью географии, возбуждавшей сомнения в ее научной самостоятельности, покончено навеки. Единственное, что не поместилось в круге — это экономическая и политическая география. Да зачем же им в нем помещаться? Ведь это география не основная, цепляющаяся наполовину за науки общественные. Так пусть же она и будет синтезом, вытекающим из круга в другие сферы. Я тогда даже вовсе не знал термина «Диалектика» и поступил интуитивно вполне диалектично. На другой день я по телефону сообщил брату Андрею о моей схеме, и он предложил мне сообщить ее в биогеографической комиссии вслед за докладом Берга в том же заседании 11 октября 1913 года, на что я согласился. Я тотчас же написал письмо в Бордо профессору Пьеру Камена д'Альмейда, в котором изобразил мою схему. Тем временем в малом верхнем зале Географического общества состоялось заседание биогеографической комиссии, где доклад Берга был встречен очень сочувственно всеми. Во время прений, я подошел к доске, начертил круг со вписанным в него шестиугольником и объяснил мою схему, не вызвавшую ни одного возражения. Доклад Берга и ее было постановлено напечатать в «Известиях», но вышли они в свет только в 1915 году. Вскоре после заседания я получил от Камена д'Альмейда ответ, в котором он благодарил меня за сообщение, перевел мою схему на французский язык, приложив перевод к письму, и поздравлял с открытием, прибавляя, что «честь его опубликования должна принадлежать Русскому Географическому обществу». Тут же он заметил, что по такому плану, как мой, никто никогда географии еще не писал, и что я должен сделать в этом отношении первую попытку. С тех пор я в течение 17 лет тщетно ждал возражений против моей схемы с чьей-либо стороны и ниоткуда их не получил. Напротив, один очень близкий мне географ даже нашел мою схему, по ее простоте, «гениальной», а другой экономогеограф Кондаков, впоследствии на краеведческом съезде в Екатеринбурге, как мне сообщил покойный археолог профессор Александр Андреевич Спицын, присутствовавший при этом, дал ей точно такую же квалификацию. Если первый мог это сделать из личной ко мне симпатии, то второй меня лично в то время вовсе не знал и, следовательно, был свободен от этой слабости. В 1928 году математик Александр Александрович Бобрик в изданиях нашего Географического общества приветствовал мою схему с математической точки зрения, и лишь в 1931 году я впервые услышал устный упрек в «механистичности» моей схемы. Не входя в оценку малограмотности самого словообразования «механистический», могу сказать, что ответ на этот упрек самый простой: все без исключения научные схемы геометрического порядка изображения по самой своей природе «механистичны». «Механистична» и периодическая система Менделеева, «механистичны» и цепные формулы органической химии. Однако без той и других химия была бы обречена на вечное пребывание в пеленках. Наконец, «механистична» и сама основная триада диалектики, состоящая из тезы, антитезы и синтеза, ибо ее можно изобразить геометрически в виде треугольника. Моя схема диалектична — это не пришло в голову оппоненту, он это проглядел.¹²

¹²Отец мой говаривал, что у всякого человека есть, в сущности, два возраста: первый, когда он больше вбирает в себя, чем выпускает, и второй — когда он больше выпускает, чем вбирает. Очевидно, к 43 годам для меня окончательно наступил второй возраст. В 1932 г. в сборнике «На географическом фронте» появилась статья Вольпе с «шипением» против моей схемы, совершенно бездоказательным. К ней я отнесся так, как это указано Пушкиным:

Веленью Божию, о муза, будь послушна,
Обиды не страшась, не требуя венца,
Хвалу и клевету приемли равнодушно
И не оспаривай глупца.

Круг географии со вписанным в него шестиугольником есть мое высшее достижение — конечное произведение моего 20-летнего непрерывного, напряженного творческого научного труда с юных лет. Полагаю, что он вполне мог бы быть вырезан, вместо эпитафии, на моей гробнице — гробнице, которую я мыслю неотделимой от гробницы Веры — если таковой суждено когда-либо существовать. На основании этого круга географии я впоследствии написал (в рукописи) книгу «Географические законы», или «Опыт высшей географии», которую я считаю своим высшим географическим литературным достижением. Подобно шару, вписанному в цилиндр, поставленному на могиле Архимеда, согласно его воле, ибо определение объема и поверхности шара Архимед ценил выше всех своих открытий. Проект моего чертежа прилагается в конце этой рукописи.

Итак, к 43 годам жизни я дозрел до вполне самостоятельного и оригинального работника и в науке, и в живописном искусстве. Окончательному созреванию способствовала Базедова болезнь, обострившая мои способности. Моя покойная сестра, умершая на 44-м году жизни, тоже дозрела к этому возрасту, что видно из ее последней неоконченной работы «Жизнь Ивана» и из ее признания в какой-то предсмертной записи, что ей невыразимо жаль, что так много новых идей, родившихся в ее голове, погибнет задаром. Я пытался показывать и объяснять свои новые работы моему отцу и тестю Владимиру Ивановичу. Они оба проявили к ним живой интерес, но физическое угасание обоих не позволяло уже им рассмотреть и охватить их как следует, в чем они добродушно сами же и признавались. Усвоил вполне и рассмотрел их лишь мой третий учитель А. И. Воейков, но и ему не было суждено долго жить после этого.

Есть три способа научной работы. Первый, наиболее распространенный, заключается в том, что работник, задумав какой-либо труд, а в сущности, только один его заголовок, затем без устали долго-долго корпит надо всем тем, что до него было сказано на эту тему другими научными работниками, читает от доски до доски бесконечное количество книг и статей и делает из них бесконечные выписки. Далее из этой амальгамы выписок, путем критического сопоставления, извлекается так называемое «зерно истины», которое с известными комментариями автора труда и преподносится читателю. Такие труды, весьма почтенные и полезные в справочном отношении, снабженные бесчисленными цитатами, списками источников и пр., обычно бывают тяжелы, скучны, сухи и недостаточно оригинальны и свежи. Кроме того, хлопотливое, доскональное изучение всех источников, когда из тщательно прочтенной книги в тысячу страниц удастся извлечь с непосредственной пользой всего какую-нибудь одну строчку, зачастую не оценивается критикой в должной мере, а то и вовсе не замечается, в чем я имел случай убедиться лично еще в самом начале, при работе над фауной юрских отложений Мангышлака, когда я сгоряча буквально сидел в шкафах палеонтологической литературы, тщетно стараясь не пропустить ничего. Другой способ заключается в постоянном, непрерывном, случайном, беспорядочном чтении всю жизнь разнообразнейших книг чуть не по всем отраслям знания, без каких бы то ни было выписок их них, т. е. в вечном вбирании в себя чужих мыслей и в последующей свободной переработке их в своей голове, после чего от времени до времени получают собственные труды, гораздо более свежие, оригинальные и не такие тяжелые и сухие, как в первом случае. Но труд жизни в таком случае обычно не достаточно производителен в массе, так как уходит слишком много времени и энергии на усвоение из чужих трудов того, что потом заведомо совершенно не пригодится. Кроме того, при занятиях одновременно и литературных, и графических на этот способ уже окончательно не хватает времени. Поэтому наилучшим является третий способ работы, внушенный мне моим отцом, а именно перелистывание, хотя бы случайное

трудов других лиц и вычитывание из них только того, что заинтересует, без выписывания цитат. Правда, справочная часть и отчасти точность собственной работы от этого страдает в той или иной мере, но зато оригинальность, свежесть и жизненная производительность ее, основанная на более независимой проработке в голове всего, что знаешь, только выигрывает. Этому третьему способу я и следовал большую часть своей трудовой жизни, и от него все качества моих собственных трудов, которые я далеко не считаю совершенными, но которых иначе произвести не умел.¹³

У меня так же, как и у покойной сестры в конце жизни, со времени Базедовой болезни появился невероятный наплыв новых идей, чаще вспыхивавших ночью, при случайной бессоннице. Вместе с этим моя практика в «Русской энциклопедии» выработала у меня умение, при наибольшей лаконичности, уместить в одной фразе максимальное количество мыслей и тщательно избегать их повторения. Поэтому вся моя дальнейшая работа свелась, в сущности, к записи наплывавших ко мне идей в известном систематическом порядке. На сколько-нибудь детальную обработку их моей жизни явно не может хватить, а потому это бросание идей — багаж для их разработки будущими поколениями, ибо я не желал, чтобы они, не будучи записанными, задаром погибли с моей смертью подобно тому, как это случилось с моей сестрой. Россия — страна случайностей, и едва где-либо в мире гибло в неизвестности, зря, без какой-то ни было пользы столько дарований и столько идей, как у нас. Это надо всегда помнить и с этим всеми мерами бороться личными силами, личным примером.

Всякая идея есть результат воображения — абстрактного или конкретного. Поэтому только человек, обладающий воображением, и способен к новым, оригинальным идеям. Идея обычно бежит впереди фактов, ее подтверждающих. Поэтому надо развивать воображение, а не задерживать искусственно и не останавливать бега идеи. Если бег неправилен, то сами факты задержат, остановят или ниспровергнут идею — надо им и предоставить сделать это. Но задерживать развитие фантазии во имя реальности не годится. Мое изобилие идей есть прямое следствие того, что моей фантазии с раннего детства никто и ни в чем не задерживал и никаких препон ей не ставил. Отсюда же проистекает и бодрость моей деятельности. Бодрость же эта породила, в свою очередь, упорство в достижениях и соответствующую находчивость для обхода так называемых «подводных камней».

После создания мною круга географии со вписанным в него шестиугольником меня особенно стала поражать расплывчатость, неясность, а подчас и запутанность ее в других схемах. Больше всего это чувствовалось в географии человека в обширном смысле этого слова, которую пытались поверхностно складывать из самих по себе совсем не географических элементов — истории, этнографии, статистики и отвлеченной экономики и очень слабо и неумело связывали их с физической географией. В Географическом обществе было традиционно четыре отделения: математической и физической географии, этнографии и статистики, а не антропогеографии и экономической географии, как следовало бы. Л. С. Берг правильно указал мне, что мое исследование «Город и деревня в Европейской России» есть,

¹³ При моем способе работы, меня, между прочим, иногда справедливо упрекали впоследствии в том, что я забывал цитировать даже собственные более ранние работы. Но если бы я занялся цитатами, то моей жизни не хватило бы и на десятую долю того, что мне удалось сделать, не откладывая ничего в долгий ящик. Профессор истории Иван Михайлович Гревс, знакомый с моими работами, говорил, что я их пишу «для вечности», а Александр Петрович Карпинский как-то сказал мне, что он всегда читает все мои работы, так как в каждой из них есть всегда что-нибудь новое и неожиданное. Того же мнения держался и Алексей Алексеевич Ильин.

по существу, исследование антропогеографическое, а не экономогеографическое, как оно озаглавлено, тогда как «Торговля и промышленность Европейской России по районам» есть труд экономогеографический. Все это вместе взятое невольно толкало меня на весьма мало, за исключением одного Воейкова, разрабатывавшийся у нас антропогеографический путь, ибо только он один и мог гармонично и прочно связать глубокими логическими связями физическую географию с хозяйственной географией, которая, в свою очередь, опять-таки за исключением работ Воейкова и моих, была у нас слабо разработана с географической точки зрения. В те времена у меня, хотя мне было уже за сорок лет, еще не остыл юношеский, несколько фанатичный задор в защите дорогих мне идей. Живое помню, как во время прений в Отделении этнографии в 1916 году, по поводу доклада моего университетского товарища Николая Михайловича Могилянского, ученика Петри, я с таким именно азартом высказал ряд мыслей о необходимости превратить отделение этнографии в отделение антропогеографии, а отделение статистики — в отделение экономической географии, и как у меня, под влиянием сравнительно недавно еще бывшей Базедовой болезни, при этом прерывался от нервного волнения, дрожал голос и появлялось заикание, мешавшее мне излагать мысли достаточно убедительно. Уже тогда я был, по существу, убежденнейшим антропогеографом, за которым еще никто, впрочем, не следовал, но совершенно ясно я сам осознал отличия и внутреннее разграничение между антропогеографией и экономической географией лишь через 17 лет, в 1930 году — настолько это трудный вопрос. Длительность эта, однако, дала мне такую ясность сознания во всех деталях, что сбить меня с толку больше было окончательно не возможно. Поэтому пусть меня называют, сколько угодно, безграмотным термином «географиста» подобно телеграфисту — я только горжусь своим «географизмом», ибо какой же я добросовестный географ, коли не буду указывать всюду, где только возможно, географические причины явлений? Я не настолько глуп, чтобы объяснять решительно все одними только географическими причинами, игнорируя иные, напр., социологические или экономические, но замалчивать географические не считаю себя в праве, ибо полагаю, что любое явление можно всегда рассматривать одновременно с различных точек зрения и давать ему различные объяснения, без монополии какого бы то ни было из них, и эти объяснения будут не только не исключать друг друга, а напротив, прекрасно дополнять. В части случаев одно из них будет главным, а другое второстепенным, в другой части оба будут равносильны и равноправны.

Вот, в общих чертах, то, что я представлял собою в 1913 году после Римского географического конгресса, накануне больших событий следующего 1914 года.

ХІІІ

Годы первой европейской войны (1914 — 1917)

2-го января 1914 года исполнилось 87-летие жизни моего отца Петра Петровича, отпразднованное, как и всегда, в семейном кругу. За последние годы он стал заметно стареть, хотя удара у него после 1908 года не повторялось. Он горбился, зрение и слух его ухудшались, но память и трудовая энергия еще не сдавали. Из-за ухудшения зрения ему необходима была постоянная помощь в занятиях, и ее оказывала моя мать Елизавета Андреевна. Беспомощность при давнишней привычке делать все самому и притом чрезвычайно быстро, его, видимо, досадовала и заставляла терять терпение. Помню, как однажды утром, когда он привык заниматься, я пришел к нему и застал его одного, ибо Елизавета Андреевна куда-то отлучилась из дому по неотложным хозяйственным делам. Он только что расположился было заниматься и обнаружил неожиданно ее отсутствие. Это его разобидело как ребенка, он при мне вынул носовой платок и заплакал от сознания своей беспомощности. На мое предложение помочь он ответил, что я не в курсе дела и этого сделать в настоящую минуту все равно не смогу. Впрочем, он тут же изобрел себе, до прихода матери, какую-то новую манипуляцию, увлекся ею, быстро забыл обиду и, делая что-то, охотно стал со мной беседовать. Он в это время составлял алфавитный указатель к 3-й и 4-й частям своих мемуаров, посвященных эпохе освобождения крестьян от крепостной зависимости. Начав писать воспоминания поздно, уже в возрасте около 75 лет, отец не успел их дописать, вполне закончив только периоды своего детства, юности, Тяньшанского путешествия и освобождения крестьян. Вначале он работал над ними только летом в Гремячке, и это, конечно, отражалось на общем темпе всей работы. При летних занятиях ему помогали его старшие внуки — дети брата Дмитрия. Первый том, посвященный детству и юности, был им всецело написан на память. Для второго тома он воспользовался рукописным дневником своего путешествия в Тянь-Шань, в котором чернила успели за давностью настолько выцвести, что ему пришлось с величайшим терпением обвести всю свою рукопись, во время ее чтения, снова чернилами, что он и сделал, пользуясь тем, что состояние его зрения тогда еще позволяло это занятие. Затем ему пришлось торопиться с писанием периода освобождения крестьян, так как он поставил себе целью, не дожидаясь печатанья двух первых томов, напечатать на свой счет, на правах рукописи, в небольшом количестве экземпляров, 3-й и 4-й томы, ко дню празднования 50-летия освобождения крестьян в феврале 1911 года, что ему и удалось. Для составления этих томов понадобилась масса справок в литературе, которые и помогал

ему делать брат Валерий, специализировавшийся, по своей служебной работе в сенатной канцелярии, в крестьянских делах вообще. Отец, как и всегда, особенно увлекался этим, как он сам считал, важнейшим 3-х–4-х летним периодом своей долгой жизни и, признавая в разговорах со мной, в общих чертах желательность дальнейшего продолжения своих мемуаров, уже не смог развить за поздним возрастом достаточной энергии для их продолжения в 1911-1914 году: серия их, так хорошо начатая, оборвалась мощным мажорным, светлым аккордом. Впрочем, 3-й и 4-й томы, посвященные специальному государственному делу, вышли почти целиком из рамок природы, любовно окружавшей его в летнее время в течение большей части жизни. Впоследствии А. А. Достоевский, в связи со столетием рождения Петра Петровича, при содействии брата Андрея и моем, прекрасно, но кратко описал его жизнь до самого ее конца, но это стоило ему больших трудов и, конечно, все же не могло заменить личных мемуаров Петра Петровича, если бы они осуществились полностью. Отец считал два последних тома своих мемуаров настолько важными, что с 1911 года стал готовить для них обширный алфавитный указатель для общего издания всех мемуаров, как он его называл «*alphabet raisonné*», т. е., в сущности, обширные толковые комментарии в алфавитном порядке. За их окончанием и застало его начало 1914 года. Фотография Оцуа, снятая в день освобождения крестьян 19 февраля этого года, изображает Петра Петровича за этим занятием в его кабинете. Ему помогает Елизавета Андреевна, сидящая спиной. Это последняя их фотография вообще.

Беседуя со мной во время моих посещений на различные темы, он, впрочем, живо интересовался, как всегда и другими вопросами. Когда я коснулся как-то в разговоре общего политического положения в Европе, он мне сказал, что, по его мнению, Германия теперь уже не упустит случая исправить свои границы, в особенности в направлении России, и этим, в сущности, предрек надвигающуюся войну, хотя прямо об ней и не говорил. Затем, расспрашивая меня о моих статистических трудах, в частности о работе в Статистическом Совете, он живо заинтересовался выдвигавшимся тогда проектом второй всеобщей переписи населения, и когда я ему напомнил о проваленном в 1897 году министерством внутренних дел проекте полных списков населенных мест, он горячо ухватился за это. Я помог ему составить два письменных обращения — одно в январе 1914 года на имя министра внутренних дел и другое — около 20 февраля на имя его товарища, заведовавшего статистическими делами, относительно необходимости составления и издания полных списков населенных мест при второй переписи населения. Это последнее письмо, переписанное на машинке, по моему распоряжению в подведомственном мне статистическом отделении, было им чрезвычайно охотно подписано 21 февраля 1914 г. Через день или два после того моя мать позвонила ко мне на квартиру по телефону и тревожным голосом спросила меня, что надо делать, по моему мнению, при очень высокой температуре от простуды в его возрасте. Тут только я узнал, что он захворал. Я вспомнил, как доктор Л. К. Линген, лечивший его, не раз говорил мне, что натура у Петра Петровича на редкость здоровая, что хворать он долго не будет перед своей смертью, ожидать которую ввиду его преклонного возраста, можно в любое время. Таким образом, мысль о том, что на этот раз жизнь его может прерваться, мелькнула у меня при телефонном разговоре с матерью, и я об этом сказал Вере. Прошло дня три-четыре, и я был кем-то из родных, живших в родительском доме, в день рождения моей матери 26 февраля часов в 8 утра извещен по телефону, что он около 6 часов скончался. Приехав на родительскую квартиру, я узнал, что он захворал дня за четыре до того вечером во время своих занятий в кабинете и, когда его звали пить чай, он неожиданно упал. Перенесенный на постель, он скоро очнулся и вообразил, что с ним слу-

чился второй удар, но прибывший доктор Линген, осмотрев его, сказал, что это был просто обморок, какие случаются иногда в начале сильного гриппа. Температура, значительно повысившаяся, с тех пор не только не снижалась, а, наоборот, все повышалась и, при бурном воспалении легких, дошла за полчаса до кончины, когда он был уже без сознания, до 42° Цельсия. Термометр с этим максимумом долго хранился после его смерти. Такой небывало яркой борьбой сильного организма закончилась его долгая жизнь. Мы с Верой застали его спокойно лежащим в таком ясном вечном сне, который ни в ком с первого же взгляда не мог возбудить ни малейших сомнений. Облик у него был строгий и какой-то чрезвычайно древний, точно у древнейшего пророка. Мне вспомнилось, как в 1906 году именно на эту древность его вида указывала мне моя мать, когда мы взяли его больного из Выборга в Петербург, и он спал в купе. Смерть его была так же ясна, как и вся его былая жизнь. Кроме священников Андреевского собора одну из первых панихид при его гробе на дому и отпевание в соборе служил красивый епископ Владимир Путята [5], провожавший его до могилы. Похоронили мы его на Смоленском кладбище рядом с моей сестрой.

Смерть отца была, конечно, наибольшим ударом для моей матери, которой в день его кончины исполнилось 72 года и которая прожила с ним почти 53 года. Это и обнаружилось в следующем 1915 году, о чем я скажу дальше. Но, как это всегда бывало у матери, она в начале ничем своего душевного состояния не обнаружила, кроме некоторой растерянности. Когда отец захворал, его из спальни перевели в последнюю комнату квартиры (бывшую когда-то моей с братом Валерием), и там за ним ухаживал фельдшер. Он лежал тихо и стонал только при переворачивании с бока на бок. После его смерти брат Измаил уговорил мать временно переселиться к нему на квартиру наверх. На похоронах отца Елизавета Андреевна, как когда-то и бабушка Фанни Андреевна на похоронах деда Андрея Парфеновича, не участвовала по своему состоянию здоровья. Пенсию мать получила очень быстро благодаря распорядительности товарища министра финансов Владимира Васильевича Кузьминского, который отлично знал меня, ибо был когда-то в своей молодости репетитором Ник. Март. Штруппа, а добродушная Александра Ивановна Ламанская чинила ему платье и белье, так как он был очень беден, чего он никогда не мог забыть. Когда о смерти Петра Петровича сообщили 80-летнему В. И. Ламанскому, он это понял и спросил меня, что с ним было, вероятно, он простудился и пр., хотя в это время склероз мозга у В. И. доходил уже до того, что он говорил про себя самого, будто ему уже 800 лет, а перед тем не раз высчитывал, сколько ему остается жить, исходя из возрастов, в которые умерли его отец Иван Иванович и брат Евгений Иванович.

После смерти Петра Петровича произошли большие перестановки в родительской квартире. Его коллекция картин была им продана в Эрмитаж еще в последние годы жизни с таким условием, что пожизненно все собрание находится у него, а немедленно после его смерти передается в Эрмитаж, который и выплачивает его стоимость семье Петра Петровича. Нам же, членам его семьи, он выразил желание, чтобы эта стоимость была поделена между нами поровну. Отец имел в свое время выгодные предложения продать все свое собрание за границу, но так как он собирал его всю свою жизнь с расчетом систематического дополнения к Эрмитажному собранию, то предпочел продать его в Эрмитаж по крайней мере за вчетверо более дешевую цену, а свое превосходное справочное собрание гравюр, число которых он полагал в 3 раза меньше, чем оно оказалось в действительности, он просто подарил тому же Эрмитажу в 1910 году. Точно так же он ни во что не ценил и свою великолепную, обширную справочную коллекцию фотографий с картин старинных школ живописи, равно как и весь свой многолетний огромный личный классификационно-

регистраторский и монтировочный труд над обоими собраниями. Запродавая собрание картин, он настолько заботился о том, чтобы оно попало именно в Эрмитаж, что согласился на крайнюю растяжимость срока уплаты за него после его смерти, не считаясь с нуждами своей семьи и показав себя полным бессеребренником. После женитьбы моей и брата Валерия во второй половине 1890-х годов, брата Измаила в 1905 г. и смерти сестры в 1906 г. двенадцатикомнатная родительская квартира была явно несоразмерно велика для одних родителей. Однако она сохранялась неизменно в том же размере именно из-за картинной галереи Петра Петровича, которая, насчитывая около 800 картин, иначе не уместилась бы на стенах, несмотря на то, что он неоднократно выделял колонии картин в квартиры своих сыновей и в Гремячку. Теперь и это отпало, и потому после кончины Петра Петровича брат Андрей занял половину родительской квартиры во втором этаже, именно ту, в которой помещались кабинет, столовая и большая гостиная Петра Петровича, а мать поместилась в другой половине рядом. А. А. Достоевский переселился из четвертого этажа в две комнаты родительской квартиры в третьем этаже, а бывшая художественная мастерская сестры в четвертом этаже была разъединена с ними уничтожением внутренней лестницы, которая сохранена лишь между комнатами второго и третьего этажей, как ведущая в квартиру брата Измаила. В Географическом обществе вскоре после кончины Петра Петровича, именно через месяц 26 марта состоялось общее собрание в его память, где выступал целый ряд членов общества с характеристикой различных сторон его многообразной деятельности. Вице-председателем общества вместо него был избран Ю. М. Шокальский¹, председателем отделения физической географии — Карл Иванович Богданович, а секретарем общества, вместо ушедшего А. А. Достоевского, Дмитрий Иванович Мушкетов, сын покойного Ивана Васильевича Мушкетова.

С тех пор как Л. С. Берг передал мне редактирование статей по географии России в «Русской Энциклопедии» (издавалась она на немецкий капитал), я написал большую часть их для 10-го и 11-го тома этого издания сам. Это было мне весьма полезно, ибо тут я приобрел тот навык вбивать в минимальное количество коротких слов и выражений максимальное количество мыслей, который сыграл такую выдающуюся роль во всех моих последующих географических трудах и вызывал подчас восхищение пользовавшихся ими географов. В 1914 году вышел в свет V том девриеновской «России», посвященный описанию Урала, составленный несколькими сотрудниками, среди которых были Иван Николаевич Сырнев, статистик департамента окладных сборов министерства финансов, однофамилец пресловутого Александра Александровича Сырнева, о котором я писал в предыдущих главах, Николай Ионович Дрягин, тоже статистик министерства финансов, и Георгий Николаевич Кирилин, геолог. Написан том был хорошо, и мне в нем, кроме редакции, принадлежали лишь некоторые вставки и карты. Этому тому суждено было стать последним из появившихся в свет томов издания. Карты в последних томах сделались очень удачными, ибо их воспроизводило лучшее в то время в Петербурге картографическое заведение Юлиуса Гаша. Этот Гаш в том же году оказался, к сожалению, шпионом, офицером германского генерального штаба, бежавшим за границу. У нас перед тем, после Иды Карловны, одно время жила недолго очень подозрительная бонна-немка, строчившая что-то напролет целые ночи, нажегшая невероятное количество электричества и постоянно отлучавшаяся со своими манускриптами куда-то в германские дипломатические учреждения. Очевидно, это

¹ Сам Петр Петрович намечал своим преемником высокоталантливого князя Б. Б. Голицина, но тот сам отстранил свою кандидатуру и умер лишь немного пережив его. Вообще, Петру Петровичу с желательными для него преемниками никогда не везло.

тоже была мелкая шпионка. В 1914-16 годах я написал статьи о северных железных дорогах, о подъездных водных путях и др. в журнале «Деловая Россия», а кроме того «Типы местностей Европейской России и Кавказа», где дал впервые геоморфологическое их районирование, и «О могущественном территориальном владении применительно к России», где я впервые дал новую ориентировку нашей страны на две приблизительно равные по площади половины — западную до Енисея и восточную за ним и каждую половину разбил на однохарактерные в географическом отношении планшеты. Эта работа была использована картографами значительно позднее. Обе работы были помещены в изданиях Географического общества.² Еще в апреле 1913 г. после моего возвращения с Римского географического конгресса, состоялся ряд организационных заседаний при Докучаевском почвенном комитете по учреждению высших географических курсов, в которые я и был приглашен и в начале принимал некоторое время участие. Однако, я сразу же заметил там органическую методологическую невязку постановки этнографии и статистики с постановкой физической географии вследствие недостаточно отчетливого понимания сущности географической науки у большинства основателей курсов. Так как я не скрывал своего критического отношения, то меня «забыли» при дальнейшей организации, и я попал в число профессоров Географического института, возникшего из курсов в 1916 г., только некоторое время спустя после революции, по настоянию Л. С. Берга, которому пришлось рассеивать сложившееся предубеждение, будто я «вообще не сочувствую институту». У меня же при организации курсов было ясное предчувствие, что в конце концов этнография и статистика когда-нибудь сгубят географический институт, что потом, более чем через десяток лет, и подтвердилось полностью. Этого, конечно, не случилось бы, если бы вовремя достаточно глубоко вникли в труды, производившиеся в те времена Воейковым и мною, и в то направление, которое я старался придать картографии. Но никто не пророк в своем отечестве, к сожалению.

На Пасху 1914 года мы ездили, по обыкновению, в Метцакюлю к Марье Павловне Сермягиной. Пишу так потому, что не помню точно, был ли в это время жив Сергей Иванович: он как раз умер в один из этих годов. Я забыл сказать раньше, что в одну из наших поездок в Метцакюлю, не помню точно в котором году, произошел такой случай. В вагоне Роман пошел в уборную и, вернувшись, забыл там свою шапку. Вслед за ним туда же прошел какой-то небольшого роста широкоплечий блондин. Через несколько минут он принес Роману шапку и сказал ему: «Тебе шапку нашел Куприн, когда будешь побольше, спроси у

²Статья «О могущественном территориальном владении применительно к России», где мне особенно удалось в антропогеографическом отношении первые главы, была в картографическом отношении наиболее удачно использована впоследствии, в 1930-х годах талантливым картографом Павлом Петровичем Померанцевым. Эта статья была, собственно говоря, написана мною еще в 1912 году, но появилась в печати только в 1915 г. Она набиралась в мое отсутствие, и потому в ней вкралось, из-за неразборчивости моего почерка (мне некогда было ее переписать) несколько опечаток, из которых самая существенная была в том, что вместо «торгово-промышленными полосами» набрали «торгово-промышленными наносами» и почему-то этого не исправили в листе опечаток. Последствием было то, что через 17 лет, в 1932 г., почтенный геолог Борис Леонидович Личков, поместивший в «Известиях Гидрологического Института» интересную статью о человеке и географической среде, не подозревая опечатки, вполне основательно не согласился со мной в таком «легкомысленном» определении влияния экономики на территорию. Другой подобный же случай был со мною в те же годы. А именно, в «Живой Старине» появилась моя статья, где я старался дать характеристику столь дорогого мне Владимира Ивановича Ламанского как антропогеографа. Моя статья набиралась также в моем отсутствии. В последней фразе почерка моего не разобрали: у меня была написана по-русски цитата из Евангелия от Иоанна «и свет во тьме светит, и тьма его не объяла», напечатали же по-славянски «не объяша», т. е. множественное число от глагола объять. Это заметил почтенный Николай Иванович Кареев, прочитавший мою статью, и обратился ко мне с недоуменным вопросом в письме, на что я должен был дать ему письменное объяснение.

своего отца, кто это?» В 1914 г. произошло наше сближение с семьей Голубковых, у которых мы, впрочем, бывали и раньше. Константин Григорьевич Голубков был до 1905 г. моим сослуживцем по Статистическому отделению министерства сначала финансов, а потом торговли и промышленности, когда он сделался членом кадетской партии и, в связи с этим, как оппозиционер тогдашнему правительству, должен был перейти на частную службу в Азовско-Донской банк к финансисту и адвокату Каминке. Дети его учились с нашими в Выборгском коммерческом училище, где Вера встречала его и его жену на родительских собраниях. Лидия Константиновна Голубкова была очень милой женщиной с лицом мадонны. У них было четыре сына. Голубковы рекомендовали нам ехать на лето в Эстляндию, в Везо, около 40 километров от города Везенберга на Финском заливе, у бухты Каспервик. Там они проводили предыдущее лето, и были очень довольны. Они обратили наше внимание на дачу Лангсеппа, в котором до того жил академик Андрей Андреевич Марков, с которым Голубков, как математик по образованию, был знаком со студенческих лет. Мы списались с Лангсеппом и наняли у него дачу заглазно. Когда кончились учебные занятия детей, Вера поехала туда с ними, прихватив с собой Екатерину Васильевну Корсакову, а я остался до июля в Петербурге на квартире у матери. Перед отъездом Вера условилась с моим братом Дмитрием и его женой Евгенией Михайловной ехать вместе с ними на июль лечиться в Германию, в Киссенген, по совету доктора А. А. Белоголового. При этом с Вериного отъезда мы пригласили к нам в Везо еще Бобиных, благо дача Лангсеппа была обширна и могла всех вместить. Пока я был один в Петербурге, я неоднократно ездил на дачу к брату Измаилу в Асею близ станции Преображенской Варшавской железной дороги, где он жил в то лето с семьей и англичанкой миссис Флоренс. Там я встретился со своим младшим племянником Шурой или иначе Александром Дмитриевичем и молодым архитектором Бибиковым, которые их также навестили, как и я. Асея живописно расположена на высоком берегу реки Луги. У подножия лесистой возвышенности расстилаются приречные поймы с вековыми дубами и цветущими под ними лиловыми касатиками (ирисами). Как-то мы все вместе ходили пешком в Шалово близ города Луги, а назад возвращались в крестьянских тележках. Шура как-то раз во всем костюме бросился в реку Лугу спасать тонущую собачонку, а миссис Флоренс полезла затем туда же в платье.

В июне в Петербург последовало два дипломатических визита: сначала прибыл английский адмирал Битти с двумя дредноутами, из которых один, именно «Queen Mary», погиб на следующий год в морском сражении с германцами. Затем на французском дредноуте прибыл в конце июня или начале июля президент Раймонд Пуанкаре. Незадолго до того умер его двоюродный брат Анри Пуанкаре, знаменитый математик, состоявший иностранным членом-корреспондентом нашей Академии Наук. Царские дипломаты всегда отличались большим легкомыслием и верхоглядством. Так было и на этот раз. Русское посольство в Париже, спутав двух кузенов Пуанкаре, написало в Министерство иностранных дел в Петербург, что не мешало, чтобы Академия устроила чествование «своего почетного члена» при его посещении Петербурга, а министерство тотчас же сообщило об этом в Академию. Не менее легкомысленная канцелярия старушки-Академии, не потрудились даже справиться в списках членов учреждения, поспешила галантно расшаркаться и с величайшей готовностью согласиться. Время было летнее, академики были либо в разъездах, либо на дачах. Стали их разыскивать на ближайших к столице дачах и устроили среди них подписку на завтрак в честь Раймонда Пуанкаре, якобы «почетного члена», в стенах Академии, к которой он никакого отношения отродясь не имел, причем ввиду малого количества наличных академиков в окрестностях, каждому из них пришлось пожертвовать на это удовольствие,

как говорили, 45 рублей. Узнав случайно от А. А. Достоевского о готовящемся торжестве, я объяснил ему разницу между двумя кузенами — живым и умершим. А. А. пришел в ужас и тотчас же сообщил своему зятю академику Михаилу Александровичу Рыкачову, а тот в Академию, но оказалось уже поздно, ибо Раймонд Пуанкаре уже был официально приглашен. Завтрак состоялся, и на нем с обеих сторон было сказано много приятного, но Пуанкаре, конечно, заметил путаницу и тонко намекнул на это. Вообще, по словам присутствовавшего на завтраке Рыкачева, произошел заранее подготовленный сплошной конфуз, хотя и в весьма приятных тонах.

Не участвовавшему в этом торжестве, за преклонным возрастом, В. И. Ламанскому 26 июня минул 81 год. Жил он свое последнее лето на даче в Павловске с О. В. Покровской. Я его посетил и нашел, что он сильно сгорбился и из прямого, высокого, худощавого обратился в маленького, согбенного, худенького. Благодушное настроение его не покидало, но мысли его часто трудно было угадать. Ясно было, что жить ему осталось недолго. Вскоре приехала в Петербург из Везо Вера, чтобы отправиться в Киссенген, разминувшись с Бобиными, которые направились в Везо. Пробыв в Петербурге дня 2-3, она поехала за границу с братом Дмитрием, Евгенией Михайловной, Шурой и его приятелем Гейманом. Я их проводил на Варшавский вокзал, а затем, кажется, на следующий день, поехал один в Везо к детям, куда и она должна была вернуться по окончании курса лечения в начале августа. В начале июля, в мое отсутствие, я был назначен членом главной переписной комиссии 2-ой всеобщей переписи населения от министерства торговли и промышленности. Перепись не состоялась.

Лето было чудное, жаркое и сухое. Дорога из Везенберга до Везо мало интересна. Местность довольно открытая, занятая большей частью полянами с отдельными эстонскими дворами и скучными баронскими немецкими усадьбами, окруженными ограждениями из валунов. Впечатление такое, точно бывшие завоеватели-рыцари забаррикадировались от завоеванного ими населения горами валунов и за ними ведут свою сепаратную, педантическую, размеренную, однообразную и скучную жизнь весьма эгоистического пошиба. Спуск с глинта к морским побережьям здесь не крутой, постепенный не сразу заметный. Далее — песчаная зона дюн, покрытых почти сплошь хвойными лесами, тянется до самого моря. Везо — типичное эстонское дачное местечко с деревянными мостками вместо тротуаров. Местами встречаются очень толстые вековые сосны, низкие, с фантастично извивающимися ветровыми формами толстых корявых ветвей под древесными кронами. Три обширных бухты — Каспервик, Папонвик и Монтовик — врезаются в побережье с севера. Речек мало, а те, которые имеются, тщательно запружены водяными мельницами. Дачи — типичные эстонские, тесовые на валунных фундаментах с драочными и толевыми крышами, частью беленые. Дача Лангсеппа, очень чистая и светлая, была поместительна. В ней я застал моих сыновей, Е. В. Корсакову, Надежду Евгеньевну Бобину с Еней и Ирочкой и двух наших прислуг — кухарку и горничную. Сергей Павлович приехал вскоре с фотографическим аппаратом и снял несколько удачных автохромов (в том числе меня, Володю и Романа), но через несколько дней уехал в Харьков. Семья Голубковых вместе с приехавшим в отпуск Константином Григорьевичем, жила недалеко от нас, и мы все, обитатели дачи Лангсеппа, вместе с ним совершали неоднократно довольно далекие пешие прогулки в разные стороны, ловили мелкую рыбу и пр. Эстонцы приносили с моря неоднократно вкусную свежую треску, сельдей и мелких камбал. Молодежь и Константин Григорьевич усердно купались в море.

Только что я успел получить от Веры несколько писем из Киссингена с описанием, как они все там устроились, какой ведут режим, с кем из знакомых встретились, как в газе-

тах появилось известие об убийстве в Сараеве каким-то босняком австрийского эрцгерцога Франца-Фердинанда с его женой. Невольно вставал грозный вопрос: «А что же дальше?» Последовал австрийский ультиматум к соседней Сербии. В нем были явные наглые политические домогательства, ничем не прикрытые. Сербия ни с того ни с сего оказалась в положении маленькой собачонки перед большим злющим бульдогом, на которого, кстати сказать, несколько смахивал престарелый Франц-Иосиф. Россия вступилась за беззащитную Сербию и спешно начала мобилизацию. Австрия струсила и, схватившись судорожно за Германию, готова была уже идти на попятный, чуя, что ей одной не сдобровать. Все зависело от Вильгельма и легко могло закончиться лишь взаимным показыванием бронированных кулаков с последующей передачей дела в какой-нибудь Гаагский трибунал. Но Вильгельм предпочел «Deutschland, Deutschland über alles» и 19 июля объявил России и Франции войну, ибо глубокомысленный немецкий стратег фельдмаршал Шлиффен за несколько лет до того, основываясь на обширном многолетнем шпионском материале, составил, как уверяли немцы, «гениальный» план молниеносной наступательной войны сразу на два фронта, в котором все было учтено и предусмотрено точно, как в аптеке. В этот план немцы верили как в бога, будучи твердо убеждены, что Англия останется нейтральной, а Италия не изменит. Поэтому шагать во Францию через нейтральную Бельгию им представлялось пустяшной ничего не стоящей наглостью, ибо непосредственные границы Германии с Францией были столь крепко забронированы с обеих сторон, что стараться прорвать их значило бы бесцельно расшибать себе лоб. Верден, относившийся к краю этой оборонительной линии, в конце войны с ясностью это и доказал. Мой племянник Коля, или иначе Николай Дмитриевич, лейтенант флота, потом рассказывал мне, что он в день объявления войны Германией по приказу начальства явился с матросами на одно германское коммерческое судно, стоявшее на Неве, для его ареста. Пожилой капитан судна встретил требование об аресте совершенно спокойно и достойно, как нечто неизбежное. Когда же Коля сообщил ему самую последнюю новость, которой тот еще не знал, а именно, что Англия объявила Германии войну из-за Бельгии, старик заплакал, воскликнув: «Alles ist verloren». Кронпринц в своих записках всю вину в слепой уверенности относительно поведения Англии, как паиньки, сваливает на канцлера Бетмана-Гольвега, которого он величает «идиотом», но от этого не легче. И с такими-то шаткими основаниями всегда основательные немцы, как говорится, «перли против рожна». Вот уж подлинно справедливо старинное наблюдение, говорящее, что когда Бог захочет кого-либо наказать, то прежде всего отнимет разум.

Впечатление в Везо от объявления войны было потрясающее, тем более, что в течение полутораста лет немцы не были явными неприятелями России. Я спросил Володю, что он думает об этом. Володя мне спокойно ответил, что безумные всеобщие вооружения ряда лет должны же чем-нибудь когда-нибудь кончиться, и что это неизбежный электрический разряд, который должен очистить атмосферу. К. Г. Голубков говорил, что война обязательно будет носить затяжной характер и что в конце концов побежденной окажется не та сторона, у которой будет отхвачено больше всего территории, а та, которая раньше другой истощится. Во всяком случае, я тотчас же подумал о Вере и семье брата Дмитрия. Ясно, что они должны были со всей поспешностью вернуться. Но как это произойдет? Я не сомневался, что Германия — страна культурная, но все же различные дорожные случайности могли их задержать в пути на неопределенное количество времени. Надо было, однако, что-то делать, чтобы помочь им в случае, если они где-либо застрянут. Все это, конечно, беспокоило. Я послал телеграмму кому-то из моих братьев в Петербург с просьбой вызвать меня, если это понадобится, а затем все-таки надеялся, что по возвращении Веры мы с

семьей доживем до конца августа вместе в Везо, ибо был совершенно уверен в том, что это ничтожное местечко, хотя бы и приморское, в глубине Финского залива, загражденное минами, Ревелем и Свеаборгом, в начале войны никому не интересно и потому вполне безопасно. Со мной вполне были согласны К. Г. Голубков, мои сыновья и Еня Бобин. Однако, наши дамы, т. е. Над. Евг. Бобина и Е. В. Корсакова при всяких отдаленных звуках учебной стрельбы с моря неизменно принимали ее за боевую германскую канонаду и, не веря никаким объяснениям, так нервничали, что пришлось в конце концов им уступить и недели через две после объявления войны, в начале августа сняться с места и всем ехать в Петербург. Мы наняли автомобиль и на нем докатили до Везенберга часа через два, а Над. Евг. Бобина с Ирочкой и наши прислуги поехали спозаранок в крестьянских карабашках. Там пришлось ждать поезда из Ревеля до вечера, ибо нормальное расписание было нарушено мобилизацией, шедшей с такой быстротой, на которую многоумный германский стратегический план войны никак не рассчитывал.³ Наконец пришел переполненный пассажирами до отказа ревельский поезд, и в него нам пришлось втискиваться куда попало с вещами. Е. В. Корсакова где-то уместилась с обоими моими сыновьями и Еней Бобиным, я спал на каком-то верху, свернувшись калачиком, рядом с вещами, Н. Е. Бобиной и Ирочкой, а прислуги где-то в проходе. Весь вечер и всю ночь встречались на станциях воинские поезда, набитые мобилизованными, неизменно оглашаемые громкими криками «Ура» с обеих встречных сторон. Такого воодушевления я еще не видел.

Приехав утром в Петербург, я отправил прислуг в нашу квартиру на Бассейную, а сам с сыновьями поехал на Васильевский остров к матери, где мы и прожили до возвращения Веры. Е. В. Корсакова и Н. Е. Бобина с детьми вернулась в свои квартиры. А. А. Достоевский рассказал мне, что он был свидетелем «свержения истукана» с германского посольства. Дело в том, что Вильгельму давным-давно не давала спать импозантность Исаакиевского собора и памятников Петру Великому и Николаю I на Сенатской и Исаакиевской площадях, а наличие высокоствольного Исаакиевского сквера мешало тайным шпионским германским целям. Вначале Вильгельм вздумал подражать Исаакию в Берлине и с этой целью построил новый пятиглавый лютеранский собор аналогичного облика, ради прославления в нем не столько Бога, сколько гения германской нации, где и уготовал почетное место для своей собственной будущей статуи, о чем я говорил в главе XII. Про памятник Николаю I давно сложилась довольно язвительная поговорка: «До Петра бы доскакал, да Исаакий помешал» — показное автократическое величие которого, действительно, ставит преграду между обоими. Вильгельм убедил недалекого Николая II срубить Исаакиевский сквер, как затеняющий с одной стороны величие Исаакия, что по существу было справедливо, хотя кочевавшие в течение десятилетий по очереди по всем четырем сторонам собора строительные леса, якобы для его ремонта, а на самом деле для «безгрешных доходов» архитекторов заслоняли это величие не менее сквера. Но тут же была и другая тайная цель: когда сквер был срублен и заменен коврами с цветниками с низкими кустарниками, немцы тотчас же выстроили как раз против германского посольства огромный специально шпионский отель «Асторию» поблизости от русских военного и морского министерств. Их не удовлетворяло низкое длинное здание посольства. Поэтому вслед за «Асторией» они соорудили для

³С легкой руки немцев в Западной Европе было распространено убеждение, что внушительные силы русской армии могут сосредоточиться на границе и вторгнуться в пределы Германии и Австро-Венгрии никак не ранее, чем через 4 недели после объявления войны, тогда как на самом деле это сосредоточение и вторжение произошли всего через несколько дней после объявления войны, т. е. в срок в 4-5 раз более короткий.

посольства гораздо более высокую, безвкусную так называемую «колбасную фабрику» из гранита и на ее вершине воздвигли громадную бесстыжую группу голых германских геркулесов, ведущих в поводу двух рослых коней. Здесь была довольно прозрачная аллегория ведения России и Франции под германские уздцы, о которой хитроумные немцы так же таинственно-загадочно умалчивали, как и о том, чья статуя будет воздвигнута на торжественном пустом месте в Берлинском соборе. Вполне понятно, что тотчас за объявлением войны сей мощный идол был низвергнут публикой и утоплен, подобно древнему Перуну при крещении Руси, в Мойке. Для чиновного, всегда подтянутого Петербурга такая смелая демонстрация была весьма необычной и, главное, совершенно непосредственной, в которой охотно приняли участие «люди всякого звания и состояния». ⁴ А. А. Достоевский был живым свидетелем «свержения идолов». Вскоре после нашего возвращения в Петербург были получены телеграммы от Веры и брата Дмитрия из Стокгольма, извещавшие, что они возвращаются в Россию через Торнео и Финляндию, и им, ввиду круглого пути, не хватает денег, которые тут же и пришлось перевести по телеграфу в Стокгольм. Наши тревоги кончились, так как этот путь, самый длинный, был в то же время и наиболее безопасным от всяких случайностей. Затем была получена от них дополнительная телеграмма из Торнео с точным указанием времени их прибытия в Петербург. Одновременно такую же телеграмму о прибытии с ними своих родственниц получила сестра Я. Н. Ростовцева Александра Николаевна Новикова. Я заехал к ней и мы вместе поехали на Финляндский вокзал встречать беженцев. Пришлось пропустить не один поезд с беженцами из Торнео, пока пришел наконец поезд с нашими беженцами, ехавшими большой компанией, среди которой была семья Каратыгиных и другие лица. Вера приехала нездоровой: она где-то дорогой простудилась, и у ней было воспаление желез, которое по ее приезде доктор Иогихес вылечил серебряными солями. Наши беженцы рассказали о своих приключениях. Они едва удрали из Киссенгена в самый последний момент перед объявлением войны, когда общественная атмосфера была накалена до крайности, ибо Вильгельм, чтобы снять с себя ответственность за безумный шаг, взлелеянный им в тайне в течение десятков лет⁵, всю вину свалил

⁴В Москве не было такой мощной германской шпионской организации, как посольство с «Асторией» vis-à-vis. Там было всего только Консульство гораздо более скромного диапазона. Поэтому неистовство толпы обратилось на немецкие торговые фирмы. При этом между прочим был разгромлен магазин и склад музыкальных инструментов Юлия Генриха Циммермана. Он помещался в одном из верхних этажей здания. Ворвавшаяся толпа бросала в окна на мостовую рояли. Все рояли разбились вдребезги за исключением самых дорогих и самых крепких роялей американской фирмы Стейнвея, которым ровно ничего не сделалось от такого рискованного полета на улицу. Это, между прочим, послужило лишней рекламой фирме. Так впоследствии рассказывали мне в Москве.

Немецкий шпионаж перед войной процветал во всю во всевозможных проявлениях. Так, лет 15 спустя географ Дмитрий Дмитриевич Руднев, бывший у меня ученым секретарем в Центральном Географическом музее, рассказывал мне такой случай. Незадолго до войны в Петербурге вышла в заслуженную славу новая картографическая фирма Юлиуса Гаша, изготовившая между прочим для широкого распространения лучшую крупную топографическую карту окрестностей Петербурга в 3-х верстном масштабе, в красках. Пленившись такими хорошими картами, молодой Руднев, в наивности души, отправился было к Гашу предлагать свои услуги в качестве географического сотрудника. Гаш его принял в чрезвычайно странной, какой-то таинственной обстановке один с глазу на глаз и уклонился от его приема в сотрудники. Руднев не мог понять причины, которая выяснилась в 1914 г. через несколько дней после объявления войны: Гаш оказался офицером германского генерального штаба, поспешно скрывшимся на родину, причем все его картографическое заведение было захвачено русской властью.

⁵В самом начале своего царствования Вильгельм, свергнув Бисмарка и пошло закрутив усы вверх, послал Александру III мальчишески дерзкое, вызывающее на войну письмо, которое тот сжег, заявив германскому послу, что считает, что такого письма не получал.

на Россию с ее слишком поспешной мобилизацией, явно не входившей в расчет немцев, т. е. смошенничал по своему всегдашнему обыкновению, но ему немцы поверили тогда. Наши беженцы имели благоразумие поехать не на Берлин, куда кинулось большинство в панике и за которым была естественная не раскупориваемая пробка на германско-русской границе, а на Гамбург–Копенгаген–Стокгольм. Однако и в Гамбурге общественная атмосфера была уже настолько накалена, что оказалось возможным, приехав поздно вечером, лишь переночевать в отеле и с раннего утра нестись дальше на Копенгаген, где они наконец вздохнули свободно. Интересно, что во всей этой волне бегства впереди всех неизменно неслись евреи, за ними следовали поляки, а русские всегда оказывались в арьергарде. Из Стокгольма некоторые переправлялись в Финляндию через Рейсо, что было короче, но по дороге туда море уже было не совсем свободно от минных заграждений, а потому наши беженцы предпочли кружную сухопутную дорогу через Торнео; впрочем, один перегон в северной Швеции где-то около Лулео им пришлось почему-то сделать не по железной дороге, которая была, вероятно, слишком забита, а на пароходе по краю Ботнического залива близ шведских берегов. Во всей Швеции, несмотря на германофильскую ориентировку ее правительства, на железнодорожных станциях для беженцев было организовано общественное питание, и всюду их встречали в высшей степени любезно и заботливо. Таким образом, наши избегли совершенно грубых германских издевательств в начале войны, испытанных другими беженцами, кинувшимися в Берлин. С ними вернулся и Шурин товарищ немец Гейман, который мог бы при желании свободно застрять в Германии, но этого сознательно не сделал, здорово обрывая во время разговоров в вагонах поминутно зарывавшихся немцев, а по возвращении в Петербург пошел добровольцем в нашу армию, попал на австрийский фронт, храбростью заслужил Георгиевский крест, причем был смертельно ранен и умер в госпитале во Львове после его занятия русскими войсками. Все мы, т. е. возвратившиеся беженцы с Гейманом и встречавшие их на вокзале, собрались в ресторане после их возвращения и обменялись впечатлениями.

Из ближайших родных были призваны на войну сначала два моих племянника — сыновья брата Дмитрия — лейтенант Коля и Миша — в качестве прапорщика запаса Егерского полка [6]. Последний в сражении под Лыком в Восточной Пруссии получил тяжелую контузию в голову и надолго выбыл из строя. Из моих сослуживцев по Статистическому отделению попал прапорщиком запаса на австрийский фронт в армию болгарского генерала Радко Дмитриева совершенно не воинственный по характеру, в высшей степени спокойный Александр Дмитриевич Поляков (будущий секретарь Отделения статистики Географического общества). Ему повезло, и он, не будучи ни разу ни ранен, ни контужен и участвуя во многих сражениях, получил несколько орденов за храбрость с мечами. Приехав как-то на побывку, он рассказывал, что в современных условиях боя на громадных площадях обычно его рядовые участники ничего не понимают в успехах и неудачах сражения и часто считают его проигранным, когда оно выиграно, и наоборот. Из моих родных на войну на австрийский фронт был еще призван врач Николай Александрович Гречин. Из знакомых добродушный брат Элеоноры Германовны Шмидт Александр Германович Вольгемут, аполитичный и совершенно не воинственный, а также муж ее сестры Вольгемут, приехавший незадолго до войны из Берлина, как германские подданные, были арестованы и сосланы куда-то на восток. Вообще война очень волновала Э. Г. и содействовала быстрому ухудшению состояния ее здоровья: она необычайно побледнела и сердце у ней стало работать скверно, тем более, что вскоре умерла ее мать Ида Леонтьевна Вольгемут, к которой она была очень привязана.

Война на восточном фронте началась спешным вторжением русских войск в Восточную Пруссию, где были оставлены только германские заслоны, ибо согласно так называемому Шлиффеновскому «гениальному» плану наступательной борьбы на два фронта, в расчете на медленность нашей мобилизации, главные массы немецких войск были в это время переброшены на западном фронте через Бельгию во Францию, в чаянии захватить Париж. Шлиффеновский план предусматривал занятие Парижа охватом с запада через Бельгию, но был неудачно видоизменен Мольтке младшим. Париж был спасен благодаря преимущественному вторжению Германии с востока. Началось паническое бегство немцев из Восточной Пруссии в Берлин, приостановленное словами Вильгельма: «Не бойтесь, Гинденбург с вами». Затем начались так называемые «гениальные» действия последнего, выразившиеся в переброске части войск с запада на восток, в поражении и гибели генерала Самсонова. Впрочем, как потом выяснилось, вся «гениальность» их опиралась на явный численный перевес германской артиллерии, на ловкое шпионское подсовывание нам нарочито секретных фальшивых карт и на подслушивание нашего радио, которое пошехонски велось нами даже не шифрованным языком. Однако Гинденбург и его помощник Людендорф оказались настолько умны, что после войны признали в своих записках «единственным гением войны» французского маршала Фоша, руководителя обороны Вердена и заключительного наступления союзников на немцев на западном фронте. Тотчас после нашего наступления на Восточную Пруссию на западном фронте произошло поражение немцев на Марне, благодаря хитрости французского маршала Жоффра и наши успехи на австрийском фронте в Галиции. Весь германский «гениальный» план молниеносной наступательной войны на двух фронтах сразу потерпел полное крушение. Ясно было, что война пошла на долгую затяжку. Подкрахмленное до войны, самоуверенное политическое «величие» Германии не позволило ей сразу же признать все свои промахи и благоразумно вовремя свести более или менее к нулю все свои военные действия, чем только она и могла спасти себя и Австрию в конечном итоге. Пришлось перейти к позиционной войне, устроив новый союзнический хвост по направлению к Багдаду через Болгарию и Турцию, ибо Италия изменила. Обозленная провалом своего молниеносного стратегического плана и невозможностью одолеть Англию на море даже при механически наилучшем своем, отчасти непотопляемом флоте, Германия стала лихорадочно увеличивать до чудовищных размеров свою артиллерийскую мощь, прибавив к ней в придачу фабрикации удушливых газов, а на море, откуда она только и могла снабжаться необходимыми товарами извне, повела беспощадную подводную минную войну против всяких флотов всего мира, чем, конечно, и вызвала то, что весь мир на нее обрушился, как на бесноватого, за исключением очень немногих иностранных стран, снабжавших ее тайком кое-чем из нужных ей товаров. Имея возможность, благодаря колоссальному перевесу своей артиллерии, медленно продвигать сама свой фронт на восток — вглубь России, хотя терпевшая на каждом шагу поражения Австрия и подводила этот *Drang nach Osten*, Германия благоразумно не продвинулась здесь дальше восточных планшетов отлично известных ей русских наиболее крупномасштабных военно-топографических «секретных» карт, «секрет» которых был, конечно «секретом полишинеля». В результате этого она в 1915 году, одерживая временные успехи на всех фронтах, тешила себя призраком всесветной непобедимости перед собственными одураченными гражданами, который, однако, скоро лопнул, как лягушка в крыловской «Лягушка и вол», с истощением страны, уничтожив вместе с тем и всю *Weltmacht* Германии и погубив лоскутную Австро-Венгрию с ее архаическим династическим империализмом. Вся эта катастрофа прекрасно описана в мемуарах германского кронпринца. Но насколько всеобщая людская механизированная

бойня 1914-18 годов менее красочна, чем наполеоновская эпопея 1805-15 годов, даже если бы не было гениального описания части ее Львом Толстым, насколько в этой эпопее ярче индивидуальность отдельных людей! Ни один из военных мемуаристов первой четверти XX века, не смог возвыситься до слов Наполеона в его ссыльных мемуарах с острова св. Елены, где он говорит, что из 50 сражений, данных им при своей жизни, самое ужасное было под Москвой (Бородино), что в этом сражении все самые невероятные героические подвиги с обеих сторон неизменно давали нулевой результат и что если французы в этой битве доказали возможность для них побеждать всех, то русские приобрели в ней право быть непобедимыми. И это была не похвальба, а правда. Но давать подобные характеристики для механизированной войны, где весь успех зависит от количества выпущенных снарядов, конечно, затруднительно.

Во время войны у нас был, несомненно, общественный порыв, но его подтачивало неблагоприятное положение в тылу. Недаром Распутин, тяжело раненный на своей родине ножом какой-то женщины во второй половине 1914 года, нагло кричал: «Выживу» и действительно выжил на этот раз и в прямом и в переносном смысле слова.

Наше пребывание в Везо было очень полезно для здоровья детей. Но оно поневоле было слишком кратковременно. Поэтому у Романа осенью 1914 года к концу октября проявился в последний раз скрупулез желез с небольшим повышением температуры. Иогихес посоветовал Вере съездить с ним на некоторое время в пансион Хорн к востоку от станции Усикерко в Финляндию. Директор Выборгского коммерческого училища П. А. Герман свободно отпустил его как хорошего ученика, и Вера с ним уехала в начале ноября. Я однажды навестил их там. На время их отсутствия у нас в квартире жила Е. В. Корсакова, и я оставался с Володей.

В. И. Ламанский еще в 1860-х годах в своей речи в Географическом обществе предсказал неизбежность войны между Германией и Россией. Теперь через полвека она осуществилась. Когда ему говорили об этом, он отвечал: «Чувствую, что происходит что-то очень серьезное и важное, но что именно — понять не могу». В ноябре он захворал воспалением легких. С этим известием я ездил к Вере в пансион в Хорн, и мы были с ней готовы к возможной близкой роковой развязке. Через несколько дней после моего возвращения, 19 ноября, Сережа или Настя (не помню точно кто) позвонил ко мне по телефону со Звенигородской на Бассейную и сообщил, что В. И. скончался в присутствии одного Сережи, сказав ему: «Прощай, голубчик». Я тотчас телеграфировал Вере, и она на следующий день приехала из пансиона Хорн с Романом. Похоронили мы его в Александро-Невской лавре, на Никольском кладбище рядом с Александрой Ивановной и нашим маленьким Андрюшей. На отпевании в лавре присутствовал президент Академии Наук в. кн. Константин Константинович, очень его любивший и вскоре сам умерший, а старший ученик В. И. академик-византинолог Федор Иванович Успенский произнес весьма прочувствованное надгробное слово. Затем было в его память заседание Отделения этнографии Географического общества. В этом заседании среди ряда членов общества выступил и я с поминальным словом, в котором охарактеризовал его как антропогеографа. Мое слово находили очень удачным, и оно было напечатано в основанной В. И. «Живой Старине». Квартиру В. И. на Звенигородской после его кончины О. В. Покровская понемногу ликвидировала. Таким образом в 1914 году распались оба родительских гнезда — и с моей, и с Вериной стороны.

Владимир Иванович умер последним из восьми братьев Ламанских (из которых я лично

знал четырех⁶), по возрасту будучи средним из них. Единственная его сестра Олимпиада Ивановна Поленова пережила его только на несколько месяцев. Он был типичным представителем большой русской культурнейшей семьи первой половины XIX века. Отец его сенатор Иван Иванович был вначале в министерстве финансов специалистом по кредитному делу. Происходя из мелкопоместных белозерских дворян, он рано порвал связь с землей и в молодости, как и мой дед Андрей Парфенович в Москву, пришел пешком из Белозерья в Петербург получать высшее образование, а по окончании его устроился на службу по финансовому ведомству, женился на Вере Яковлевне Малоземовой, москвичке из купеческого звания, и поднял на ноги свою огромную семью исключительно личным неустанным трудом. Все его сыновья, большей частью даровитые от природы, отличались чрезвычайно независимыми характерами, природным умом и склонностью к научной и некоторые — к практической деятельности. Будучи либеральными и весьма общительными, они немало времени уделяли обществу, и это отражалось на том, что количественно их научная работа была не очень велика, за исключением Владимира Ивановича.

Владимир Иванович в жизни был воплощенной правдой, органически не переносивший лжи, фальши, лести и подхалимства, и вместе с тем воплощенной добротой и скромностью. Мой отец говорил, что у него характер апостольский. Он, как ребенок, льнул к душевно особенно хорошим, честным и прямым, чистосердечным натурам и был, как барометр, чувствителен к дурным натурам, даже если они ничем не успели себя проявить, и в этом отношении по существу не ошибался. Очень зорко замечая людские недостатки и пороки, он весьма долго терпеливо и деликатно молчал, но все его наблюдения отчетливо скоплялись в его душе и, наконец, иногда по совершенно пустяшному поводу, его вдруг взрывало изнутри, и тогда он сразу концентрированно наговаривал данному лицу невесть чего, так что у того, как говорится, «глаза лезли на лоб», но при этом говорил как-то наполовину себе в бороду, вдобавок фразами, половина которых не произносилась и застревала у него самого в голове, и о ней можно было только догадываться; поэтому понять его полностью в таких случаях было нелегко. Иногда он выступал против поступков таких лиц и в печати с очень язвительными статьями. Но если спокойно вдуматься в то, что он говорил или писал, основа всегда была правильна, только к ней из-за сгущения красок, концентрированно было подчас приплетено немало лишнего и обидного. Все люди с чистым сердцем неизменно к нему льнули, а все с дурной сердцевиной боялись его языка и чуждались. Но так как он был очень добр по натуре, то они поневоле подчас делали неоднократные попытки повторного сближения с ним и потом снова отскакивали, как горох от стены. С годами эти характерные для молодых годов его жизни свойства стали неизменно смягчаться в нем, и с каждым годом он становился все благодуще и благодуще. Ко мне он чувствовал неизменную симпатию, и я тоже, и наши отношения бывали всегда самые лучшие и сердечные.

В историко-географическом и антропогеографическом отношении он был моим незабываемым учителем, и я именно ему обязан весьма многим в ширине антропогеографических построений. По природе он был очень либерален и неизменно доброжелателен ко всему и всем; всякий деспотизм был ему в корне чужд, но в темпераментности и страстности мнения он иногда его бессознательно проявлял. Он был чрезвычайно общителен, высоко ценил всякое непосредственное проявление юмора и сам проявлял в этом отношении немало, был отличным семьянином и очень любил детей, отлично угадывал даровитость в других и живо интересовался ее проявлением в любых областях. Был чрезвычайно и разносторонне

⁶Именно Евгения, Александра, Владимира и Сергея, а Яков, Порфирий, Константин и Нестор, как умершие ранее, мне были незнакомы.

начитан и помнил, не хуже первоклассного библиотекаря, с большой точностью источники своих знаний. Занимался он, не покладая рук, всю жизнь, перемежая чтение с прогулками пешком, которые совершались не только вне дома, но и в его обширном кабинете, заставленном сплошь по стенам полками с книгами, где он ходил из угла в угол один или с собеседником, куря, обдумывая и обмениваясь мнениями. Ко всякой книге он относился критически и всем советовал никогда книгам слепо не доверять. В результате всего этого у него являлись блестящие домки по всяким вопросам, его интересовавшим, которые иногда затем составляли главное содержание его печатных работ, но не всегда, а частью так и пропали задаром, не будучи даже зафиксированы на бумаге.

Его специальностью была история и география национальных культур, преимущественного славянских. Он был шире обычного типа историков, этнографов и лингвистов, в нем была явная склонность к географическому синтезу. Он чутьем великолепно разбирался в корнях слов различных языков, а потому читал и понимал работы на многих из них, не прибегая вовсе или прибегая в самой малой степени к словарям. Я мимоходом успел у него кое-что методически усвоить в этом направлении и тоже иногда почитываю по догадке, хотя мои догадки, конечно, далеко уступают его догадкам в своей основательности, и у меня получается лишь «разыгранный Фрейшиц перстами робких учениц», тогда как он был в этом отношении настоящим «пианистом-виртуозом». Но и мне впоследствии случалось иногда удивлять догадливостью следующее поколение — моих учеников, которые были уже, как говорится, «ни в зуб толкнуть», вследствие упадка общей образованности.

В. И. классифицировал национальные культуры психологически на культуры великих и малых народностей. Так, прогостив, незадолго до своей кончины, некоторое время у молодых Гречиных в Финляндии, он говорил мне: «Я только что пожил среди малого культурного народа», и тут же приводил ряд типичных черт, характеризующих финнов именно как малый народ, без широкого кругозора.⁷ Когда мне в беседе с финляндцами случалось намекать теоретически на психологический масштаб различных наций, они неизменно ворчливо говорили, что часто малое оказывается великим, а великое малым, и переводили разговор на другую тему.

Интересен случай, бывший у В. И. с украинским историком, с «батькой» Михайлой (Михаилом Сергеевичем) Грушевским [7]. Он подарил как-то Владимиру Ивановичу свою книгу «История Украинской Руси» на украинском языке. В. И. внимательно ее изучил, не прибегая, конечно, к словарю, и при свидании спросил автора, почему у него так мало говорится про Новгородскую Русь, бывшую в тесной связи с Киевской Русью. Грушевский ответил, что его интересовал в данном случае только юг, а не север, и он намеренно сузил свою задачу. Через несколько лет Грушевский подарил Владимиру Ивановичу второе издание своей книги, на этот раз на общерусском литературном языке, созданном столько же усилиями великорусов, как украинцев и белорусов. В. И. удивился и спросил его, почему же не на украинском? «Не расходится» — сконфуженно ответил Грушевский. «То-то, — ответил В. И., — поздно вы свое дело затеяли, вот если бы лет на полтора раньше — было бы другое». В. И. находил, между прочим, что гениальность Гоголя проявилась именно в его сознательном отказе от «украинской мовы» («бандуры», по выражению одного моего статистического сотрудника, долго работавшего на Украине) в пользу общерусского литературного («великолепного рояля», по выражению того же сотрудника). Все это я слышал от В. И. лично. Мой дед Андрей Парфенович Заблоцкий-Десятовский был украинец по

⁷В этом отношении его мнение имело немало общего с мнением финляндцев 1840-х годов Тенгстрема и Снельмана.

происхождению, и его отношение к «мове» было в общем такое же.

Вместе с тем В. И. был чрезвычайно рассеян, и когда из-за этого происходили целые ряды забавных инцидентов, он сам первый от души смеялся. Вообще такие чистые, светлые, честные личности, как он, встречаются во все века и у всех народов как редкое исключение.

Последнюю неделю 1914 и первую четверть 1915 года мы провели, как всегда, в Метцакюле у М. П. Сермягиной, и, на близком расстоянии, Роман окончательно закрепил ту починку здоровья, которой начало было положено в пансионе Хорн.

В связи с нуждами войны при Академии Наук, по мысли академика и члена Государственного Совета по выборам Владимира Ивановича Вернадского, была образована под его председательством большая междуведомственная комиссия для изучения естественных производительных сил России. Секретарем в ней был молодой сотрудник Вернадского по Минералогическому музею и ученик его по Московскому университету Александр Евгеньевич Ферсман, будущий академик, человек исключительно энергичный, способный, живой и доброжелательный. Я был выбран в комиссию, вместе с Шокальским, делегатом от Совета Географического общества. Заседания ее были интересны и продуктивны. Вернадский дал весьма удачную классификацию естественных производительных сил, термин, который был удачно применен еще в 1896 году в сборнике для Нижегородской выставки В. И. Ковалевским.

Мой приятель Василий Юльевич Кузнецов приехал из Приамурья, куда он перевелся на службу с Урала, ибо там он разошелся с правлением Шуваловских платиновых приисков в вопросах эксплуатации, находя приемы проводимые правлением, хищническими и в то же время несправедливыми по отношению к населению. В Приамурье он направился по золотому делу. Попав в горные верховья реки Селемджи, он открыл здесь богатейшие месторождения вольфрама и привез образцы руды в Петербург для их лабораторных исследований. Когда он мне об этом рассказал, я посоветовал ему написать статью об его открытии, что он и сделал, а я устроил через А. Е. Ферсмана эту статью в одно из изданий комиссии по изучению естественных производительных сил России, где она и была напечатана. Я ее сам читал перед сдачей в комиссию: она давала, вместе с специальным геологическим и горно-разведочным, также и очень интересный географический очерк района, до того совершенно не описанного в литературе. Председатель отделения этнографии Географического общества, преемник покойного В. И. Ламанского, непреременный секретарь Академии Наук Сергей Федорович Ольденбург предложил в Совете Географического общества возобновить географический словарь в память моего отца, назвав его Семеновским. При этом он предлагал на заглавном листе поместить изображение медали Географического общества, носящей имя Петра Петровича, с его профилем. Совет принял предложение Ольденбурга, и под председательством Ю. М. Шокальского был образован редакционный комитет для разработки программы издания, куда вошли, кроме председателей отделений, академик Алексей Александрович Шахматов и я. Меня это дело живо заинтересовало, и я представил проект содержания словаря, причем обратил особое внимание на картографические иллюстрации, отсутствовавшие в первоначальном словаре, вышедшем под редакцией покойного отца. Когда зашла речь об ответственном редакторе словаря, я выдвинул кандидатуру Л. С. Берга на случай его возвращения из Москвы в Петербург и обещал ему помогать. Редакторами были выбраны мы оба.⁸ Когда был поставлен вопрос о территори-

⁸Ольденбург, не жалувавший Шокальского, но одинаково расположенный ко мне и к Бергу, впоследствии после смерти Д. Н. Анучина, говорил, что в России есть только два одинаково выдающихся географа — это я и Л. С. Берг, и при этом прибавлял, что ему особенно нравится то, что головы у нас обоих совершенно

альном охвате словаря, то, по моему предложению, была признана таковой территория всей Российской империи, в отличие от первого словаря, в котором отсутствовали Финляндия и Польша.

Относительно полноты номенклатурных названий было решено, опять-таки по моему предложению, с энергичной поддержкой Шахматова, включить в рукописный материал черновых карточек словаря полностью весь номенклатурный материал из наиболее крупных для каждого района существующих топографических карт и исчерпывающих списков населенных мест, а также и весь топонимический материал из опубликованных географических описаний, при этом списки литературы по каждому названию должны были включать в себя обязательные указания на основные географические карты, где можно встретить наилучшее изображение данного места. Когда такой карточный каталог будет готов, надо его тщательно просмотреть и затем уже решить, печатать ли его целиком или выборочно и, следовательно, соответственно составлять описания для словаря. Но так как в такой форме географический словарь составляется впервые, то надо написать несколько готовых образцовых статей для словаря, со специально составленными для них картографическими иллюстрациями, на различные наиболее типичные в методологическом отношении темы и, снабдив их списками использованной литературы карт и списком принимаемых сокращений слов в словаре, общей программой словаря и легендой условных знаков для карт, отпечатать все это в виде пробного выпуска, который и разослать для критики различным научным учреждениям и лицам и только после получения от них отзывов и ответов приступить к составлению всего словаря, распределив его работы между целым рядом платных сотрудников.

Такой метод работы представлялся наиболее научно-объективным и ценным и был принят комитетом. Я предлагал дать в словаре еще фотографические изображения некоторых описываемых мест, которые имели бы не только большое образовательное, но и практическое значение для возможности воспроизведений их в учебниках и пр., но встретил возражения Ольденбурга, и мое предложение не прошло в редакционном комитете. Позднейшее показало однако, что такое мое предложение было совершенно не лишним, а очень важным и нужным. Все дело было за ассигнованием немалых государственных средств на составление и издание словаря, и это дело затянулось вследствие военного времени. Кроме редакционного комитета словаря в Географическом обществе работал организационный комитет по созыву международного географического конгресса в Петербурге, в котором и я работал, но затяжка войны неблагоприятно затянула и его работы.

16 февраля 1915 года было соединенное заседание отделений физической и математической географии в Географическом Обществе, на котором инженер Чубинский сделал сообщение «Приамурский край — результат его исследования в географическом и экономическом отношении», в котором автор между прочим предлагал объединение в одном междуведомственном учреждении всех статистических и картографических работ. В заседании присутствовал бывший товарищ министра внутренних дел, а тогда член Государственного Совета Николай Алексеевич Зиновьев, про которого рассказывали, что он любил набирать для своих домашних вечеров среди подчиненных ему молодых чиновников игравших на музыкальных инструментах и что от этой повинности нельзя было отказываться без риска повредить своей карьере. Зиновьев высказал сомнение в целесообразности постройки новых дорог, так как пригодность края для заселения не выяснена, а экономическое состо-

разные и что одна дополняет другую.

яние края не обрисовано с исчерпывающей полнотой. Вопрос же о создании учреждения, которое объединяло бы в себе статистические, картографические и др. работы, едва ли получит положительное разрешение законодательным путем. На это чисто чиновничье заявление я выразил свое полное сочувствие всем мыслям Чубинского и прибавил, что идея объединения всех статистических и картографических работ в одном междуведомственном учреждении неоднократно высказывалась и покойным вице-председателем Общества, моим отцом. Сочувствие собрания было явно на стороне моей и Чубинского.

В договоре покойного Петра Петровича с Эрмитажем были слишком растянуты сроки уплаты за запроданную им картинную галерею. Поэтому после его смерти управление Эрмитажа, получив от нас, сыновей, все картины и фотографии, не торопилось с уплатой, и пришлось много хлопотать братьям Валерию и Измаилу, чтобы получить с Эрмитажа единовременно всю сумму, которая и была выплачена облигациями военного займа. Их, впрочем, по частям можно было менять и на другие процентные бумаги. Проценты, получаемые нами с этих ценных бумаг, с некоторым избытком заменили каждому из нас то денежное пособие, которое отец ежемесячно давал из своего кармана при жизни. При разделе двух заложенных имений Петра Петровича — Гремячки Рязанской губернии и Петровки Тамбовской — я и брат Андрей отказались от владения ими в какой бы то ни было мере, предпочтя получить в будущем, после их выкупа, процентными бумагами ту долю из их стоимости, которая придется на каждого из нас. Таким образом Гремячку взяли в свое владение пополам братья Дмитрий и Валерий, а Петровку — брат Измаил. При этом официальное утверждение в правах наследства сильно затянулось, и фактически полномочным распорядителем его еще никто не был.

Николай Мартынович Штрупп, уволенный в отставку по болезни с пенсией, жил сначала в Гатчине, а затем по состоянию здоровья его нельзя было уже держать дома. Поэтому он был сначала переведен в частную психиатрическую лечебницу доктора Оршанского в Петербурге, а потом — в психиатрическую больницу всех скорбящих, по Петергофскому шоссе за Путиловским заводом. Прогрессивный паралич у него двигался быстро. В марте 1915 года он скончался 44 лет от роду. Его родные и сослуживцы, в числе которых был и я, ездили в больницу на панихиду. Вид у него был совершенно нормальный. Меня тронуло, как просто отнеслась к его смерти его вдова Татьяна Николаевна. Она не плакала и, ласково глядя его по волосам, со спокойствием, свойственным только лицам медицинского персонала, к которым она тогда не принадлежала, рассказывала об его последних днях. Затем его похоронили в нашем присутствии на Митрофаниевском кладбище после отпевания в местной церкви. В апреле скончалась от рака внутренней стороны щеки Верина тетушка Олимпиада Ивановна Поленова около 78 лет от роду. Последний год она очень страдала, но со своим в высшей степени выдержанным характером прекрасно собой владела и даже присутствовала на похоронах своего брата В. И. Ламанского в конце ноября 1914 г. Так как у ней была поражена большая часть лица, то отпевали ее в закрытом гробу и похоронили на кладбище Новодевичьего монастыря. Спустя самое короткое время после того у моей матери Елизаветы Андреевны повторился удар, на этот раз тихо и очень серьезно. Это была нервная реакция на тяжелую потерю в лице Петра Петровича, которую она перенесла за 14 месяцев до того. Чувствуя себя скверно, она как-то сказала мне: «Все пошло вкривь и вкось», а перед тем не раз жаловалась, что у ней по утрам делается в голове какой-то туман. В апреле у нее замечались затруднения в речи, и ей легче было почему-то объясняться по-немецки, чем по-русски. В мае она совсем потеряла способность речи, которая к ней так и не вернулась. Желая объясняться, она писала записки, но не могла в них доканчивать

фраз, так что понимать их было очень трудно. Впрочем, характерное для нее в течение всей жизни нервное постукивание по столу четвертым пальцем правой руки оставалось по-прежнему. Затем она как-то раз молча принесла и передала брату Андрею что-то из вещей, которые она при себе всегда имела. Очевидно, она осознала, что дни ее сочтены. Лечил ее, за отсутствием Лингена, доктор Гольцингер, основательный врач и остроумный собеседник. Он находил у нее признаки старческого слабоумия на почве быстро развивавшегося склероза.

В апреле у С. В. Ламанского и его жены Антонины Васильевны родился первенец Александр. Проводя Пасху у М. П. Сермягиной в Метцакюле, мы собирались снять на лето одну из ее дач, но все они оказались уже нанятыми. Поэтому мы подыскали себе в Метцакюле другую дачу и условились с молодыми Ламанскими жить на ней летом вместе, причем мы занимали низ, а они — верх. Когда мы переезжали на дачу, то взяли с собою туда, по рекомендации Веринной двоюродной сестры Веры Яковлевны Таскиной, для усовершенствования наших сыновей во французском языке, француженку средних лет, бывшую учительницу сыновей В. Я. Она была какая-то полубольная и рассказывала, что в 1914 году находилась в Бельгии в Спа во время нашествия германцев и была захвачена, причем во время какой-то перестрелки пуля попала в нее и застряла в мягких частях тела. Каким образом она выбралась в Россию, было неясно. Перевезя свою семью на дачу, я вернулся в Петербург и случайно прочел в газетах известие о смерти Зины Райской, ровесницы нашего Володи, старшей дочери наших знакомых Д. П. и С. Г. Райских. Отправившись на панихиду по ней в покойницкую Петропавловской больницы, я узнал, что она умерла от флегмоны, осложнившейся ангиной. Для лиц, постоянно ездящих ненадолго в Финляндию и возвращающихся оттуда, по случаю военного времени требовался особый пропуск с фотографической карточкой. Поэтому я снялся в фотографии на Большом проспекте Васильевского Острова у Андреевского собора. Снимок en face вышел настолько удачным, что я заказал дюжину фотографий. С начала 1915 года я начал усиленно седесть, и моя мать, заметив это, а пока она еще говорила, спрашивала меня: «Отчего ты уже такой седой?». В июне я ездил то на дачу, то в был в Петербурге на квартире у матери. Она быстро угасала и все также была нема. Раз, во время чая, происходившего в комнате с полукруглым венецианским окном (столовая была перенесена сюда) я, разговаривая с кем-то, случайно встал и сел на подоконник. Когда я пересел затем на свое место за стол, моя мать встала, совершенно как я, села на подоконник на мое место, посидела молча несколько минут и затем вернулась на свой стул. Ясно было, что она делала подражательные движения подобно малому ребенку, ибо никаких иных поводов к ее пересаживанию не было. Все время она была на ногах, но очень бледна, и у нее было постоянное неукротимое желудочное расстройство. Для всех было ясно, что настали ее последние дни. К ней пригласили ухаживать сестру милосердия О. Д. Васильеву, знакомую Николаевских. Около 1-го июля, получив двухмесячный служебный отпуск, я уехал в Метцакюлю. 17 июля я там получил от брата Андрея телеграмму с извещением, что мать скончалась в этот день. Мы тотчас же поехали с Верой в Петербург. В гробу Елизавету Андреевну нельзя было узнать: хотя она и была чрезвычайно худа, но разобрать черт лица было невозможно. Похоронили мы ее на Смоленском кладбище рядом с отцом и сестрой. Будучи на 15 лет моложе Петра Петровича, она пережила его всего лишь менее чем на полтора года, умерев в точности в том же возрасте, как и ее отец Андрей Парфенович, а впоследствии сестра Ольга Андреевна — видимо, это был фамильно их предельный возраст.

Погода летом была в общем хорошая. К нам на дачу нередко заходила крестница

М. П. Сермягиной, жившая у ней, очень симпатичная барышня Ариадна Михайловна Гурьева, умершая через год-другой после того. С нею и с сыновьями я нередко ходил на рыбную ловлю на р. Линдулу близ нижней мельницы, но там попадалась лишь мелочь. Зато грибов было невероятное количество, и мы их усердно собирали. В одну прогулку я с обоими сыновьями находил в заветном месте под мелкими соснами до 100 боровиков. Народная примета об изобилии грибов в год войны полностью оправдывалась. Ходили мы также не раз в Мариоки, где храм и лестница к нему были закончены, и любовались оттуда видом на море, Кронштадт и Петербург вдаль.

Чтение газет с военными известиями поглощало ежедневно много времени. Было совершенно ясно, что, неизменно побеждая, с массами пленных, австрийцев в Галиции и турок на Кавказском фронте, с германцами мы сравниться технически не можем, а так как война с ними носила вследствие этого механический позиционный характер, то мы принуждены очень медленно уступать им, пядь за пядью, территорию Польши, Западного края и Прибалтики. На ошибку же Наполеона I, с быстрым завлечением его в глубь страны, они сознательно не шли. Всех приезжающих в 1914–16 годах в Россию иностранцев поражала общая ненарушимость повседневной жизни и быта внутренне, несмотря на неслыханные в истории человечества размеры войны, в которой она участвовала самым деятельным образом, в то время как на западе все страны, даже и нейтральные, неудержимо дрожали в общем ознобе. Это была, как и в 1812 году, в «стране неограниченных возможностей», как они говорили, пассивная потенциальная географическая мощь колоссальных пространств в суровых климатических условиях и огромной абсолютной массы населения, с неисчислимыми запасами жизненных припасов, которая, по справедливым словам одного пленного австрийца, попавшего в Сибирь, делала бы ее действительно непобедимой при условии внутреннего равновесия управления: временные утраты самых обширных приграничных полос были, в сущности, только узкими обрезками с краев, которые, в конце концов, как в свое время Крым, все равно пришлось бы вернуть той стране, с которой они неразрывно географически спаяны, а в этих приграничных полосах к тому же не было таких материальных ценностей, которые, будучи разрушенными, не могли бы быть восстановлены в сравнительно короткий срок с умеренными затратами. Но внутри страны давным давно не было никакого равновесия сил созидających и сил разрушающих, что в конце концов вело с возрастающим ускорением к общей разрухе. У нас в тылу развивался не умолкавший конфликт между силами общественными, объединившимися в целях помощи армии и флоту в земский и городской союзы, и силами бюрократическими, чиновничьими, державшими нос по ветру придворной камарильи, которая, в свою очередь, ориентировалась на воскресшего Распутина. Между тем немецкий шпионаж свободнее чем где бы то ни было действовал всюду. Как-то, не знаю по чьей мысли, было через посредство одной из нейтральных держав заключено соглашение с Германией об одновременном осмотре концентрационных лагерей военнопленных лицами женского пола, якобы совершенно аполитичными. Не помню, кого для этой цели уполномочили ехать из России в Германию, но Вильгельм, конечно, прислал аристократку-шпионку. Она должна была посетить, с целью осмотра лагерей, Сибирь. Сопровождать ее и следить зорко за ее поведением был назначен оправившийся от тяжелой контузии головы мой племянник Михаил Дмитриевич, хорошо владевший немецким языком со времени своего студенчества в Гейдельберге. Они вместе объехали сибирские лагеря военнопленных немцев, и ему досталась очень трудная и хлопотливая задача ставить ее на надлежащее место, ибо попытки так или иначе шпионить она обнаруживала непрерывно.

Царские министры стали меняться все чаще и чаще. Постоянно повторялась крылов-

ская басня «Квартет». Министр торговли и промышленности С. И. Тимашев ушел, и на его место были назначены за короткий двухлетний срок один за другим Философов [8], Шипов, Барк [9] и кн. Шаховской. Вместо В. В. Прилежаева, назначенного товарищем министра, моим непосредственным начальством — управляющим канцелярией министра был сделан П. А. Беклемешев, человек неглупый и хорошо ко мне относившийся. В связи с военной промышленностью обнаружился относительный топливный кризис. Надо было привести статистически в известность имевшиеся налицо в России запасы топлива по отдельным населенным пунктам анкетным путем. Эта задача была возложена на министерство торговли и промышленности, которое поручило ее мне. Формы анкеты были мною составлены, разосланы на места и получены на них ответы, за качество которых, конечно, ручаться было нельзя, но, во всяком случае, результаты были обработаны и напечатаны в секретном порядке. Личного экземпляра издания у меня не сохранилось. Рождество мы по-прежнему проводили у М. П. Сермягиной в Метцакюле, где поблизости, на даче генерала Куропаткина, был устроен военный лазарет.

В общем 1915 год принес в первой своей половине продолжение утрат родных, начавшееся в 1914 году. Они не были неожиданными. Ясно обозначившаяся затяжная война срывала осуществление намечавшихся новых научных трудов, и можно было довольствоваться лишь продолжением ранее начатых работ, из которых самой крупной была «Торговля и промышленность по районам». В отделе торговли нашего министерства был отпечатан, но еще не выпущен в свет новый исчерпывающий список ярмарок всей России в табличной форме, без объяснительного текста и предисловия, которые еще не были даже написаны. Я достал для работ по торговле и промышленности два экземпляра этого труда и один из них начал обрабатывать сам единолично для себя, с чисто географическим подходом. Работу я вел в Статистическом отделении урывками, между текущим делом, вольно комбинируя ярмарки так, как это было мне нужно, составляя частично пояснительные картограммы и карты, а также и пояснительный текст, в котором получалось немало неожиданных для меня самого, интересных экономогеографических выводов. К сожалению, эта работа впоследствии погибла.

Как уже говорилось выше, Петр Петрович перед самой своей кончиной был занят подготовкой к печати второго дополненного издания III и IV томов своих мемуаров, посвященных эпохе освобождения крестьян, так как первое издание их, на правах рукописи, вышедшее в ограниченном количестве экземпляров в 1911 г., уже разошлось. После своей смерти он оставил, кроме того, рукописи I и II томов и сумму на печатанье всего труда. Брат Валерий с К. Я. Гротом занялись сначала печатаньем второго издания III и IV томов, которые и вышли в свет в 1915 и 16 годах, а тем временем он же и я занялись подготовкой и печатаньем I и II томов. При этом мне пришлось чертить самому к I тому («Детство и юность») две карты, план и родословную Петра Петровича, а ко II тому («Путешествие в Тянь-Шань») — карты. Кроме того, мы с братом Валерием усердно занялись историческими и отчасти географическими комментариями к обоим томам, и он даже ездил в Москву, где в архиве департамента герольдии Сената раздобыл немало точных исторических справок о различных предках Петра Петровича, вошедших в комментарии. В этой работе нам помогал К. Я. Грот, корректуру вели, кроме нас, также братья Андрей и Измаил, причем первый проверял латинские названия животных и растений во II томе. I том с фотографическими иллюстрациями вышел в свет в 1917 г. и в течение этого же года должен был выйти в свет и II том, но тогдашние события и недостаток средств прервали печатанье на половине тома.

В начале 1916 года (в феврале) Александр Иванович Воейков, заболев в Петербурге

воспалением легких, через несколько дней скончался 74 лет от роду. Говорили, что незадолго до своей смерти, сознавая свою беспомощность в борьбе с болезнью, он сказал своим близким: «Делайте со мной, что хотите». Похоронен он был в нашем присутствии на кладбище Александро-Невской лавры. Я поместил в газетах поминальную статью о нем, а через несколько времени в Географическом обществе состоялось заседание в его память, где выступил ряд членов общества с речами в его память, в том числе и я. Моя речь растрогала его близких и в особенности вдову Гарднер до слез. Таким образом на протяжении двух лет не стало трех столпов общества — трех моих учителей, и я с тех пор остался один хранителем их географических приемов и традиций, старавшимся развивать и углублять то, что я от них усвоил в области чистой географии, не сбивающейся на соседние скользкие дорожки и не упирающейся в различные тупики. Хотя я и создал свою вполне самостоятельную теорию географии, но нет теории вообще, которая не выросла бы из своих предтеч; моими же предтечами были эти три светоча, родных, а не иностранных. Знакомы мне были лично еще два русских географических светоча — В. В. Докучаев и Г. Ф. Морозов, умерший позднее; из них первый был даже моим профессором минералогии и кристаллографии в университете; но оба они, как более специальные, не касавшиеся географии человека, были мне менее близки; ближе их мне был еще один географический светоч, не касавшийся, впрочем, географии человека, с которым я также был знаком, а именно С. Н. Никитин, но близок он мне был как геоморфолог, я же шел в географию через геологию и, следовательно, геоморфологию.

«Выхождение» знакомых «в тираж из жизни», как в свое время любил выражаться Петр Петрович, за годы европейской войны еще не закончилось: в то же время умер еще Д. П. Райский, муж Веринной гимназической товарки Сарры Григорьевны Щелкиной.

Так как я не считал себя связанным чем-либо в организовавшихся географических курсах при Докучаевском почвенном комитете, обращавшихся в это время в Географический институт, то я независимо подал в совет Географического общества записку о необходимости учреждения географических факультетов при русских университетах вообще, не получившую, впрочем, движения. В то же время, прочтя вступление к печатному курсу лекций академика А. А. Шахматова по истории русского языка и не будучи согласен с его новым взглядом на прародину славян в Прибалтике, я написал статью «Географические соображения о расселении человечества в Евразии и о прародине славян», которую, по совету Л. С. Берга, отправил в Москву проф. Д. Н. Анучину, а тот ее напечатал в журнале «Землеведение». Затем я представил в комиссию по изучению естественных производительных сил при Академии Наук записку о переустройстве государственной картографии, а в совет Географического общества — записку о безграмотности многих официальных географических названий и о необходимых в этом отношении реформах на будущее время; далее я поместил в «Известиях» Географического общества рецензию на хороший русский путеводитель по Финляндии Тимофеева, изданный в Гельсингфорсе, в котором не было шведско-финской политической тенденциозности известного путеводителя Гранстрема по Финляндии, изданного там же на русском языке, где прямо писалось о русских как о врагах Финляндии вообще. Наконец, я написал газетную статью «О познании России после войны», в качестве возражения профессору П. И. Георгиевскому, поместившему перед тем в газетах что-то глупое на эту тему.

Бывший министр земледелия, член Государственного Совета Алексей Сергеевич Ермолов как-то неожиданно приехал ко мне на дом и предложил вступить в число основателей устраиваемого им под своим председательством нового Общества туризма и отчизноведе-

ния. Застал он меня за писанием пастелью картины «Выборгский залив» для С. П. Бобина⁹. Я охотно согласился и по его приглашению выступил с речью на торжественном открытии общества. Просуществовало оно, впрочем, очень недолго, так как Ермолов вскоре скончался. Я еще составил для этого общества подробную программу туристической экскурсии на Урал и проект постоянных выставок географического пейзажа при обществе, что было, в сущности, предтечей осуществленного мною три года позднее Центрального Географического музея, но я об этом и не подозревал тогда, а при осуществлении музея совершенно забыл о таком моем проекте. При составлении проекта постоянных выставок географического пейзажа мое неведение возможных практических его последствий был равно такому же неведению авторов открытий икс-лучей и радия. Это, впрочем, случается при большинстве научных достижений, которые совершаются обычно без заранее обдуманного намерения, просто из одной любознательности, как справедливо отметил Менделеев («наука для науки»).

В марте 1916 года, в день взятия русскими войсками австрийской крепости Перемышля в Галиции, мы с Верой купили, при посредстве приятеля покойного И. В. Покровского музыканта Семена Викторовича Панченко, ореховое пианино фабрики Беккера за 600 рублей. Панченко его нашел для нас, и оно совершенно подошло под стиль нашей гостиной мебели. До того времени с самого дня нашей свадьбы, в течение 20 лет никакого музыкального инструмента у нас не было вовсе по неимению средств, хотя Вера умела играть на фортепьяно, а я был любителем музыки, покупавшим для себя и для нее ноты. Пасху мы, по обыкновению проводили у М. П. Сермягиной в Метцакюле.

Постоянные кратковременные поездки в Метцакюлю и более длительные на южное море для подкрепления здоровья Романа навели меня на мысль, в связи с моим отказом от владения какой-либо частью отцовских имений в Рязанской и Тамбовской губерниях, а также имения матери в Самарской губ. и ее же дома на 8-й линии Васильевского Острова, о приобретении двух дачных участков — одного в окрестностях Петербурга и другого — на Черном море. Подобные же мысли относительно Черного моря были и у Бобиных. На обоих участках я мечтал построить по даче; каждая из них могла бы впоследствии достаться одному из наших двух сыновей. Когда я однажды сообщил свои мысли К. Г. Голубкову, он предложил мне принять немедленно участие во вновь организуемом дачно-курортном крымском обществе «Ласпи», куда он сам записался акционером, а я сообщил об этом С. П. Бобину, который незамедлил сделаться акционером, внося сразу весь пай. Общество только что приобрело у некоего Вассала его имение Ласпи на крайней юго-западной оконечности Крымского полуострова рядом с Батилиманом, где только что перед тем был устроен интеллигентный дачный поселок другим объединением, часть членов которого приняла участие и в этом деле.

Имение Ласпи, заключавшее, кажется, 800 десятин, было приобретено в кредит у владельца за 1. 800 тысяч рублей. Местность Ласпи, окружающая подковой одноименную бухту, имеет верхней границей невысокие, но очень живописные известняковые горы, склоны которых к морю почти так же круты, как это обычно бывает в западной половине южного берега Крыма, и красивее, чем Батилиман. Она составляет самую южную точку Крыма. Естественная лесная растительность и фауна здесь очень богаты, и среди них имеются редкие реликтовые формы. Бухта изобилует разнообразной рыбой, и здешняя рыбная ловля славится на весь Крым. В имении было несколько хозяйственных построек. Согласно плану,

⁹Эта картина впоследствии попала в Центральный Географический музей.

разработанному лучшими инженерами и архитекторами, среди которых были такие имена, как Фомин и др., вся площадь Ласпи разбивалась на множество участков, из них большие в центре отводились под общественный парк, курорт и хозяйственные сооружения, а остальные, более мелкие, предоставлялись акционерам под дачную застройку, причем тут же организовывалось и строительное общество, бравшее на себя подряды по постройке дач в кредит, с рассрочкой платежей. Стоимость одного пая была определена в 3 000 рублей, и за него акционер получал участок. Они были различной величины в зависимости от зоны, в которой располагались: так, в нижней приморской зоне, где земля наиболее дорога, они были наименьшие, в средней зоне букового леса — больше, а самые обширные — в верхней горной зоне. Впрочем, можно было брать за вдвое или втрое большую сумму соответственно большие участки в любой зоне. В средней буковой зоне акционер получал участок площадью в 1/3 десятины за пай в 3 тыс. р.

Посоветовавшись с врачами, я сделал заявку на участок именно в этой буковой зоне, внес первый взнос пая в размере 800 р. И по плану выбрал местность близ старой экономии, недалеко от предполагаемого фуникулера, который должен был доставлять нас вниз к морю во время прогулок.

Общество издало альбом фотографических видов Ласпи и планов, экземпляр которого предоставлялось иметь каждому акционеру. Общие собрания акционеров происходили довольно часто в частном коммерческом банке на Морской улице. Среди акционеров было очень много известных и знакомых лиц самой разнообразной материальной мощи: тут был и Ф. И. Шаляпин с его на редкость приятным, необычайно мягким голосом в разговоре, и другие артисты, художники, писатели, ученые, инженеры, общественные деятели, учителя и пр. — одним словом, «цвет общества», но не пустого, а серьезного, среди которого было очень мало чиновников и военных. Временным председателем был один седой адвокат, которого довольно быстро свергли за узкое понимание общественных интересов, причем душой этого свержения был акционер горный инженер П. А. Пальчинский, которого я видел впервые, хотя много слышал о нем на Косыньском платиновом прииске на Урале от В. Ю. Кузнецова, ему не сочувствовавшего, хотя и признававшего его талантливость. Я ничего не понимал в причинах свержения и, так как я органический противник всяких разрушительных действий, от кого бы они ни исходили, то по психологическим мотивам голосовал с меньшинством против свержения временного председателя. Когда мой знакомый член Географического общества, акционер Ласпи, инженер путей сообщения Сергей Николаевич Сысоев, в скором времени умерший, восхищался талантливостью Пальчинского, я ему ответил, что не сочувствую разрушителям, хотя бы умным и талантливым. Было выбрано новое правление, куда попал и Пальчинский, но в качестве простого члена, а председателем был выбран кто-то другой, но кто — не помню. Вообще во всей этой кухне я участия не принимал никакого и держался как рядовой акционер-ласпиец. Общество существовало до конца следующего 1917 года и затем распалось.

К. Г. Голубков указал мне и на случай к приобретению другого дачного участка в окрестностях Петербурга, именно в имении гласного городской думы Янсона близ Лемболова по строившейся в это время железной дороге Петербург — Токсово — Лемболово — Расули — Кексгольм в Финляндии.¹⁰ Сговорившись предварительно в Петербурге с Янсоном, я поехал в двадцатых числах мая в Лемболово осматривать дачные участки в его имении. Ко мне присоединились Н. Ю. и Э. Г. Шмидты, у которых тоже явилась мысль приобрести

¹⁰Эта местность находится в нескольких верстах от нынешней железнодорожной станции Васкелово.

там себе участок. Железная дорога на Токсово–Лемболово–Расули–Кексгольм еще не была готова, а потому мы поехали по Финляндской ж. д. до Парголова. В поезде мы случайно встретили брата Валерия, который ехал тоже в Лемболово с целью арендовать охотничий участок у каких-то местных землевладельцев или крестьян, не помню точно. В Парголове мы все пересели в почтовую коляску и оттуда направились по шоссе в Лемболово через Вартемяки (около 25 верст). По дороге мы видели мирно пасшихся близ шоссе зубров в заповеднике кн. Вяземского. Направо — на востоке вдаль на горизонте синела гористая линия Токсовских высот. В селе Лемболове, тянущемся по шоссе с левой, западной стороны Лемболовского озера, мы останавливались на почтовой станции, где и закусили взятой с собой провизией в садике при станции, а затем пересели на обывательские каравашки и поехали далее к востоку. Брат Валерий скоро свернул куда-то в сторону, а мы проехали по перешейку между длинным Лемболовским озером с островом и кирхой и круглым озером Ройкой. Здесь на песчаном пригорке мне очень приглянулся участок с вековыми, толстыми соснами, оказавшийся уже во владениях Янсона. Далее мы поехали в усадьбу Янсона. Он нас любезно принял и угощал чаем на веранде. День был жаркий, у Э. Г. от жары разболелась голова. Во время чая нашла небольшая тучка с громом и теплым, коротким дождем, освежившая воздух. Я сказал Янсону об участке, понравившемся мне, и он изъявил свое принципиальное согласие продать мне его, но о цене и размере участка мы решили условиться в Петербурге, так как подробного плана здесь под рукой у него не было. Шмидты заявили, что и они не прочь приобрести здесь себе дачный участок рядом с намеченным мной. Затем мы распрощались с Янсоном и поехали обратно тем же путем. По дороге мы снова встретились с братом Валерием, сказавшим нам, что охотничий участок у него наклеивается поблизости от намеченного мною места, и он думает там соорудить охотничий домик. Впрочем, дальнейшие мои переговоры с Янсоном приостановились, так как он уехал куда-то на продолжительное время, а у брата Валерия дело тоже почему-то затянулось.

В апреле и отчасти в мае месяце, раньше моей поездки в Лемболово, была продолжительная холодная и большею частью дождливая погода. В это время Николаевское кавалерийское училище (бывшая школа гвардейских подпрапорщиков и кавалерийских юнкеров) устроило торжественное открытие в своем саду на Петергофском (Лермонтовском) проспекте сооруженных ею бронзовых памятников трем наиболее выдающимся своим питомцам — поэту М. Ю. Лермонтову, моему отцу — Петру Петровичу и композитору М. П. Мусоргскому. Памятник отцу был работы скульптора Лишева. Мы все пять братьев получили приглашение на открытие. Но в те времена существовало глупое правило, согласно которому всем приглашенным, и военным, и штатским, находившимся на государственной службе, полагалось присутствовать на таких торжествах в полных мундирах с орденами, и только не находившиеся на службе могли быть во фраках. Все мои братья и племянник Шура, обучавшийся в это время добровольцем в военной школе, присутствовали, в том числе брат Андрей, как не состоявший на службе, был во фраке. У меня же никогда и в заводе не было мундира, а потому я уклонился, сказавшись нездоровым. В сущности, я был рад своему отсутствию, так как на торжестве присутствовали великие князья, а это всегда вносило какую-то фальшь и натянутость, ибо выходило так, что им уделялось больше внимания, чем виновникам торжества, даже если они держали себя вполне корректно во всех отношениях. Достаточно отметить, что всякие торжественные речи в таких случаях полагалось начинать так: «Ваши императорские высочества, милостивые государыни и милостивые государи, в сегодняшний знаменательный день мы празднуем» и т. д.

Лечивший меня и Веру доктор Аполлон Аполлонович Белоголовый нашел у меня вес-

ной некоторые первичные признаки склероза, а потому прописал мне йод. Но лишь только я начал его принимать, как у меня обнаружилась резкая гликозурия, сопровождавшаяся истощением. Белоголовый испугался, тотчас же отменил йод, предписал усиленное питание и посоветовал летом на время отпуска ехать в Финляндию не менее чем на два месяца в Нишлот для лечения углекислыми ваннами. В начале июня, улучив на службе 2-3 дня, я поехал, в сопровождении Володи в Нишлот нанимать нам помещение. Вперед мы проехали по железной дороге через Выборг-Элисенваару, остановились ночевать в нишлотской гостинице и наняли помещение на окраине города недалеко от железнодорожного моста через озерный пролив Кюронсальми. Возвращались мы из Нишлота на пароходе по озерам Коконсельке, Хапавеси и Сайме до Вуоксеиниски в истоке Вуоксы, а оттуда по железной дороге.

Чрезвычайно оригинальна и поучительна жизнь внутренней Финляндии в пределах ее так называемого «Центрального озерного плато». Это изумительно сложный лабиринт прихотливо-извилистых, больших и малых озер, соединенных между собой протоками и покрытых бесчисленным множеством больших и малых островов. Достаточно сказать, что на одной Сайме островов насчитывается много тысяч.

Тихо идет пароход по сине-стальной воде озерного лабиринта. Острова с их морщинисто-ветхими гранитными скалами, поросшими лесом, мелькают ежеминутно со всех сторон. Вода спорит с землей за преобладание, и не знаешь, на чьей стороне победа. Пароход давным давно заблудился бы в лабиринте, если бы не бесчисленные кабалистические знаки белой краской на прибрежных камнях, верно указывающие путь «кумпели» по-фински (вероятно, от русского «купол»). Прибрежные ясно видимые селения чрезвычайно редки — по одному в течение нескольких часов, а то все безлюдный и безмолвный лес по берегам. Тем не менее, пароход чуть не каждые четверть часа утыкается носом в еле заметные серые плотики у подножья скал. Тотчас же по извилистой, спускающейся с пригорка дорожке неожиданно вылезают откуда-то из глубы лесов люди, приносят товары, грузят их молча на пароход, иногда приведут на него для отправки какого-нибудь непокорного быка; откуда-то из-за островов подъезжают утлые челны с людьми; люди, в свою очередь, сходят с парохода и уходят по дороге с пожитками. Выгружают на плоты с парохода кое-какой товар с надписями, кому следует его получить, получатели же могут за ним придти хоть через несколько дней: он может испортиться от дождя на открытом плоту, но никто его не стирает.

Вся эта процедура остановки, выгрузки и погрузки длится несколько минут, а затем все бесследно исчезает в бесконечном и безмолвном лесу. Совсем как на охотничьей облаве, когда спугнутое звериное население выскакивает на минуту из-за деревьев и кустов с тем, чтобы тотчас же сгинуть. Вот пароход прозевал один из плотиков и прошел мимо, не останавливаясь. Тотчас же на плотике, как по команде, появляется откуда-то из-за леса более десятка человек, кричат, машут, сияясь вернуть пароход и укоряя его за невнимательность. Очевидно, все эти плотики и частые остановки парохода крайне нужны для своеобразной лесной жизни местного редкого населения, для всех этих исконных «криптозоев» (т. е. скрытно живущих), как сказали бы древние греки.

А вот и уездный город Нишлот на берегу озер Коконсельке и Хаукивеси, с его старинной каменной шведской крепостью. У набережной столпилось сразу шесть небольших, наполненных публикой пассажирских пароходов, да три таких же полных парохода еще подходят. Причалили. Через несколько минут все шесть одновременно отчаливают, оставляя лишь трех только что пришедших, и группами расходятся в разные стороны. Вот три из них красиво, не торопясь, идут в кильватер друг другу с тем, чтобы разойтись где-то

далее. Своеобразная жизнь шагает своим неизменным темпом. Этот лабиринт озер прорезывается редкой железнодорожной сетью, но она нисколько не мешает пароходству, только дополняя его, хотя зачастую и идет параллельно пароходным рейсам.

Получив служебный отпуск по болезни на июль, я с семьей отправился железной дорогой в Нишлот или Савонлинну. Лето было теплое и хорошее. В Нишлоте мы встретились с Я. Н. Ростовцевым и его женой Марьей Сергеевной, рожденной Ольхиной, и нередко проводили время вместе. Мы жили на берегу междуозерного пролива Кюронсальми, в виду железнодорожного моста и старинной шведской крепости Нишлот, состоящей из каменных стен с круглыми башнями. В проливе имеется постоянное течение, особенно сильное у крепостных стен. В Кюронсальми отделяется перпендикулярный узкий заливчик Тукколанлахти, который мы в шутку называли «рыбьей детской», ибо там на удочку попадалась в изобилии лишь очень мелкая рыба. У нас была лодка, и мы с Володей и Романом почти ежедневно под вечер ездили ловить рыбу как в проливе и заливе, так и в обоих озерах, а именно в ближайшей части озера Коконсельке, называемой Каупинсельке, и в ближайшей части озера Хаукивеси (т. е. Щучьего), называемой Сури Хапавеси. В последней Володе попала однажды на удочку с искусственной рыбкой Хиса 5-фунтовая щука, совсем забрызгавшая его при втаскивании в лодку. В Каупинсельке то и дело попадались нам на удочку щуки до 2 фунтов и окуни. В глубоком междуозерном проливе Кюронсальми, имеющем течение, рыба ловилась преимущественно на донные удочки с тяжелыми грузилами. Володя и Роман только что обучившись велосипедной езде на единственном бывшем у них велосипеде, постоянно катали на нем взад и вперед. Однажды под вечер я шел с Верой по направлению от железнодорожного моста к нам домой по шоссе вдоль берега Кюронсальми. Дорога поднималась в гору. Вдруг на вершине горы появился Роман на велосипеде и полным ходом понесся нам навстречу по шоссе вниз. Придерживаясь края шоссе, он неожиданно слегка свернул с него и со всего маха погрузился с велосипедом в Кюронсальми, к счастью, на мелком месте. Велосипед свалился на дно, а соскочившему в воду Роману она дошла до пояса. Он ошупью поднял велосипед и пошел, весь мокрый, домой. Мне был предписан возможный покой и усиленное питание. В доставании провизии выходили заминки: финны неохотно продавали ее в городе, и мы добывали ее сравнительно успешно только благодаря вывезенной нами из Везо в 1914 году прислуге эстонке Мине, которая понимала финский язык, а финны понимали ее и были именно с ней любезны. У меня было раздвижное кресло (*chaise longue*), на котором я отдыхал после еды и в это время нередко делал русский диктант Роману, не отличавшемуся грамотностью письма, по учебнику Сакулина, будущего академика, автора принятой Академией в следующем 1917 году новой орфографии, но составленному тогда еще по старой орфографии. Так как Роман писал под диктовку медленно, то я иногда засыпал при этом, и учебник Сакулина валился у меня с шумом на пол, а раз я и сам свалился, заснув, с кресла. Все это приводило Романа в дикий восторг. Затем мы много читали литературных произведений всей семьей сообща. Это было уютно. Нишлот — маленький городишко с довольно большим деревянным курортом, расположенным от нашего помещения в расстоянии напрямик по суше около 1 километра, а по озеру кругом — около 2 километров. Там было большое деревянное ванное заведение, где я принимал искусственные углекислые ванны. При этом ванны обслуживались исключительно женским персоналом, что было обычно для финнов, но необычно для русских. Финские ванщицы были очень заботливы и не покидали ни на минуту пациентов. Это было довольно стеснительно, но по-русски они не понимали ни слова, и потому объяснить им, что можешь обойтись частично и без их помощи, не удавалось. Курс лечения в Нишлоте был успешен,

но врач не соглашался отпустить меня ко дню окончания моего отпуска. П. А. Беклемишев предупредил меня перед моим отъездом, что в случае просрочки отпуска я должен буду взять официальное удостоверение от курортного врача о причинах просрочки. Я так и сделал. Финский врач Вейкола написал мне удостоверение на финском языке, в котором, как он выразился, он «покаялся», что говорит правду. В Нишлоте я немало рисовал пастелью. Кроме того, мы однажды всей семьей ездили на пароходе по Каупинсельке на замечательно красивый, узкий, длинный, песчаный, лесистый оз Пункахарью, отделяющий друг от друга Каупинсельке и озеро Пурувеси. Вдоль по этому озу пролегает железная дорога между Нишлотом и Елисенваарой и шоссе. Мне было известно от покойного И. А. Мельникова, что в Пункахарью имеется замечательная рыбная ловля, но у нас не оказалось времени заняться ею. Однажды внутри Нишлотской крепости был дан «Фауст» Гуно на открытом воздухе, на котором присутствовала Вера с сыновьями. Исполнение, по их словам, было недурное, на финском языке. В Нишлот к нам однажды приехал из Тиурупиemi на своей моторной яхте брат Валерий с сыном Сашей и катал на ней наших сыновей и Ростовцевых, но я с Верой, не помню почему, в этих катаниях принять участия не смогли, а брат тоже куда-то торопился и скоро уехал с Сашей на яхте домой в Тиурупиemi.

Через некоторое время после нашего возвращения из Нишлота в Петербург к нам неожиданно явилась Ида Карловна Рутковская. Она рассказала, что с мужем бежала от наступления немцев из Либавы в Череповец, где и жила довольно долго, а затем ее пожилой муж там умер, и у ней нет никаких определенных предположений на будущее. Вера предложила ей вернуться к нам, чтобы помогать по хозяйству, на что она согласилась и с тех пор сделалась фактически членом нашей семьи. Вера в течение войны немало работала, по приглашению, кажется, Л. К. Голубковой, в каком-то учреждении по шитью белья для раненых и больных воинов и, уходя с утра, нередко обедала дома только в 11 часов вечера.

Постройка нового дома министерства торговли и промышленности архитектором Перетятковичем на Васильевском Острове, недалеко от университета и Академии Наук, близилась к концу. Поэтому П. А. Беклемишев сказал мне, что, во избежание излишних расходов по найму частного помещения на Петербургской стороне на Б. Дворянской улице, Статистическому отделению следует теперь же переехать в одно из отделанных уже помещений нового здания на Васильевском Острове и предоставил мне первому выбрать любое наиболее подходящее помещение там. Я выбрал его в верхнем этаже на углу набережной Невы и линии, идущей от университета на солнечной стороне, достаточно просохшее. Беклемишев немедленно его мне предоставил, и отделение переехало. Он же сказал мне, что статистика торговли и промышленности чрезвычайно быстро разрастается, и необходимо ее всю объединить в одном большом специальном отделе министерства, а потому поручил мне составить историческую записку о торгово-промышленной статистике с заключением о необходимости ее объединения и преобразования и набросать проект такового. Я с большим интересом принялся за исполнение этого поручения, которое требовало известного времени, чтобы быть убедительным и основательным, а не поверхностным. Кроме того, в 1916 году я участвовал, от Географического общества, вместе с братом Дмитрием, в междуведомственной комиссии под председательством красивого и умного инженера путей сообщения И. Н. Борисова по выработке плана сети новых железных дорог в Российской империи, подлежащих сооружению по окончании европейской войны, с разбивкой их на очереди. Комиссия была многолюдна и интересна. Я очень отстаивал, вместе с художником А. А. Борисовым, проект северной сибирской магистрали в направлении Званка или Свирьстрой – Вытегра – Котлас – Усть-Сысольск – Богословские заводы – Тавда – То-

больск – Нарым – Енисейск – Дагар на северной оконечности Байкала, с ветвью на Бодайбо – верховья Зеи и Селенджи – Амгунь – Николаевск-на-Амуре, которая должна пройти по северной окраине земледельческой зоны и иметь ответвление от Котласа на Сороку к Мурманской ж. д. Такого сплошного пути первоначально не предполагалось и намечались лишь его отдельные разрозненные участки, но нам удалось доказать необходимость всей магистрали целиком, и она была включена в план. Необходимость этой чрезматериковой магистрали стала еще очевиднее впоследствии, когда выяснилось, что перспективы русской колонизации северной Манчжурии утеряны, и, следовательно, надо заботиться о проложении главного колонизационного ее пояса в восточной части материка Евразии севернее. В том же году исполнялось 25-летие издания Статистического отделения «Свод товарных цен на русских и главнейших иностранных рынках», которое раньше вел К. Г. Голубков. Теперь ведение издания было поручено мною молодому талантливому статистику Владимиру Владимировичу Стрекалову, брату жены члена Государственной Думы Евграфа Петровича Ковалевского. Я доказал Беклемишеву необходимость составить общий обзор движения товарных цен за четверть века и снабдить его большим количеством диаграмм в красках и обстоятельным объяснительным текстом. Вся эта работа была поручена Стрекалову и выполнялась им тщательно и интересно, под моей общей редакцией. Так как она вышла в свет через год с небольшим, то ей, к сожалению, не суждено было стать общим достоянием.

Старый строй необычайно быстро изживал сам себя. До чего в нем было много внутренней несогласованности, видно хотя бы из следующего. После учреждения Государственной Думы можно было открыто ругать правительство достаточно свободно, без особенного риска репрессий, но эта брань обычно имела конечные результаты, близкие к нулю. В то же время пресловутая «честь военного мундира» ставила все военное сословие в положение, близкое к какой-то опричнине. Так, в большинстве цивилизованных государств военную форму полагалось носить только при исполнении служебных обязанностей, а в остальное время все военные обязательно носили штатское платье и уравнивались со всеми остальными гражданами во всех своих правах и обязанностях. У нас же военным вменялось в обязанность носить военную форму всегда, из того предположения, что это будто бы лучше их дисциплинирует в жизни вообще. Поэтому нетрезвого военного мог арестовать только военный плац-адъютант, которых было весьма мало. Где-нибудь в железнодорожном поезде нетрезвый военный, ссылаясь на защиту «чести мундира», мог безобразничать сколько угодно, до попыток расстрела мирных граждан включительно, и не оказывалось власти, которая могла бы это пресечь, попыток же к изменению закона не делалось никаких. Укрывшиеся под видом законности анархические принципы то и дело давали себя знать, и невольно вспоминалось известное двустишие: «В России нет закона, а только столб и на столбе корона» (эмблема юстиции). Самая формула «за веру, царя и отечество», где отечество было отодвинуто на последнее, третье место, была в корне ложна и косвенно благоприятствовала анархическим принципам.

Все учащавшаяся смена министров осенью 1916 года, по меткому выражению члена Государственной Думы Пуришкевича, обратилась в «министерскую чехарду». Правительство, тайно руководимое Распутиным, окончательно и катастрофически теряло не по дням, а по часам свою популярность и престиж, возбуждая поминутно резкую критику и оппозицию решительно всех партий Гос. Думы. Все это закончилось в конце декабря убийством Распутина Пуришкевичем с компанией в Юсуповском дворце и выбросом его тела с автомобиля и моста на островах на лед Невки. Но, как показало дальнейшее, спасать монархический принцип вообще во всяком случае было уже поздно. «Все прогнило до основания», — откры-

венно признавался В. К. Саблер. Надвигались новые, неизбежные, грозные, потрясающие события 1917 года.

Последнюю неделю 1916 и первую 1917 года мы провели, как всегда, в Метцакюле у М. П. Сермягиной. Вернувшись оттуда в Петербург, мы узнали, что накануне нашего приезда скончалась Элеонора Германовна Шмидт и перед смертью желала непременно видеть Веру. Похоронена она была, в нашем присутствии, на лютеранском Смоленском кладбище. Она уже с начала осени имела очень скверный вид, была бледна как полотно и ходила с сильной отдышкой. Было непонятно почему Николай Юльевич, врач, этого не замечает. Ее подруга Ольга Яковлевна Миллер, сестра врача-гинеколога Виталия Яковлевича Миллера, вышедшая замуж за приятеля и сослуживца Ник. Юльевича, вдовца Сергея Владимировича Пейкера (женатого в первом браке на племяннице композитора Н. А. Римского-Корсакова — Эриксон), очень симпатичного человека, объяснила в чем дело. Э. Г. пожелала, чтобы на случай смерти Николая Юльевича после нее опекунами ее малолетних детей Гени и Юры, которые в таком случае остались бы круглыми сиротами, были Вера и С. В. Пейкер, а душеприказчиком С. В. Ламанский. Они, конечно, на это согласились в ее память, и Н. Ю. все это оформил. Вообще он почему-то всегда воображал, что непременно умрет раньше своей жены и после ее кончины совершенно растерялся от неожиданности. Сначала он пригласил к себе смотреть за детьми свою престарелую мачеху, добрую женщину, которую они, впрочем, в грош не ставили. Тогда их взяла воспитывать к себе в Ярославль двоюродная сестра Э. Г., бывшая там замужем, кажется, за аптекарем. Так распалась жившая на Васильевском Острове недалеко от Тучкова моста семья Шмидтов, с которой мы были столь близки в течение восьми лет.

Итак, за трехлетний период 1914-16 годов умерло 12 родных и хороших знакомых. Это было больше, чем в любой из предшествовавших периодов, и он был превзойден разве лишь следующим трехлетним периодом, когда одних только близких родственников скончалось около 10, не считая знакомых. Поколение наших стариков ушло из жизни как раз перед самым переломом исторических судеб России, причем этой грани оно не сознавало. Мы же испытали столько неожиданностей за это трехлетие, что они закалили нас в смысле сдержанного отношения ко всяким грядущим событиям жизни, а сдержанность всегда является залогом жизнеспособности. Незадолго до своей смерти С. Н. Сысоев сказал мне: «Россию я сравню с деревцем на деревенском выгоне. Его обдирают и подпаливают все кому не лень, и все-таки, корявое, оно находит достаточно соков в себе для произрастания». И это была правда: если соков всегда хватало для «какого-то» произрастания, то никогда не было достаточно количества хороших, заботливых садовников для ухода за деревом, и корявость его не уменьшалась. И этому корявому дереву в дальнейшем пришлось стать лицом к лицу с новыми страшными бурями, ураганами, тайфунами, орнанами, торнадосами, во время которых, стелясь, оно стало принимать новые, необходимые ветровые формы, те причудливые формы, с которыми я встретился в соснах Везо при объявлении европейской войны.

Если в период 1908-13 годов я созрел вполне как самостоятельный, оригинальный научный работник с новыми перспективами работы, то в период 1914-16 годов я стал независим в имущественном отношении и получил ближайшую перспективу увеличения своего постоянного заработка более чем вдвое. Это позволяло мне надеяться на развитие новой энергичной личной деятельности в случае благополучного окончания войны. Его, однако, не последовало, и моя дальнейшая судьба и деятельность приняла новые неожиданные формы. Однако характер моих трудов был таков, что он оказывался нужным и полезным при

всякой обстановке. Отчетливое сознание этого всегда меня поддерживало и не давало места унынию в моей душе.

Примечания

[1] *К стр. 12.* Вот полный список вышедших в свет томов «России»:

Россия. Полное географическое описание нашего Отечества. Настольная и дорожная книга для русских людей. Под редакцией В. П. Семенова (Тян-Шанского) и под общ. рук-вом П. П. Семенова (Тян-Шанского) и В. И. Ламанского.

Т. 1. Московская промышленная область и Верхнее Поволжье. Сост. А. Нечаев, И. П. Семенов, А. В. Фомин и др. 1899. XV, 484 стр. с илл.; 5 л. карт.

Т. 2. Среднерусская черноземная область. Сост. В. И. Семенов, И. П. Семенов, П. П. Семенов и др. 1902. VIII, 717 стр. с илл.; 12 л. илл., карт.

Т. 3. Озерная область. Сост. Б. Г. Карпов, Н. Ильин, Я. Ф. Ставровский и др. 1899. IX, 456 стр. с илл.; 6 л. илл., карт.

Т. 5. Урал и Приуралье. Состав. Г. Н. Кирилин, Н. А. Коростелев, Б. Б. Гриневицкий и др., 1914. VIII, 669 стр. с илл.; 10 л. карт.

Т. 6. Среднее и нижнее Поволжье и Заволжье. Сост. П. А. Ососков, Н. А. Коростелев, Н. Г. Гаврилов, И. Н. Сырнев 1901 VII, 599 стр. с илл.; 8 л. илл., карт.

Т. 7. Малороссия. Сост. Б. Г. Карпов, А. Я. Пора-Леонович, Ф. А. Виноградов и др. 1903. IX, 517 стр. с илл.; 4 л. карт.

Т. 9. Верхнее Поднепровье и Белоруссия. Сост. В. П. Семенов, И. В. Довнар-Запольский, Д. З. Шендрик и др., 1905 VI, 619 стр. с илл.; 14 л. илл., карт.

Т. 14. Новороссия и Крым. Сост. Б. Г. Карпов, П. А. Федулов, В. И. Коростыгин и др., 1910. VIII, 982 стр. с илл.; 14 л. илл., карт.

Т. 16. Западная Сибирь. Сост. И. П. Толмачев, Г. М. Красных, А. Н. Сидельников и др., 1907. VIII, 591 стр. с илл.; 8 л. илл.

Т. 18. Киргизский край. Сост. А. Н. Седельников, Л. П. Осипова, А. Н. Букейханов и др., 1903. VIII, 477 стр. с илл.; 6 л. карт.

Т. 19. Туркестанский край. Сост. В. И. Масальский. 1913. X, 861 стр. с илл.; 5 л. илл., карт.

[2] *К стр. 24.* Гражданская жена Кракау Анна Илларионовна работала в гимназии уборщицей. Несколькими годами позже Кракау с ней обвенчался. При этом он вынужден был выйти в отставку и в 1906 г. поселился в купленной им небольшой усадьбе Олешнево в Вышневолоцком уезде. В этой усадьбе Кракау пережил революцию и даже коллективизацию.

[3] *К стр. 51.* Вот краткая характеристика В.К.Саблера, заимствованная из Интернета:

После окончания юридического факультета Московского университета Саблер был привлечен К. П. Победоносцевым к службе по духовному ведомству в качестве юрисконсульта. Оставил службу в Святейшем Синоде в мае 1905 г. из-за разногласий с Победоносцевым – противником восстановления Патриаршества, Назначен членом Государственного совета. Действительный тайный советник, сенатор, обер-прокурор Святейшего Синода (1911–1913). По характеристике протопресвитера военно-морского духовенства Г.И.Шавельского,

В. К. Саблер был оригинальнейшим обер-прокурором. Он всегда был другом архиереев... Но он был другом и всего духовного и особенно монашеского чина. Его приемная всегда была переполнена монахами и монахинями, игуменами и игумениями, архимандритами и протоиереями. Ревность к делу у В. К. не оставляла желать большего. Он был занят каждый день, очень часто принимал посетителей после 12 часов ночи, все время, казалось, дышал церковностью.

В имении Саблеров, в 15 верстах от Каширы, была создана женская богословская семинария, рассчитанная на 500 девочек, с 6-летним курсом обучения; выпускницам предоставлялось право преподавания Закона Божия в общеобразовательных школах. После революции В. К. Саблер был репрессирован в апреле 1918 г., его под усиленным конвоем доставили в Москву из-под Новочеркасска, где он был арестован. Из ЧК его вскоре выпустили «за отсутствием состава преступления». Проживая в начале 1920-х г. в Москве на Поварской, он влачил жалкое существование. Саблер прекрасно знал святителя Тихона, ценил его чрезвычайно высоко, но считал, что политика Церкви должна быть более гибкая, более лояльная в отношении «внешних» и в связи с этим большие надежды возлагал на митрополита Сергия (Страгородского). В конце жизни, будучи

уже древним старцем, он был сослан в Тверь, где, обреченный на медленную муку, он голодал, ютясь в церковной сторожке.

[4] *К стр. 105.* Советские справочные издания частично смешивают Д.Д.Протопопова и его однофамильца А.Д.Протопопова (1865–1918), члена III и IV Думы, основателя «прогрессивного блока» и последнего министра внутренних дел перед Февральской революцией. При этом даты жизни и смерти (расстрела) А.Д.Протопопова часто варьируют. Официальный сайт сообщает о Д.Д.Протопопове следующие сведения:

Протопопов Дмитрий Дмитриевич (1864, по др. данным, 1865 или 1866, – окт. 1918)¹². Из дворян. Окончил гимназию и Петерб. ун-т. Публицист, земский деятель, губернский гласный и гласный Николаевского уездного земства. Состоял под надзором полиции в 1895–99, был выслан в Финляндию за пропаганду среди крестьян на 3 года. Землевладелец и владелец крупной суконной ф-ки. Издатель «Земского Дела». Чл. «Союза Освобождения». Чл. Партии Нар. Свободы, чл. ЦК партии с 1906. Чл. 1-й Гос. Думы от Самар. губ. За подписание Выборгского воззвания, призывавшего к гражд. неповиновению, был приговорён к 3-месячному заключению. После Февр. рев-ции 1917 претензии кадетов на руководящую роль во Врем. пр-ве мотивировал их компетентностью в искусстве гос. управления, подготовленностью к приёму власти. «Присушие нашей партии качества, – писал в «Речи» Протопопов, – ум, знания, опытность, умение работать обеспечили нам подобающее положение» (18 марта). На заседании кадетского ЦК 19–20 июля как один из лидеров прав. крыла партии настаивал на твёрдости и неуступчивости к Советам, считая, что можно идти на выход социалистов из пр-ва. В авг. на заседании ЦК Протопопов говорил: «Да, воевать с врагом можно только при бурж. министерстве. Диктатуру принимает форму заговора, и можно рассчитывать, что в народе к ней отнесутся спокойно. Конечно, диктатора всегда тянет к короне. Но что же делать? Не сомневаюсь – нам нужно идти ва-банк» 3 окт. вошёл в состав Врем. Совета Рос. Республики (Предларламента). Кандидат в чл. Учред. Собр. (от Петрограда). После Окт. рев-ции летом и осенью 1918 кадеты, особенно из ЦК, часто собирались в Москве для обсуждения «всех вопросов дня»; на заседаниях, обычно проходивших в квартире Протопопова заслушивались подробные доклады о положении дел в «Нац. центре» и в Партии Народной Свободы вообще. «Еженедельник ВЧК» (1918. № 6, 27 окт, с. 27) известил, что Протопопов расстрелян в числе «явных контрреволюционеров».

Цитированное сообщение о расстреле относится к *А.Д.Протопопову*. Официальный сайт сообщает о нем следующее:

Протопопов Александр Дмитриевич (18 декабря 1866 – 27 октября 1918). Из дворян, землевладелец (ок. 4657 дес. в Корсунском уезде Симбирской губ.) и промышленник (владелец Селиверстовской суконной фабрики и лесопильного завода; в годы войны состояние оценивалось не менее чем в 2 млн руб.). Воспитанник Первого кадетского корпуса и Николаевского кавалерийского училища. Службу начал в 1885 корнетом в л.-гв. Конно-гренадерском полку. В 1890 вышел в отставку штабс-ротмистром. В 1891 причислен к Собственной е.и.в. канцелярии по учреждениям имп. Марии (сверх штата), с 1892 почетный член Демидовского дома призрения трудящихся. Один из видных деятелей торгово-промышленного мира, председатель Союза суконных фабрикантов. С 1905 предводитель дворянства Корсунского уезда. Депутат III и IV Дум от Симбирской губ., октябрист (после раскола фракции вошел во фракцию земцев-октябристов). В 1908 пожалован в звание камер-юнкера. Действительный статский советник (1909). С 20 мая 1914 – товарищ председателя IV Думы. С августа 1915 член Особого совещания для обсуждения и объединения мероприятий по обеспечению топливом (Осоतोпа). С февраля 1916 – предводитель дворянства Симбирской губ. В 1916 избран председателем Совета съездов представителей металлургической промышленности. 16 сентября 1916 назначен управляющим Министерством внутренних дел, с 20 декабря 1916 – министр внутренних дел. Вечером 28 февраля добровольно явился в Таврический дворец и был препровожден в Министерский павильон; с 1 марта по сентябрь 1917 находился в заключении в Петропавловской крепости. Чрезв. следств. комиссией Врем. пр-ва был привлечён к суду. На следствии искусно лавировал, давал неопределённые ответы, играл в искренность и наивность, но ничего существенного не говорил. После Окт. рев-ции с версией о «ненормальности» был переведён в лечебницу для нервных больных, летом 1918 оттуда препровожден в Москву, в таганскую тюрьму. Расстрелян в порядке «адм. усмотрения» по решению ЧК.

¹²Правильные даты – 1865–1934.

Дата расстрела в разных источниках указывается по-разному (начиная с 1917 г.). Смешение Александра Дм. и Дмитрия Дм. Протопоповых очевидно связано с тем, что в советских изданиях последний именовался просто Протопоповым без всяких инициалов (как положено черному злодею: «Щегловитов и Протопопов»). Парадоксальным образом, Д.Д.Протопопов, оставшийся в России, прожил как частное лицо достаточно долго; В.П. сообщает о его аресте и смерти в тюрьме в 1934 г.

[5] *К стр.105.* В Интернете имеется следующая любопытная биографическая справка о еп.Владимире:

Бывший архиепископ Пензенский и Саранский Владимир Путята (в миру Всеволод Путята) происходил из древней родовой фамилии Киевского тысяцкого Путяты, прославившегося при св. князе Владимире насаждением христианства в Новгороде. Память об этом сохранилась в народе в известной поговорке: «Путята крестил мечом, а Добрыня огнем». В дальнейшем эта родовитая фамилия отметила уже в девятнадцатом столетии выдвинувшегося деда его генерала-адъютанта Дмитрия Васильевича Путяту, бывшего полковника лейб-гвардии Преображенского полка. Внук его Всеволод Путята родился 2 октября 1869 года в Смоленской губернии. Мать его была еврейка. По своему времени он получил блестящее воспитание и всестороннее образование. Еще будучи молодым человеком, он превосходно владел французским, английским и немецким языками; имея большие способности к языкам, он в ближайшие годы изучил итальянский язык и превосходно владел древними языками греческим и латинским. Всеволод Путята обладал редкой красотой и выдающейся завидной внешностью, словно он был создан для блеска и поклонения. Особенно громадным успехом он пользовался в дамском обществе, в котором он был лихим танцором и ухажером. Я нарочно остановился на этих подробностях и штрихах его характера, сыгравших впоследствии роковую роль в его архиерейской жизни. Получив блестящее домашнее образование, окруженный воспитателями, иностранцами, гувернерами и учителями, он в 1891 году с похвалой окончил Демидовский юридический Лицей и Военную юридическую академию, затем по фамильной традиции поступил офицером лейб-гвардии Преображенского полка и быстро выслужился и выдвинулся. В те годы Всеволод Путята был близок к полковнику Преображенского полка императору Николаю II, бывал у него как близкий человек и этим впоследствии кичился. В правящих духовных сферах с его близостью к царю очень считались и опасались его. Мы сейчас не располагаем его послужным списком, который слегка мог бы объяснить, приоткрыть завесу с его первых шагов самостоятельной жизни. В 1897 году окончил Военно-юридическую академию и произведен в штабс-капитаны. В 1898 году переведен в военно-судебное ведомство. Вскоре Всеволод бросил военную службу и в 1899 году поступил в Казанскую духовную академию, которую без особого разрешения Св. Синода, окончил в два года вместо положенных четырех лет. Почему он избрал малоизвестную в Петербурге Казанскую Духовную академию? Почему не поступил в столичную академию? Эти вопросы невольно напрашивались у большинства его знавших. Но именно так надо было сделать, чтобы уйти от большого света и его пагубных соблазнов, приведших его к роковому решению: бросить мир и стать служителем церкви. Его уход в академию чрезвычайно поразил его близких и все гвардейское офицерство и высший свет, где он был принят, как «свой человек», не взирая на его еврейское происхождение со стороны матери. 21 января 1900 года он был пострижен в монашество с именем Владимира в честь его небесного патрона, а 8 ноября того же года рукоположен во иеромонаха. В 1901 году по окончании академии назначен инспектором Казанской духовной семинарии, а в 1902 году определен настоятелем церкви при Русском посольстве в Риме с возведением в сан архимандрита. Здесь Путята трудился над своей магистерской диссертацией, собирал материалы и обрабатывал их. Его знание языков и разные возможности открыли ему двери русских и иностранных архивов и библиотек, и он смог использовать даже в Италии недоступные для большинства студентов академии книжные и рукописные материалы. В 1906 году за свой труд на тему: «Государственное положение Церкви и религии в Италии», получил научную степень магистра богословия. В Риме, как прекрасно владевший итальянским языком, он сблизился с высшим обществом столицы и окружил себя итальянской знатью и молодежью. Однако он не рассчитал своих сил и средств и по ходатайству нашего посла в Италии «за соблазнительное поведение» был уволен с должности настоятеля посольской церкви и отчислен в распоряжение Св. Синода. Вскоре же «как бы на исправление», Путята был назначен настоятелем посольской церкви в Париже. Но здесь повторилась та же история как и в Риме, и он, обремененный долгами от светской жизни не по средствам, был так же отозван в распоряжение Синода. Связи его при дворе были еще крепки и основательны, не взирая на то, что он был дважды

скомпрометирован в глазах русского и заграничного общества. 6 августа 1907 года архимандрит Владимир хиротонисан в Свято-Троицком соборе Александро-Невской Лавры во епископа Кронштадтского, четвертым викарием С.-Петербургской епархии с поручением заведовать всеми русскими заграничными церквями в Европе за исключением церквей, находящихся в Афинах и Константинополе. Чин хиротонии совершали: митр. СПб и Ладожский Антоний, б. Архиеп. Тверской и Кашинский Николай, архиеп. Карталинский и Кахетинский Никон, архиеп. Сергей и Северо-Американский архиеп. Платон. 6 февраля 1909 года переименован в третьего викария, 30 декабря - во второго той же епархии. Я указывал уже выше, что он был исключительно красив, изящен в манерах, с былой еще выправкой, элегантен, обаятелен, с чарующим голосом. Став архиереем, он продолжал быть кумиром в окружающем его дамском обществе г. Петербурга, а своими, играющими огнем, глазами использовал этот успех в своих личных интересах. В ревизионных разъездах по заграничным церквам, он последующие годы продолжал жить «в свое удовольствие», забывая какой ответственный сан он носит на себе. И он снова и «немного» забылся и просчитался. О нем говорили много лишнего и соблазнительного и Св. Синод, под давлением высших внешних сфер, на благо для сего блестящего светского архиерея, переместил его на дальний для него Сибирский край. 18 февраля 1911 года он был назначен епископом Омским и Павлодарским. Те же слабости и наклонности, но уже в меньших масштабах, продолжал он проявлять и в этой степной столице Западной Сибири. Его внешность и здесь стала покорять сердца окружающих. В Омске о его прошлом ходили легенды, называли его князем Путяттой, говорили об его близости к царской семье и с этим считались и здесь. . . Духовенство, хотя и знало, что он перемещен в Омск не за блистательную церковную административную работу в прошлом, а за какие-то грешки, однако боялось его. Здесь он впервые проявил себя в других формах. Бывший ухажер и поклонник всего светского, бывший гвардейский офицер, на новом месте стал проявлять себя как «опытный администратор». Эта способность выявилась у него ярко и образно. Он не терпел возражений, был всегда требователен, особенно внедрял в сознание духовенства дисциплину. Его чарующий баритональный и властный голос, иногда дополнял движение его глаз, которые метали порой такие повелевающие искры, что все недосказанное архиереем достаточно восполнялось этим блеском живых черных глаз. Он был дивный брюнет с опущенными бакенбардами под Александра II и все его лицо дышало прежней красотой. В эти два года пребывания в Омске и чарующий его образ был забываем для многих женщин, посещавших храм, где он служил и его апартаменты в архиерейском доме. Он любил и умел принимать у себя гостей и тонко разбирался при выборе к себе приближенных. Он не любил долго и много говорить и, тем более, убеждать. Поэтому распоряжения его были краткими, ясными и лаконичными. Резолюции его отличались теми же качествами его души и характера. И за это духовенство также не любило его. Присматривался ли Св. Синод к его административной деятельности или нет, трудно сказать, но случилась необходимость удалить весной 1913 года из Витебска епископа Серафима Мещерякова, оскандалившегося в своей интимной переписке с игуменьей местного монастыря, с возведением его в сан архиепископа на Иркутскую епархию, а епископа Владимира перевести с 8 марта 1913 года из обширной богатой епархии в небольшую и мало обеспеченную Витебскую. Владыка Владимир должен был рассматривать это назначение как предупреждение о том, что его карьера на этот раз куется и поддерживается только им самим, а не придворными связями, в силу которых ему пришлось уже разочароваться. В Витебске он прослужил два года. Эти годы он употребил на укрепление своего пошатнувшегося положения в высших сферах Петербурга. 11 июля 1914 года был возведен в сан архиепископа и перемещен в богатую кафедру Донскую и Новочеркасскую.

С первых же дней своего в столицу Войска донского Новочеркасск, он не стал ладить с Наказным атаманом Войска донского. В этом городе произошло в жизни его несчастье. Он сошелся с, блиставшей своей красотой и знатностью, кн. Долгорукой, от которой имел незаконную дочку. Скандал этот вскоре открылся в городе и послужил в год начала всемирной войны (1914 г.) соблазном для всех верующих. Наказной атаман в сгущенных красках представил Св. Синоду жалобу на непростительные деяния архиерея и требовал убрать его как соблазнителя кн. Долгорукой. Под давлением других жалоб и общественного мнения, Св. Синод определил 10 января 1915 года Владыку Владимира перевести на Пензенскую кафедру с явным понижением. Владимир Путятта смирился и «тихо» покинул Новочеркасск. Может быть составитель биографии излишне вникал в подробности его жизни, но это объясняется тем, что

он знал его лично, знал близких его по Петербургу и поэтому так свободно вращался в тех воспоминаниях, которые оставил по себе этот самобытный, некогда салонный архиерей в кругу знавших его. Биография его за этот первый этап «архиерейской деятельности» показывает нам воочию, каким не должен быть архиерей. В Пензе архиепископ Владимир пробыл с 1915 по 1917 гг. Не подчиняясь административным распоряжениям Св. Синода, стал самочинно управлять епархией. По совокупности с жалобами духовенства и верующих Донской и Пензенской епархий, он был в 1918 году судим Собором и лишен сана епископа, но оставлен в монастыре. Священный Всероссийский Собор постановил удалить б. Архиепископа Владимира из г. Пензы «с правом пребывания во Флорищевой пустыни в течение трех лет». Однако он не подчинился решению Собора и не переехал в монастырь, а тотчас же организовал в Пензе «народную Церковь». В срочном заседании Собор в ответ на его беззаконие «за неподчинение и признание канонических правил (как лишенный сана)» отлучил его от Церкви. Подробное описание о его пребывании в Пензе и творившихся безобразиях и беззакониях, им допускаемых, имеется в рукописи «История путятинского брожения в г. Пензе в 1915-1917 гг.». В последующие годы он продолжал свои деяния в Пензе, ездил в столицу, где безрезультатно хлопотал о пересмотре своего дела. Так тянулось это до образования обновленческого раскола, и вскоре он присоединился к обновленцам, даже на несколько дней приезжал в Пензу к своим «друзьям», подал заявление в обновленческий Священный Синод о пересмотре своего дела и Президиум ВЦС восстановил его в епископстве и назначил его архиепископом Саратовским. Вскоре он был снова назначен архиепископом Пензенским и членом Священного обновленческого Синода, но в Пензу не поехал. С 1926 года самовольно объявил себя архиепископом Уральским. Однако в его жизни уже начался период пустоцвета и подытоживания. Осенью 1923 года монах Владимир Путята принес келейное покаяние митрополиту Сергию, как Местоблюстителю. В это время архиепископ Иувеналий (Масловский) Рязанский и Зарайский был назначен членом Священного Синода на летнюю сессию. Автору этой биографии приходилось часто видеться с хорошо знакомым ему Владыкой Иувеналием. В эти же месяцы монах Владимир Путята, благодаря неоднократным увещаниям Владыки Иувеналия о необходимости ему смириться и признать себя виновным, подавал дважды ходатайство в Священный Синод о пересмотре своего дела и о восстановлении в сане епископа. И дважды митрополит Сергей предлагал архиепископу Иувеналию рассмотрение жалобы Путяты и быть докладчиком Священному Синоду по его ходатайству. Рассмотрение жалобы монаха Владимира Путяты дважды слушалось на сессиях Священного Синода, но каждый раз Св. Синод выносил отказ о восстановлении его в епископстве. Основной целью всех ходатайств как в Синод, так и в частных письмах к авторитетным святителям российским, была просьба о восстановлении его в сане епископа, а личное его глубокое раскаяние в них отражалось недостаточно искренно. После вторичного отказа Владимир Путята послал жалобу на Священный Синод Православной Церкви Константинопольскому Патриарху. Как лично хорошо и близко знавший архиепископа Иувеналия, автор этой биографии в те годы был всегда осведомляем Владыкой Иувеналием о деле Владимира Путяты. Не получая ответ из Константинополя, он стал хлопотать о визе на выезд в Константинополь. Но не имея поддержки в лице Местоблюстителя, потерпел и здесь неудачу. В 1934 году Владимир Путята начал служить в григорианских храмах г. Томска. После этого, по представлению Новосибирского Преосвященного, митрополит Сергей и Св. Синод при нем объявили «монаха Владимира Путяту отпавшим от Святой Церкви и лишенным христианского погребения в случае нераскаянности». Под конец жизни он отошел от всяких попыток о своем восстановлении и переехал на жительство в г. Омск, где ранее проживал с 1911 по 1913 г. епископом Омским. Верующие узнали его, хотя и значительно постаревшего. Прежние поклонники и почитательницы поддерживали его существование. Внешне смиряя себя, он имел привычку в воскресные и праздничные дни стоять на паперти среди нищих и с протянутой рукой элегантно громко напоминать о себе великими словами «ради Христа» подайте на пропитание. Иногда он прибавлял – «потерпевшему за правду». Верующие щедро и с избытком оделяли его деньгами и продуктами. Но постепенно он терял силы, слабел и уже реже стал приходить в храм. Нужда незаметно подкрадывалась к нему, бывшие «друзья» стали оставлять его, стали редеть и ряды бывших поклонниц, и угас он навсегда на глазах и руках немногих из его некогда многочисленных почитателей, так и не раскаявшись в своих церковных преступлениях и личных тяжких грехах. По частным сведениям он был погребен на городском кладбище. Нам неизвестно, кто и в каком храме отпевал его, как монаха. Остается здесь сказать несколько слов о дате его

смерти. По одним рассказам он умер в начале 1941 года, а по другим – в феврале 1936 года. В назидание русскому епископату уделяю еще несколько слов об его служении. Он всегда и везде был верен своему воспитанию, своим привычкам и везде держал свой фасон. Он любил торжественные встречи, величавые служения со множеством сослуживших ему из духовенства. Он любил красивые стильные, оригинальные парчовые облачения. Митры и четки подбирал под цвет облачения. Его мантии поражали богомольцев своим цветом и богатой отделкой. Много лет он собирал разную церковную утварь, услаждаясь иногда лицезрением их. Величавая, благоговейная его поступь во время каждения храма всегда приводила в умиление богомольцев, с замиранием сердца следивших за тихо подвигавшимся среди толпы верующих своего святителя. Такие моменты вызывали в богомольцах искренние слезы умиления. . . Он любил парадное пение, но не вмешивался в выборы песнопений, особенно литургических, предоставляя много свободы и действий регентам архиерейских хоров. Годы пребывания его на Витебской кафедре были особенно поучительны, так как здесь он вел жизнь свою скромно. Не хотелось никогда думать, что он был тогда не только не искренним, но и комедиантом, лицемером. Последующие события в его жизни и кошмарные деяния в Пензе заставили многих думать о нем, да верует ли он в Бога, потому что все им содеянное в соблазн верующих, никак не воспринималось верующими и богомольцами тех храмов, где он служил. . . Ясно было всем одно, что великий соблазн, посеянный им в сердцах верующих Дона и Пензы ждал Божеского возмездия, которое наступило для него так трагически. При оценке его личности всегда надо помнить, что он был «сын века сего». Он отдал богатую дань своим современникам, но многое неправильное им содеянное он осознавал и в кругу близких ему каялся, но это было еще до Пензы. Мы посвятили этой незаурядной личности в среде русского епископата больше страниц, чем предполагали при составлении его краткой биографии, мы не осуждаем его, но освещали все события его жизни по возможности беспристрастно, ибо искренне сожалели о нем по годам знакомства с ним в те годы, когда тень его падения с общественного пьедестала его не грозила ему. А оно оказалось ужасным и в масштабе исторической неповторяемости.

[6] *К стр. 113.* М.Д.Семенов-Тянь-Шанский отбывал в Лейб-гв. Егерском полку воинскую повинность в 1910–11 г. после окончания университета. В начале войны он был призван не в свой полк, а направлен в 26-й Стрелковый сибирский полк, базировавшийся в Иркутске. Полк этот был в конце августа 1914 г. переброшен на запад и участвовал в Восточно-Прусской операции. После контузии, в 1915 г. М.Д. был переведен в Егерский полк, в котором оставался до демобилизации (в январе 1918 г.).

[7] *К стр. 117.* Грушевский Михаил Сергеевич, р. 1866 † 1934, украинский историк. В 1907 в Киеве возглавил Укр. науч. об-во. Один из лидеров созданного в 1908 ТУПа (Товариство українських поступовців) близкого по полит. ориентации к кадетам. В 1914 арестован как сторонник «мазепинства» и после неск. месяцев тюрьмы в февр. 1915 выслан в Симбирск. После Февр. революции 1917 – один из руководителей Центр. Рады. Вместе с В.К. Винниченко вёл переговоры с делегацией Врем. пр-ва (А.Ф. Керенский, М.И. Терещенко, И.Г. Церетели) 29-30 июня в Киеве, в результате чего были достигнуты соглашения и принята Декларация Врем. пр-ва к укр. Раде от 2 июля. Осудил Окт. переворот в Петрограде; 7 ноября на заседании Малой Рады зачитал 3-й Универсал, провозгласивший Украинскую Народную Республику (УНР) как федеративную часть Рос. Республики. 29 апреля 1918 (во время немецкой оккупации Украины) Рада избрала Грушевского президентом Украинской Народной Республики (низложен на другой день в результате переворота гетмана П.П. Скоропадского). После переворота Грушевский жил в Киеве, отошёл от политики и вернулся к науч. работе. Отказался от сотрудничества с новой администрацией, не вошёл в комиссию по организации Укр. Академии наук (УАН), мотивируя это тем, что не может сотрудничать с режимом, уничтожившим демокр. укр. гос-во. В кон. марта 1919 выехал за границу. В конце 1923 избран академиком ВУАН, в марте 1924 вернулся на Украину. Возглавил Историческую секцию ВУАН и ряд её комиссий - историко-географическую, культурно-историческую, фольклорную, возобновил издание ж. «Україна». Академик АН СССР (1929). В 1931 Грушевскому были предъявлены обвинения в «контрреволюционной деятельности», однако после ареста и допросов в Харькове и Москве он был освобожден. Конец жизни провел в Москве под фактическим домашним арестом.

[8] *К стр. 123.* Ошибка памяти: А.Д.Философов был министром торговли и промышленности в 1906–1907 г., а к началу «министерской чехарды» его уже давно не было в живых († 1907).

[9] *К стр. 123.* Вот биографическая справка:

Барк Петр Львович (1869 – 1937). В 1892 окончил юридический факультет Петербургского университета. С 1894 секретарь управляющего Государственного банка, затем в Берлине изучал банковское дело. В 1897 – 1905 один из директоров Петербургской конторы Государствен-

ного банка и директор отделения заграничных операций этой же конторы, с 1898 одновременно председатель правления учётно-ссудного банка в Персии, 1899 – 1905 член правления Русско-Китайского банка, с 1901 товарищ председателя совета фондового отдела Петербургской биржи, в 1905 управляющий Петербургской конторы Государственного банка, в 1906 товарищ управляющего Государственного банка. В 1907 – 11 директор-распорядитель и член правления Волжско-Камского коммерческого банка. С 1911 (по приглашению П.А. Столыпина) товарищ министра торговли и промышленности. С января 1914 управляющий Министерства финансов, с мая – министр финансов и шеф Отдельного корпуса пограничной стражи. 26 января 1914 на аудиенции у Николая II заявил: «Нельзя строить благополучие казны на продаже водки... Необходимо ввести подоходный налог и принять все меры для сокращения потребления водки» (Барк П.Л., Воспоминания, «Возрождение», 1965, № 159, с. 58). По его инициативе законом от 16 сентября 1914 на время войны была прекращена торговля водкой. В 1915 разрабатывал проект реформы финансовой системы, одним из звеньев которого являлся подоходный налог; в августе этого года подписал совместно с другими министрами письмо Николаю II о «коренном разномыслии» с И.Л. Горемыкиным и невозможности работать с ним. Один из двух министров, уцелевших после «министерской чехарды». Финансирование военных расходов осуществлял за счёт денежной эмиссии, внешних и внутренних займов. С декабря 1915 член Государственного совета с оставлением министром финансов. В ходе Февральской революции 1917 арестован 29 февраля своим бывшим лакеем, которому в своё время не помог избежать отправки на фронт; позднее ордер на арест подписал А.Ф. Керенский, который пояснил, что Комитет общественного спасения счёл неудобным идти против волеизъявлений восставшего народа. 17 марта был освобождён, переселился на юг России. Во время Гражданской войны использовал бывшие связи для финансирования белого движения. В эмиграции жил в Лондоне, где высшие финансовые круги привлекли его к работе в качестве эксперта и советника. В 1935 принял английское подданство и получил титул баронета. Написал "Воспоминания" (опубликованы в журнале «Возрождение», 1955, № 43, 48, 1959, № 91).

На дочери П.Л.Барка Нине Петровне в 1922 г. женился Николай Дм. Семенов-Тян-Шанский.

Указатель имен

- Адрианов С.А., историк, ученик С.Ф.Платонова, 38
- Акерт Эдуард Эдуардович, географ, сотрудник В.П. по изданию «России», 97
- Александр III, р. 1845 † 1894, 16, 112
- Александр Михайлович, р. 1866 † 1933, великий князь, генерал-адъютант, главноуправляющий торговым мореплаванием и портами, вице-адмирал, один из организаторов авиации в русской армии, после революции в эмиграции, автор воспоминаний. Муж вел. кн. Ксении Александровны, 32
- Анатолий о. (в миру Александр Потапов), р. 1855 † 1922 (умер накануне ареста), старец, монах Оптиной пустыни, 43
- Анучин Дмитрий Николаевич, географ, профессор Московского университета, р. 1843 † 1923, академик (1896), почетн. академик (1898), 64, 98, 118, 124
- Аренский Антон Степанович, р. 1861 † 1906, композитор, 15
- Артамонов Николай Дмитриевич, р. 1840 † 1918. В 1886-1903 начальник Военно-топографического училища. Генерал от инфантерии (1906), 26
- Балиев Никита Фёдорович р. 1876 † 1936, – актёр, режиссер, эмигрант. Окончил Практическую академию в Москве. С 1908 г. играл эпизодические роли в Московском художественно театре. В 1908 г. открыл в Москве театр-кабаре «Летучая мышь». С 1920 г. в эмиграции. Гастролировал вместе с театром-кабаре в Париже, Лондоне, Нью-Йорке и др. В 1929 г. создал в Париже «Театр русской сказки»(1929-1934). Последние годы жизни провел в США. Умер в Нью-Йорке. 21
- Барановский Гавриил Васильевич, р. 1860 † 1920, архитектор, инженер. В стиле модерн выстроил в Петербурге торговый дом товарищества «Братья Елисеевы», здание Русского географического общества, 54
- Баранский Николай Николаевич, р. 1881 † 1963, профессор экономической географии, чл.-корр. АН СССР (1939), 64
- Барк Петр Львович, р. 1869 † 1937, банкир, государственный деятель. Окончил Петербургский университета. До революции возглавлял ряд крупных российских банков. Министр финансов (1914-1917)¹³, 122
- Баташев, владелец завода в Гусе-Баташовом, 7
- Безекирский Василий Васильевич, р. 1835, скрипач. В 1855 г. поступил первым скрипачом в императорский московский театр, где служил с перерывами до 1890 г. В 1871 г. основал в Москве школу скрипичной игры, существовавшую более 25 лет; с 1882 года состоял профессором в музыкальном училище Московского Филармонического общества и концертмейстером симфонических концертов названного общества. В 1868 г. выступил в Лейпциге в Гевандгаузе, и затем в течение 3 лет объездил, концертируя, значительную часть Европы, 15
- Беклемишев Николай Николаевич, генерал-майор в отставке, чл. высочайше утвержденного особого комитета по усилению военно-морского флота на добровольные пожертвования, 55
- Беклемишев Петр Андреевич, действ. статский сов., управляющий канцелярией министра торговли и промышленности (1915), чл. Комитета по борьбе с немецким засильем, 122, 130
- Бекман Иван, владелец Плоского, 23
- Бекман Юлий Иванович, энтомолог, 24
- Белоголовый Аполлон Аполлонович, ст. врач Обуховской больницы, статский сов., 108, 127
- Бельский Владимир Иванович, р. 1866 † 1946, чл. совета министерства финансов, статский сов., либреттист Н.А.Римского-Корсакова, с начала 20-х годов жил в Югославии, ум. в эмиграции, 18, 51, 54
- Бельский Рафаил Иванович, в 1917 г.¹⁴ служил в

¹³См. его биографию в примечании на стр. 145.

¹⁴Данные о послужных списках по состоянию

- Управлении делами железнодорожного пенсионного комитета, колл. ассессор, 18
- Белявский Фотий Николаевич, помощник столоначальника, в 1917 г. чл. Учебн. комитета при Св. Синоде, 11
- Бенуа Александр Николаевич, р. 1870 † 1960, 15
- Бенуа Альберт Альбертович, в 1917 имел чин коллежского регистратора и был причислен к министерству торговли и промышленности, 15
- Бенуа Альберт Николаевич, р. 1852 † 1936. Архитектор и художник-акварелист, академик акварельной живописи, учредитель, председатель и почетный член Общества русских акварелистов, сын профессора архитектуры Н.Л.Бенуа. Воспитывался в 5-й петербургской гимназии, по окончании которой поступил в Академию художеств по классу архитектуры. Окончил Академию со званием художника 1-й степени. На два года был отправлен за границу, побывал в Италии, Франции и Испании. По возвращению в Петербург представил Совету Академии 19 акварелей, исполненных на южном берегу Франции и в Сан-Ремо. Преподавал в классах акварельную живопись с 1885 по 1894 г. С 1895 г. – первый хранитель Русского музея. Произведения Альберта Николаевича часто появлялись на выставках учрежденного им Общества русских акварелистов. Бенуа был инспектором по художественной части Министерства финансов, торговли и промышленности, заведовал бюро по художественно-промышленному образованию. Построил дачу Ц.А.Кавоса в Петергофе. С 1924 г. жил и работал во Франции. 15, 41
- Бенуа Марья Альбертовна, 15
- Бенуа Николай Леонтьевич, академик архитектуры, профессор, председатель Петербургского общества архитекторов р. 1813 † 1898, 91
- Берг Лев Семенович, р. 2 марта 1876 г. † 24 дек. 1950 г., профессор, академик (1946), 71, 97, 98, 106, 107, 118, 124
- Бернштейн-Коган С. В., проф., 52, 75
- Бетман-Гольвег Теобальд Теодор Альфред Фридрих фон, германский канцлер, р. 1856 † 1921, 110
- Бибиков Александр Сергеевич, архитектор, ученик И.А.Фомина, 88
- Битти, граф Дэвид, виконт Вексфорд, р. 1871 † 1936, адмирал флота, главнокомандующий английским флотом (1916) 108
- Блок Александр Александрович, р. 1880 † 1921, 42
- Блуменау Леонид Васильевич, р. 1862 † 1931, невропатолог, в 1917 г. профессор Имп. Клинического института в. кн. Марии Павловны, статский сов., 54
- Бобин Сергей Павлович, р. 1868 † после 1940, географ, сотрудник Географического музея, арестован в 1936 г., приговорен к 10 годам лагеря с заменой высылкой в Актюбинск, потом в Мал. Вишеру 63, 70, 83, 109
- Бобина Надежда Евгеньевна, его жена, 109, 111
- Бобрик Александр Александрович, р. в 1879 г. в Симбирске. Математик, автор статей по баллистике и корабельному делу, 99
- Богданович Карл Иванович, р. 1864 † 1947, геолог. По происхождению поляк. В 1901-17 работал в Геологическом комитете в России. По окончании курса в горном институте занимался географическими и геологическими исследованиями в Закаспийской области и северо-восточной Персии. В 1889 г. принял участие в экспедиции, снаряженной Императорским географическим обществом, в Тибет и Куэнь-Лунь. В 1893-1894 г. состоял начальником Среднесибирской геологической партии, производившей исследования между Обью и Байкалом. В 1895 г. отправился во главе экспедиции для изучения геологического строения и золотоносности Охотского побережья и Камчатки. Осенью 1898 г. производил геологические исследования на южной оконечности Ляо-дунского полуострова. В 1900 г. участвовал в экспедиции на Чукотский полуостров для поисков золота. В 1901 г. производил геологические исследования восточного Кавказа в области Главного хребта. Профессор Горного института по кафедре геологии и рудных месторождений, старший геолог Геологического комитета. Председатель отделения физической географии РГО. С 1919 г. в Польше, 106
- Боголепов, Николай Павлович, р. 1846, профессор права, ректор Московского университета (1884-87, 1891-93), министр народного просвещения (1897), убит в февр. 1901 г., 21
- Борис Владимирович, вел. кн., р. 1877 † 1943, 14
- Борисов Иван Николаевич, инженер путей сообщ-

на начало 1917 г. здесь и ниже приведены, когда это возможно, по кн. «Весь Петроград» за 1917 г.

- щения, в 1917 г. товарищ министра путей сообщения, 130
- Бородовская Карин Александровна, 27
- Бородовский Леонид Иванович, – картограф и путешественник, р. 1870 † 1906. Служа офицером в Восточной Сибири, совершил несколько путешествий по Уссурийскому краю, юго-восточной Монголии, Корею, Китаю, Японии и по Восточному Туркестану, принимал участие в экспедиции полковника Путятя в южный Хинган. Позднее служил в министерстве финансов. В 1900 г. совершил с торгово-научной целью поездку в Кашгар. Составленная им карта Маньчжурии выдержала несколько изданий; кроме того, им издан целый ряд карт, касающихся Дальнего Востока, а также карта Китая, приложенная к русскому изданию труда Паркера «Китай». Главные труды: «Материалы по Хинганской экспедиции» (Владивосток, 1890); «По восточным окраинам Азии», «Путь из Оша в Кашгар», 17, 26
- Броунов Петр Иванович, профессор, метеоролог, р. 21 дек. 1851 г. † 24 апр. 1927 г., член-корр. АН СССР (1927), 27, 65, 97
- Вагнер Герман, профессор, 93
- Вейнрейх Мария Александровна, знакомая В.В.Семеновой-Тянь-Шанской, 47, 68
- Верещагин Василий Васильевич, р. 1842 † 1904, художник, погиб на броненосце «Петропавловск», 26
- Вериго Викентий Иванович, начальник счетного отделения Министерства финансов, 10
- Вернадский Владимир Иванович, р. 1863 † 1945, академик (1912), 118
- Веселовский Владимир Михайлович, начальник счетного отделения Министерства финансов, действ. статский сов., 10, 14, 77, 87
- Видадь де Лаблаш Поль, р. 1845 † 1918, французский географ и картограф, 93
- Виктор-Эммануил III, р. 1869 † 1947, король Италии (1900 – 1946, отрекся от престола) 28, 92
- Вильгельм II, р. 1859 † 1941, германский император (1888 – 1918, отрекся от престола), 17, 90, 110–112, 114
- Вильгельм, кронпринц прусский, р. 1882 † , во время I мировой войны командовал группой армий Центра, автор воспоминаний “Meine Erinnerungen aus Deutschlands Heldenkampf” (1922), 110
- Виноградов Николай Николаевич, секретарь отделения этнографии Географического общества, репрессирован в 1937–38 г., 72
- Витте Сергей Юльевич, граф, р. 17 июня 1845 г. † 13 марта 1915 г., 6, 25, 31, 55
- Владимир Александрович, вел. кн., р. 1847 † 1909, президент Академии Художеств (1876), Главнокомандующий войсками гвардии и Петербургского военного округа (1884 – 1905), 23
- Владимир Путятя, епископ, р. 1869 † 1936(?),¹⁵ 105
- Воейков Александр Иванович, р. 8 мая 1842 г. † 28 янв. 1916 г., профессор, член-корр. Академии Наук (1906), 44, 64–67, 70, 74, 89, 91, 93, 94, 100, 123
- Воейков Павел Дмитриевич, племянник А.И.Воейкова, в 1917 г. чиновник особых поручений при мин. земледелия, колл. сов., 95
- Вольгемут Александр Германович, брат Э.Шмидт, 113
- Вольгемут Ида Леонтьевна, мать Э.Г.Шмидт, 113
- Вонифатьев, домовладелец, 29, 40
- Габрилович Иван Леонардович, присяжный поверенный, дядя Э.Г.Шмидт, 79
- Гайдебуров Павел Пвалович, актер, режиссер, 20
- Галецкий Вячеслав Александрович, сотрудник министерства финансов, 14
- Галкин Герман Константинович, статистик, 67, 73
- Гапон Георгий Аполлонович, р. 1870 † 1906 (убит) – священник, инициатор создания проправительственной организации «Собрание русских фабрично-заводских рабочих С.-Петербурга» в 1903-1904 г. По его инициативе была выработана петиция, которую рабочие намеревались передать царю 9 января 1905 г. После Кровавого воскресенья скрылся и бежал за границу. Осенью 1905 г. вернулся в Россию, пытался установить связь с эсерами. Его подозревали в связях с охранкой, поэтому одна из революционных групп судила его 28 марта 1906 г. и повесила в Озерках (близ Петербурга), 31
- Гаш Юлиус, картограф, германский шпион, 106, 112
- Гейман Эгон, р. 1890(?) † 1915, гимназический товарищ А.Д.Семенова-Тянь-Шанского, во время I Мировой войны в Действующей армии, ранен при взятии Львова, умер от ран, 109, 113
- Георгиевский Павел Иванович, р. 1857 † 1938, экономист. С 1883 г. заведовал железнодорожной статистикой в МПС. Реор-

¹⁵См. его биографию в примечании на стр.142.

- ганизовал финансовую статистику железных дорог. Профессор политической экономии Петербургского университета с 1890 г. Сенатор. Участвовал в работах по переписи населения Петербурга. университета. Директор Центрального статистического комитета при Министерстве внутренних дел в 1911-1914 г., председатель Статистического совета при Министерстве внутренних дел в 1914-1917 г. В янв. 1914 г. был назначен председателем совещания по разработке плана Второй Всероссийской переписи (не состоявшейся из-за войны). В сентябре 1917 уехал в Крым. В 1920 г., спасаясь от большевиков, выехал из Новороссийска в Константинополь, а затем поселился в Праге, 84, 98, 124
- Герасимов Александр Павлович, р. 1869 † 1942. Геолог. В 1893 окончил Петербургский Горный институт. Секретарь отделения физической географии РГО (1905). В 1935 председатель Всесоюзного минералогического общества, 32
- Гербач Антонина Васильевна, жена С.В. Ламанского, 79
- Герман Петр Андреевич, основатель и директор Выборгского коммерческого училища¹⁶, 53, 115
- Гинденбург Пауль фон, р. 1847 † 1934, генерал-фельдмаршал (1914), главнокомандующий Восточным фронтом (1914 – 1916), начальник Генерального Штаба (авг. 1916 – июль 1919), рейхспрезидент (1925 – 1934) 114
- Гиппиус Зинаида Николаевна, р. 1869 † 1945, поэт, критик, мемуарист; одна из организаторов Религиозно-философских собраний в Петербурге (1901-1903); в 1906-1914 жила большей частью в Париже; с 1920 в эмиграции в Варшаве, затем в Париже; хозяйка литературного салона, одна из организаторов собраний «Зеленой лампы» (1927-1939), 42
- Глушинский Павел Осипович, помощник столоначальника, 11
- Гоголинский Нил Александрович, художник, р. 1844 † 7 июля 1895 г., 23, 42
- Голицын кн., владелец имения близ Выборга, 37
- Голицын кн. Борис Борисович, р. 1962 † 1916, геофизик, академик (1908), 36, 71, 106
- Голованова Екатерина Ивановна, горничная О.П. Семеновой, затем няня в семье И.П. Семенова-Тян-Шанского, после войны – в семье О.И. Семеновой-Тян-Шанской, 41
- Голубков Константин Григорьевич, столоначальник министерства финансов, в 1917 г. уполномоченный Всероссийского земского союза, надворн. сов., 7, 10, 108–110, 126
- Гольдингер Екатерина Васильевна, р. 1881 † 1973, училась у профессоров Московского художественного училища живописи, ваяния и зодчества К.А. Савицкого и Л.О. Пастернака, работала как живописец и график в жанрах портрета, пейзажа, интерьера, натюрморта, а также в качестве музейного сотрудника ГМИИ им. А.С. Пушкина, 85
- Гольцингер Федор Федорович, доктор, в 1917 г. ординатор Петропавловской больницы, надворн. сов., 120
- Гревс Иван Михайлович, р. 1860 † 1941, историк-медиевист, краевед; перед революцией – профессор Петербургского университета и Бестужевских курсов, в 1921-1924 г. возглавлял гуманитарный отдел Петроградского экскурсионного института, с 1925 г. сотр. Центр. Бюро краеведения, арестован в 1930 г., освобожден, с 1934 г. профессор ЛГУ, 101
- Гречин Николай Александрович, военный врач, муж А.В. Ламанской, † 1939, 70, 73, 113
- Григорьев А.В., секретарь РГО, † 1908, 62
- Гройер, доктор, 86
- Грот Елизавета Яковлевна, р. 19 мая 1863 † 1938, в 1-м браке Вюрст (муж Рудольф Андреевич Вюрст † 1896), во 2-м браке Кулакова (муж Николай Андреевич Кулаков † 1920), 97
- Грот Константин Яковлевич, р. 22 июня 1853 † 29 сент. 1934, историк литературы, член-корр. Академии Наук (1911), 123

¹⁶Как сообщает Глеб Струве, “Выборгское коммерческое училище было отпрыском Тенишевского (его основал преподаватель русского языка в Тенишевском училище П.А. Герман, который ушел отсюда из протеста против культивировавшейся там игры в футбол, когда во время одного из состязаний один мальчик был убит). Коммерческим училище было, в сущности, по имени, для профформы, чтобы не находиться в ведении Министерства Народного Просвещения, а зависеть от более либерального Министерства Торговли и Промышленности. От Тенишевского училища Выборгское отличали две главные особенности: 1) оно было дешевым, и состав учащихся в нем был соответственно несколько другой, хотя были и очень богатые дети, особенно из еврейских семей; и 2) у нас было совместное обучение — это была первая такая крупная школа в Петербурге.” (Письмо В. Вейдле, март 1976)

- Грот Наталья Петровна, ур. Семенова, р. 2 ноября 1825 г. † 2 авг. 1899 г., 82
- Грот Яков Карлович, р. 15 дек. 1812 г. † 27 мая 1893 г., академик (1858), вице-президент Имп. Академии Наук (1889–1893), 88
- Грум-Гржимайло Григорий Ефимович, р. 1860 † 1936, географ, исследователь Центральной Азии, 67
- Грушевский Михаил Сергеевич, р. 1866 † 1934, украинский историк¹⁷, 117
- Гумбольдт Александр Фридрих Вильгельм фон, р. 1769 † 1859, 12
- Гундобин, доктор, проф., 43
- Девриен Альфред Федорович (1842, Лозанна, — год и место смерти неизвестны), русский книгоиздатель. В 60-х г. 19 в. служил в известных издательских фирмах Вены, Парижа, Лондона, Берлина. В 1872 основал книжное издательство в Петербурге. Издавал главным образом литературу по сельскому хозяйству, естествознанию и географии, книги для детей и юношества. Наиболее значительные издания: «Полная энциклопедия русского сельского хозяйства» в 11 тт. (1900—09), «Россия. Полное географическое описание нашего отечества», под редакцией В.П.Семёнова-Тян-Шанского (вышло 11 тт. в 1899—1914, издание не закончено), «Жизнь моря» К. Келлера (1897), «Животный мир Европы» (в 3 тт., 1900—02) и др. Издания Девриена отличались высоким уровнем полиграфического исполнения. Всего им было выпущено около 1500 названий книг. В 1917 уехал в Берлин, 64
- Делянов Иван Давыдович, граф, р. 1818 † 1897, русский государственный деятель, статс-секретарь. Окончил курс в Московском университете по юридическому факультету; служил во II отделении Собственной Его Императорского Величества канцелярии, где участвовал в работах по составлению уложения о наказаниях. В 1857 г. назначен управляющим делами секретного комитета о раскольниках, в 1858 г. — попечителем петербургского учебного округа, в 1860 г. — членом главного цензурного управления, в 1861 г. — директором департамента министерства народного просвещения; в том же году занял пост директора Имп. публичной библиотеки и вновь сделался попечителем петербургского учебного округа. В 1865 г. назначен сенатором; в 1866 г. занял пост товарища министра народного просвещения, оставаясь директором публичной библиотеки. В 1874 г. назначен членом государственного совета. Стоял одно время во главе учрежденный имп. Марии. 16 марта 1882 г. назначен министром народного просвещения. В 1888 г. возведен в графское достоинство, 65
- Ден Владимир Эдуардович, р. 1867 † 1933, профессор кафедры экономической географии Политехнического института¹⁸, 50, 63, 71
- Динник Николай Яковлевич, р. 1847 † 1917, выдающийся исследователь Кавказа. Много лет избирался гласным городской Думы, более 40 лет (с 1874 г.) состоял преподавателем Ольгинской женской гимназии, а затем — Александровской гимназии Ставрополя. Член Московского общества испытателей природы, Русского горного общества, Крымско-Кавказского горного клуба, общества по изучению Кавказа. Около трех десятков статей Н.Я.Динник посвятил Кавказу. За статью «Горы и ущелья Терской области» Русское географическое общество в 1885 году наградило его серебряной медалью. В 1888 году за труды по кавказоведению Н.Я.Динник награжден золотой медалью. В 1913 году «за долголетнюю плодотворную педагогическую деятельность и ценные ученые труды по исследованию местного края» Н.Я.Диннику присвоено звание «Почетный гражданин города Ставрополя». Сотрудник В.П. по изданию «России», 97
- Добролюбов Александр Михайлович, р. 1876 † 1945?, поэт-декадент, позднее странник, основатель секты «свободных христиан» («добролюбовцев»). Сведения о жизни Добролюбова после 1910 г. чрезвычайно скудны. Он периодически навещал Петербург и Москву, где иногда встречался с различными поэтами и писателями. Известно также, что он жил в Поволжье и Сибири, затем, в 1925–1927 годах, странствовал по Средней Азии. Умер в г. Уджары на территории Нагорного Карабаха, где он работал в артели печником, не ранее весны 1945 года, 42
- Добролюбова Мария Михайловна, сестра А.М.До-

¹⁷См. его биографию в примечании на стр. 145

¹⁸Биографическая справка о В.Э.Дене приведена в примечании к т. III.

- бролюбова, во время Японской войны сестра милосердия, в 1905 – 1906 г. активный член партии с.-р., † 1906 (самоубийство?), 42
- Добронравов Иван Иванович, протоиерей, настоятель Андреевского Собора, 47
- Довнар-Запольский Митрофан Викторович, р. 1867 † 1934, белорусский историк, этнограф и экономист, основоположник белорусской национальной историографии. Окончил ист.-фил. фак. унив. св. Владимира. В 1905 г. им открыты в Киеве высшие женские вечерние курсы, в 1906 г. – высш. коммерческие курсы, преобразованные затем в коммерческий институт. После революции с 1925 г. профессор БГУ, действительный член Института белорусской культуры, председатель его историко-археографической комиссии и сотрудник Госплана БССР. Обвиненный в «нацдемовщине», был вынужден оставить работу и в 1926 г. выехать в Москву. Было заблокировано его избрание академиком АН СССР, осуждена рукопись книги «Гісторыя Беларусі» (была издана только в 1994 г.). Сотрудник В.П. по изданию «России», 32
- Докучаев Василий Васильевич, профессор, почвовед, р. 1846 † 1903, 124
- Достоевский Андрей Андреевич, р. 1863 † 1933 г., в 1917 г. чиновник особых поручений мин. финансов, действ. статский сов., арестован в 1930 г. по делу Пушкинского Дома, приговором тройки ШП ОГПУ ЛВО 10 февр. 1931 г. осужден на 5 лет лагерей, некоторое время находился на строительстве Беломорканала (Медвежьегорск), осв. в мае 1931 г. по случаю 50-летия со дня смерти Ф.М. Достоевского, 54, 83, 104, 106, 111, 112
- Достоевский Федор Михайлович, р. 1818 † 1881, 24
- Дрягин Николай Ионович, р. 1865 † 1905, русский статистик; работал в Нижегородском земском статистическом бюро под руководством Н.Ф. Анненского; позже заведовал статистическим отделом главного управления неокладных сборов. Сотрудник В.П. по изданию «России», 106
- Дубянский Владимир Андреевич, секретарь отделения физической географии РГО (1912), профессор Петроградского Географического института (1921), 83
- Дункан Айседора, р. 1878 † 1927, танцовщица, 21
- Дымов Осип (наст. имя Иосиф Исидорович Перельман), р. 1878 † 1959, русский писатель, драматург, журналист. Брат Я. И. Перельмана. С 1913 жил в США, 20
- Дюма Александр ст., р. 1802 † 1870, 93
- Екатерина II, р. 1729 † 1796, императрица (1762), 7
- Еремин Григорий, сектант, 42
- Еремина Софья † после 1960 (?), его дочь, в 1917 г. невеста Л.Д. Семенова-Тян-Шанского 42
- Ермолов Алексей Сергеевич, р. 1846 † 1917, Окончил Имп. Александровский лицей с золотой медалью (1866) и Петербургский земледельческий институт со степенью кандидата сельского хозяйства (1871). Последовательно назначался: вице-директором (1881), директором (1883) Департамента, товарищем министра финансов (1892). С января 1894 по май 1905 состоял в должности министра земледелия и государственных имуществ. Весной 1907 лично объехал все неурожайные районы и составил доклад для представления в Центральный комитет по оказанию врачебной и продовольственной помощи пострадавшим от неурожая губерниям (отмечен Монаршей благодарностью). Известен научными публикациями по проблемам сельского хозяйства. За книгу «Организация полевого хозяйства» удостоен Макарьевской премии Петербургской АН. В декабре 1899 избран почетным членом Имп. Академии Наук. Награжден высшими российскими орденами, до Св. Владимира 1-й степени включительно. Чл. Гос. Совета (1906), 124
- Жоффр Жозеф-Жак Сезар, р. 1852 † 1931, маршал Франции (1916), 114
- Забела-Врубель Надежда Ивановна, р. 1868 † 1913, певица, жена М.А. Врубеля, 18
- Заблоцкая-Десятовская Фанни Андреевна, ур. Эндрыус, р. 1806 † 23 июня 1882 г., 105
- Захаров Георгий Федотович, картограф, 54
- Захарьин Григорий Антонович, р. 1829 † 1897, терапевт, профессор Московского университета, 43
- Зенгер Генрих Иванович, реставратор и продавец старинных картин, 50
- Зиновьев Николай Алексеевич, р. 1839 † 1917. Окончил курс Лазаревского института восточных языков. В 1882–1884 Сувальский, в 1884–1887 Петроковский, в 1887–1893 Тульский губернатор. В 1901–1902 директор Хозяйственного департамента

- МИД. В 1902–1904 г. товарищ министерства внутренних дел при Плеве, заведовал делами местного хозяйства. Провел реформу городского управления города Петербурга (закон 1903 г.); обривозвал земские учреждения Московской и Курской губерний. Сенатор (1903), действ. тайный советник, член Госуд. совета (1906), 119
- Золотарев Аким Михайлович, р. 1853, профессор статистики Николаевской академии генерального штаба, председатель Центрального статистического комитета, сенатор, генерал-лейтенант. Около 10 лет возглавлял землячество донских казаков в Санкт-Петербурге, 84
- Золя Эмиль, р. 1840 † 1902, 93
- Ида Карловна, см. Штегман И.К. 79, 88
- Иенно-Гройер Э.Л., знакомая В.В.Семеново-Тянь-Шанской, 79
- Ижевский Павел Иванович, р. 1859 † 1934, доктор, в 1917 г. консультант больницы Покровской общины сестер милосердия, статский сов., 34
- Ильин Алексей Алексеевич, 101
- Ильинский Григорий Андреевич, р. 1876 † 1937, ученый-славист, археограф, издатель, профессор Юрьевского, затем Воронежского университета (1918), чл.-корр. АН СССР (1921), Болгарской и Польской академий, ученик В.И.Ламанского. Арестован по делу «славистов» и расстрелян в декабре 1937 г., 48
- Иностранцев Александр Александрович, геолог, р. 12 июля 1843 г. † 31 дек. 1919 г., профессор СПб университета, член-корр. Академии Наук (1901), 5, 16, 65
- Иогихес Мартын Осипович, домашний доктор в семье В.П., 40, 43, 48, 58, 70, 76, 112, 115
- Камена д'Альмейда Пьер, профессор географии Бордосского университета, 16, 93, 99
- Кашпелли Раффаэлло, маркиз, р. 1848 † 1921, итальянский министр иностранных дел (1898), министр сельского хозяйства (1900), президент Итальянского Географического общества (1907–1915), 92
- Каракаш Николай Иванович, р. 1862, геолог, ученик А.А.Иностранцева. Приват-доцент палеонтологии и геологии С.-Петербургского университета, профессор женского педагогического института, психоневрологического института, председатель Петербургских с/х курсов. Производил полевые геологические исследования в Крыму, на Кавказе и др., 5
- Карасевич Сергей Константинович, столоначальник, 10
- Каратыгин Вячеслав Гаврилович, р. 1875 † 1925, музыкальный критик, 71
- Кареев Николай Иванович, р. 1850 † 1931, историк, профессор СПб университета, чл.-корр. Академии Наук (1910), почетн. академик (1929), 107
- Карпинский Александр Петрович, р. 26 дек. 1846 . † 15 июля 1936 г., академик (1896), вице-президент Имп. Академии Наук (1916), президент РАН (1917 – 1925), президент АН СССР (1925 – 1936), 12, 101
- Кауфман Александр Аркадьевич, р. 1864 † 1919, русский экономист и статистик, профессор, один из организаторов и лидеров партии кадетов. Окончил Петербургский университет (1885). В 1887–1906 служил в министерстве земледелия и государственных имуществ. Собрал обширный материал по экономике крестьянских хозяйств Сибири. Умер в эмиграции в Берлине, 74
- Кауфман Розалия Ивановна, вдова раввина, знакомая П.П., 58
- Качалов (Шверубович) Василий Иванович, р. 1875 † 1948, артист Московского Художественного театра, 21
- Качинская Варвара Александровна, пианистка, 15, 18
- Кирилин Георгий Николаевич, геолог, сотрудник В.П. по изданию «России», 106
- Кирилл Владимирович, вел. кн., р. 1886 † 1936, 26
- Клейнадель Осип Логинович, р. 1845 † 1908, домовладелец, финансист, почетн. гражданин, 6
- Клеманский, комический актер, 20
- Книпович Николай Михайлович, р. 1862 † 1939, гидробиолог, чл.-корр. АН СССР (1927), почетн. академик (1935), 36, 53
- Книппер-Чехова Ольга Леонардовна, р. 1868 † 1959, 21
- Ковалевский Владимир Иванович, р. 1844, государственный деятель и финансист. Получил высшее образование в петербургском земледельческом институте; служил в министерстве государственных имуществ; перейдя в министерство финансов, назначен директором департамента мануфактур и торговли, а с 1900 по 1902 годы – товарищем министра финансов, заведующим делами торговли и промышленности. Председатель Имп. русского технического общества в Петрограде. Под его редакцией изданы министерством финансов сборники: «Про-

- изводительные силы России» (1896) и «Россия в конце XIX в.» (1900), 6, 10
- Ковалевский Евграф Петрович, р. 1865 † Служил в министерстве народного просвещения, принимая участие почти во всех комиссиях по преобразованию средней и начальной школы. Много раз ездил в Западную Европу и в Америку для участия в международных съездах и в организации педагогических выставок. В 1896 году организовал научно-учебный отдел на Нижегородской выставке, и по его инициативе был устроен даровой и удешевленный проезд учащихся и учащихся на выставку. В 1900 году на Парижской всемирной выставке им были устроены даровые квартиры и образовательные экскурсии для русских учителей. В 1904–1907 годах в качестве председателя постоянной комиссии народных чтений Ковалевский разрабатывал вопрос об устройстве и оборудовании народных аудиторий. В течение 20 лет состоял уездным и губернским гласным и почетным мировым судьей в Воронежской губернии. Чл. III и IV Гос. Думы от Воронежской губ., 25, 31, 44, 131
- Козьмодемьянский Константин Николаевич, статистик, сотрудник министерства финансов, 67, 73
- Коковцов Владимир Николаевич, гр., р. 1853 † 1943, Окончил Александровский лицей и СПб университет. В 1873–1890 служил по Министерству юстиции. С 1890 — в Государственной канцелярии: помощник статс-секретаря, статс-секретарь Департамента государственной экономии (с 1891), помощник государственного секретаря (с 1895). С 1 марта 1896 — товарищ министра финансов. В 1900 назначен сенатором (с оставлением в занимаемой должности). С 14 апреля 1904 — государственный секретарь. Статс-секретарь (1904). С 5 февраля 1904 министр финансов; 25 октября 1905 при формировании кабинета С.Ю. Витте уволен от должности министра с назначением чл. Государственного совета и производством в действ. тайные советники. При сменившем Витте на посту премьера И.Л.Горемыкине вновь занял пост министра финансов. После смертельного ранения в Киеве премьера П.А.Столыпина 1 сент. 1911 Коковцов в качестве заместителя председателя Совета министров вступил в исполнение обязанностей председателя. После кончины Столыпина Коковцов был 11 сент. назначен председателем Совета министров, сохранив за собой портфель министра финансов. Уволен от обеих этих должностей 30 января 1914; при отставке возведен в графское достоинство. В Государственном совете с июля 1915 возглавил кружок внепартийного объединения. С 30 дек. 1915 председатель Второго департамента Государственного совета. В конце июня 1918 был арестован и несколько дней находился под арестом в Петроградской ЧК. В ноябре 1918 вместе с женой нелегально переехал через финскую границу, а затем переехал во Францию. Скончался в Париже. Оставил мемуары: Из моего прошлого: Воспоминания 1903–1919 г. М., 1992. Кн. 1-2, 25
- Колчак Александр Васильевич, р. 1874 † 1920 (расстрелян), адмирал, 56
- Кольцова Капитолина Ивановна, см. Семенова-Тян-Шанская К.И.
- Кондаков, экономогеограф, 99
- Константи́н Константинович (К.Р.), вел. кн., р. 1852 † 1915, президент Имп. Академии Наук, 27, 115
- Коровин, доктор, 43
- Коропчевский Д.А., географ, этнограф, 71
- Корсакова Екатерина Васильевна, 53, 109, 111, 115
- Коссович Иосиф Васильевич († 1928), контр-адмирал, во время Русско-Японской войны командовал крейсером «Паллада» в чине капитана I ранга, 26
- Котвич Владислав Людвигович, р. 1872 † 1944, русский и польский востоковед, член-корреспондент АН СССР (1923), действительный член Польской академии знаний, председатель Польского востоковедческого общества (1922–36). В 1895 окончил Петербургский университет, в 1900–03 преподавал в университете монгольский язык, в 1903–23 — калмыцкий и маньчжурский языки. Неоднократно ездил в Калмыкию для исследования говоров и диалектов калмыцкого языка. В 1920–22 первый директор Петроградского института живых восточных языков. В 1923–40 профессор кафедры восточных языков Львовского университета. С 1927 редактор журнала «Rocznik Orientalistyczny», 26
- Кракау Александр Иванович, р. 1817 † 1888, Учился в Академии Художеств; глав-

- ным наставником его был К. Тон. В Италии долго занимался изучением памятников зодчества и участвовал в капитальном труде своих академических товарищей А.И. Резанова и Н.Л. Бенуа по реставрации Орвиетского собора. По возвращении получил звание академика. В 1853 году за проект собора возведен в звание профессора. Преподавал архитектуру в классах академии. Гл. архитектор дирекции Имп. театров. По его проектам, им самим или другими под его руководством, возведены постройки, из которых наиболее известны дом барона Штиглица (впоследствии дворец в. кн. Павла Александровича), церковь в память цесаревича Николая Александровича на Выборгской стороне, вокзал Балтийской железной дороги и Мариинский рынок в Петрограде и Штиглицевская церковь в Нарве, 91
- Кракау Василий Александрович, р. 1857 † 1934, выпускник и 2-й директор гимназии К.Мая,¹⁹ 24
- Краснов Андрей Николаевич, р. 1862 † 1914, ботаник, географ и путешественник, основатель Батумского ботанического сада, друг В.И.Вернадского по учебе в столичной гимназии, а затем в Петербургском университете, ученик А.Н.Бекетова и В.В.Докучаева, 65
- Крачковский, пейзажист, 42
- Кропоткин кн. Петр Алексеевич, р. 27 ноября 1842 г. † 8 февр. 1921 г., 12
- Крубер Александр Александрович, р. 1871 † 1941, физико-географ, профессор, с 1919 г. зав. кафедрой географии МГУ, ученик Д.Н.Анучина, 12
- Крупенский Анатолий Николаевич, р. 1850 † 1923, чрезвычайный посланник и полномочный министр в Норвегии, российский посол в Италии, гофмейстер Высочайшего Двора, тайный советник. Умер в Риме, похоронен на кладбище Testaccio у Пирамиды Цестия, 94
- Кузмин Михаил Алексеевич, р. 1872 † 1936, поэт, 20
- Кузнецов Василий Юльевич, участник переписи 1897 г, впоследствии горн. инженер, 96, 118, 126
- Кузнецова Елена Петровна, его жена, 95
- Кузнецова Н.М., певица Мариинского театра, 15
- Кузьминский Владимир Васильевич, товарищ министра финансов (1914), 105
- Кулакова Елизавета Яковлевна, см. Грот Е.Я.
- Куприн Александр Иванович, р. 1870 † 1938, писатель, с октября 1919 в эмиграции в Эстонии, с июня 1920 в Париже, член правления и вице-председатель парижского Союза писателей и журналистов, редактор журнала «Иллюстрированная Россия» (1931-1932), в конце мая 1937 вернулся в Россию, 107
- Куропаткин Алексей Николаевич, р. 1848-1925, военный министр (1898-1904), во время Русско-японской войны главнокомандующий Манчжурской армией (1904-1905), Туркестанский генерал-губернатор (1916); после революции жил в своем бывшем имении в Псковской губ., 14, 26
- Лагорио Александр Евгеньевич, р. 1852 † 1923, профессор, минералог, чл.-корр. Академии Наук (1896), 63
- Ламанская Анастасия Владимировна (в замужестве Гречина), дочь В.И.Ламанского, † 28 дек. 1941 г., 13, 22, 70, 121
- Ламанская Олимпиада Ивановна, в замужестве Поленова, сестра В.И.Ламанского, 13, 24, 116, 120
- Ламанская Ольга Владимировна, (в первом браке Покровская, во втором Поллиц), дочь В.И.Ламанского, 13, 20, 36
- Ламанский Александр Иванович, брат В.И.Ламанского, владелец имения на Оредежи, 24
- Ламанский Владимир Владимирович, р. 1874, сын В.И.Ламанского, геолог. Окончил курс на естественном факультете Петербургского университета. Доцент по общему землеведению в петербургском политехническом институте; перешел на службу по железным дорогам. Главные труды: «Исследования в области Балтийско-Ладожского глянта летом 1900 г.» (*Изв. Геологического комитета*, т. XX, 1901); «Древнейшие слои силурийских отложений России» (*Тр. Геологического Комитета*, вып. 20, 1905, магистерская диссертация); «Das Absterben der Gletscher und die Eiszeit» (*Zeitschr. für Gletscherkunde*, 1914); после революции в эмиграции в Харбине, 5, 14, 15, 19, 24, 35
- Ламанский Владимир Иванович, р. 26 июня 1833 г. † 19 нояб. 1914 г., академик (1889 г.), 13, 19, 23, 27, 34, 66, 73, 74, 77, 95, 100, 105, 109, 115
- Ламанский Евгений Иванович, р. 1826 † 1902, экономист, финансист. Один из учредителей первого в России Петербургского

¹⁹См. примечание на стр. 140.

- общества взаимного кредита (1863). В 1867-1883 управляющий Государственным банком. Чл.-корреспондент АН (1859) по разряду историко-политических наук (политическая экономия и статистика), 116
- Ламанский Иван Иванович, р. 1794 † 1879, отец В.И.Ламанского, директор Особой канцелярии Министерства финансов по кредитной части, тайный советник, сенатор, 116
- Ламанский Сергей Владимирович, сын В.И.Ламанского, † 31 дек. 1941 г., 23, 36, 48, 59, 60, 68, 72, 73, 79, 115, 121, 132
- Ламанский Сергей Иванович, брат В.И.Ламанского, физик, 35, 116
- Лангина Вера Ивановна, 49
- Лапшин Иван Иванович, р. 1870 † 1952, философ и психолог, ученик А.И.Введенского, неокантианец, профессор Петербургского университета (1908-1918), выслан из СССР в 1922 г., преподавал в Праге, 8, 18, 38
- Ленни, комический актер, 21
- Лермонтов Михаил Юрьевич, р. 1814 † 1841, 127
- Линген фон Карл Максимович, доктор, 54
- Линген фон Лев Карлович, доктор, в 1917 г. директор приюта в память кн. Олега Константиновича, действ. статский сов., 54, 58, 104, 120
- Линевич Николай Петрович, р. 1838 † 1908, генерал от инфантерии (1903), генерал-адъютант (1905). Командовал маньчжурской армией во время Русско-японской войны до назначения главнокомандующим ген. А.Н.Куропаткина и после его отставки в результате поражения под Мукденом. После заключения мира Линевич остался в Маньчжурии, заведя эвакуацией войск, затрудненной забастовками и бунтами. Нежелание Линевича прибегать к особенно крутым мерам против стачечников привело к тому, что было назначено расследование по обвинению Линевича в бездействии власти, вскоре прекращенное. В феврале 1906 г. уволен от должности главнокомандующего, 26, 56
- Личков Борис Леонидович, р. 1888 † 1966, геолог, доктор геолого-минералогических наук (1943). Труды по теоретическим проблемам геологии, вопросам взаимодействия литосферы, гидросферы и атмосферы (общая теория Земли), астрологии. Автор концепции о решающей роли гидросферы в истории Земли, о значительной роли ее во взаимосвязях Земли с другими космическими телами Солнечной системы. В 30-е г. арестован, несколько лет провел в заключении, 107
- Лупандер, помещик, 37
- Людендорф Эрих фон, р. 1865 † 1937, генерал, начальник Штаба Восточного фронта (с окт. 1914), 114
- Майков Аполлон Николаевич, р. 1821 † 1897, поэт, университетский товарищ М.П.Заблочного-Десятовского, 29
- Макаров Степан Осипович, вице-адмирал, р. 1848 † 1904, 26
- Маковский Сергей Константинович, р. 1877 † 1962, поэт, редактор журнала «Аполлон», мемуарист, ум. в эмиграции, 20
- Макшеева Вера Алексеевна, знакомая В.П., 77
- Малоземова Вера Яковлевна, в замужестве Ламанская, жена И.И.Ламанского, 116
- Марков Андрей Андреевич (ст.), математик, р. 2 июня 1856 г. † 20 июля 1922 г., академик (1896), 108
- Маркс Адольф Федорович, р. 1838 † 1904, издатель, основатель фирмы «А.Ф. Маркс». Родился в Штеттине; в Петербург прибыл по приглашению Битепажа и Калугина для устройства немецкого отдела их книжной торговли. Фирма Маркса выпустила много роскошных изданий, преимущественно по литературе и искусству, и ряд изданий классических и современных русских писателей. Основатель еженедельника «Нива», приложения к которому доставили небывалое до того распространение произведениям лучших писателей, 27
- Марр Николай Яковлевич, р. 1864 † 1934, языковед, академик, 97,
- Маршалек, чех-архитектор и православный монах, 49
- Масальский кн. Владислав Иванович, р. 1859, сельскохозяйственный деятель и писатель. Окончил физико-математический факультет С.-Петербургского университета по естественному отделению, в 1885-86 годах производил исследования в Батумской и Карсской областях и в пограничных частях Малой Азии и состоял ассистентом при кафедре ботаники в Императорской медицинской академии. По инициативе Масальского был выдвинут вопрос об издании описаний выдающихся частновладельческих хозяйств, исследования положения многих отраслей сельского хозяйства (травосеяние, огородничество, ви-

- ноделие, культура гречихи, чая, хлопчатника и т. п.), а полученные данные (частью лично) послужили к выработке ряда мер к улучшению и развитию этих отраслей. Многие опытные и показательные учреждения, в особенности в Туркестане и на Кавказе, были устроены при ближайшем участии Масальского. В 1907 г. Масальский назначен членом совета главного управления землеустройства и земледелия, а в 1909 г. управляющим отделом земельных улучшений. За это время деятельность отдела получила чрезвычайное развитие. Масальский – один из лучших знатоков хлопководства, Туркестано- и Кавказоведения. Им напечатано более 150 отдельных работ, множество статей, исследований и монографий по сельскому хозяйству, земельным улучшениям, ботанике, географии, по экономическим вопросам и т. п. Сотрудник В.П. по изданию «России», составитель XIX тома («Туркестан»), 97
- Мейерхольд Всеволод Эмильевич, р. 1874 † 1940 (расстрелян), 88
- Мельников Иван Александрович, р. 1832 † 1906, певец, солист Мариинского театра. Окончил коммерческое училище, занялся торговлей, но вскоре отдался музыке. Дебютировал в 1860 г. в концерте Санкт-Петербургской музыкальной школы. В 1867 г. Мельников выступил в Петербурге, в «Пуританах», и стал одним из видных деятелей оперной сцены. Главные его роли: Руслан, мельник (в «Русалке»), Борис Годунов, Кочубей (в «Мазепе», Чайковского), Демон (в опере Рубинштейна), Вольфрам (в «Тангейзере» Вагнера). Оставив сцену, основал в 1892 г. хоровой класс, 130
- Меншиков светл. кн. Александр Сергеевич, р. 1781 † 1869, чрезвычайный посол в Турции (1853), Главнокомандующий действующей армией в Крыму (1854), 31
- Мережковский Дмитрий Сергеевич, р. 1866 † 1941, 42
- Мерцбахер Готфрид, р. 1843 † 1926, немецкий географ, профессор²⁰. В 1903 г. возглавил немецкую экспедицию в центральный Тянь-Шань, изучившую Иньлчекский ледник и совершившую восхождение на несколько вершин²¹. Награжден золотой медалью Русского Географического общества (1911)²², 95
- Микколе Иосиф, р. 1871, профессор Гельсингфорского университета, славист, 74
- Миклухо-Маклай Николай Николаевич, р. 1846 † 1888, 66
- Могиланский Николай Михайлович, р. 1871 † 1933, университетский товарищ В.П., антрополог, географ, ученик Э.Петри. Сын судебного деятеля, умершего в 1894. В 1898-1910 преподавал географию в Учительском институте и 1 кадетском корпусе, участвовал во многих этнографических экспедициях. С 1907 до закрытия профессор педагогических курсов военного ведомства при Военно-педагогическом музее в Санкт-Петербурге. В 1916–1917 статский советник. В 1918 товарищ державного секретаря Украины, член правительства П.П.Скоропадского. В 1920 выехал в Константинополь. В 1931 товарищ председателя Союза русских писателей и журналистов в Чехословацкой республике. Умер в Праге. Жена и дочь (ок. 1903 г.р.) остались в России, 102
- Молас Николай Павлович, управляющий типографией императорских театров, тесть Н.А.Римского-Корсакова, 26
- Молас М.П., его брат, погиб в 1904 г. на бронекосце «Петропавловск», 26
- Молодых Иннокентий Александрович, сотрудник мин. финансов, в 1917 г. служил в департаменте земледелия. колл. ассессор, 14, 53
- Морачевский Виталий Витальевич, † 1918, в 1917 г. заведовал справ.-изд. бюро при департаменте земледелия, секретарь Статист. отдела Географического общества, сотрудник В.П. по изданию «России», редактор XIV тома («Крым»), 71, 83
- Морозов Георгий Федорович, р. 1867 † 1920, лесовод, профессор. Окончил Александровский кадетский корпус и Павловское военное училище, затем Лесной институт (1894), работал в Хреновском и Каменно-степном лесничествах, заведовал каф. лесоводства Лесного института, во время революции – в Крыму; в 1919 г. избран профессором Таврической

²⁰См. о нем: Steffens, R. Gottfried Merzbacher und der Tian Shan. Zentralasiatische Erkundungsfahrten zu Beginn des 20. Jahrhunderts. – In: Berg, 127 (2003), S. 76-85.

²¹См. Gottfried Merzbacher. Der Tian-Schan oder das Himmelsgebirge, in: *Zeitschrift des DÖAV*. Innsbruck, Verlag des DÖAV, 1906.

²²В 2005 г. эта медаль «в оригинальном футляре» была выставлена на интернет-аукцион.

- го университета, скончался в Симферополе, 124
- Муселиус, землевладелец, 23
- Мусоргский Модест Петрович, р. 1835 † 1881, 127
- Мушкетов Дмитрий Иванович, р. 1882 † 1938, геолог, профессор, директор Геологического комитета, арестован и расстрелян в 1938 г.²³, 106
- Мушкетов Иван Васильевич, р. 1850 † 1902, геолог, географ, профессор Горного института, 16, 32, 106
- Надпорожская Елизавета Васильевна, знакомая В.П., жена директора усть-нарвской таможни, 33
- Налбандьян, скрипач, 15
- Нарышкина Александра Николаевна, р. 1839 † 1919 (расстреляна), сестра проф. Б.Н.Чичерина, замужем (1871) за обер-камергером Эмм. Дм. Нарышкиным (1818-1902). Фрейлина имп. Марии Федоровны, статс-дама Имп. двора. Попечительница Тамбов. Екатерининского учит. ин-та, чл. Тамбов. Дамского к-та, об-в попечения о раненых и больных воинах и Кр. Креста, содержала приют для арестантских детей. Жертвовала большие средства на строительство храма при больнице общ. Кр. Креста, реставрацию здания Спасо-Преображенского кафедр. собора, строительство домов под квартиры причта, мощение Соборной пл. в Тамбове, передала физ.-мед. об-ву дом на берегу р. Цны под приют для больных туберкулезом. Поддерживала развитие жен. рукоделия и кустарных промыслов, открыв в своем имении в Шацком у. учебную мастерскую по изготовлению ковров, изящных вышивок и кружев. Изделия мастерской неоднократно получали зол. медали на выставках кустарных изделий в Тамбове. Поч. гражданка Тамбова (1914). Расстреляна при проведении кампании по национализации собственности и выселению бывших помещиков из их домов²⁴, 38
- ²³См. о нем: Павловский Е.В., Шульц С.С. Дмитрий Иванович Мушкетов (1882–1938). – *В кн.*: Выдающиеся ученые Геологического Комитета–ВСЕГЕИ. Л.: Наука, 1984. Соловьев Ю.Я. “Дату смерти знает только МВД...”: Дмитрий Иванович Мушкетов, 1882-1938 г. // Вопросы истории естествознания и техники. 2001, № 2, с.75–93
- ²⁴Использована информация с сайта, посвященного почетным гражданам Тамбова (2005).
- Насонов Николай Викторович, р. 1855 † 1939, зоолог, академик (1906), 76
- Никитин Сергей Николаевич, геолог, р. 23 янв. 1850 г. † 5 ноября 1909 г., профессор, член-корр. Академии Наук (1902), 16, 63, 124
- Николаевский Константин Васильевич, знакомый Семеновых, один из организаторов отдела старинного быта на Нижегородской выставке и Всемирной выставке в Париже, по образованию ветеринар²⁵, 14, 19, 41
- Николай Михайлович, вел. кн., р. 1859 † 1919 (расстрелян), историк, почетн. член АН, председатель Русского Географического общества, 12
- Николай II, р. 1868 † 1918 (расстрелян), 17, 31, 75
- Новикова Александра Николаевна, рожд. Ростовцева, сестра гр. Я.Н.Ростовцева, 112
- Новицкий Константин Антонович, столоначальник, 10, 11
- Новицкий Евгений Федорович, р. 1867 † 1931, генерал-лейтенант Генштаба. Окончил Полоцкий кадетский корпус, 2-е военное Константиновское училище и Николаевскую академию Генерального штаба (1892). Участник русско-японской и Первой мировой войн. Из училища выпущен в Лейб-гвардии Литовский полк. После окончания академии состоял преподавателем военной истории и тактики в Павловском военном училище, занимая должность старшего адъютанта и штаб-офицера для особых поручений последовательно во 2-й гвардейской пехотной дивизии и в штабе гвардейского корпуса. В 1903 г. — полковник. В 1905 г. командирован в Маньчжурскую армию и назначен командиром 12-го стрелкового полка. В 1910 г. за отличия по службе произведен в генерал-майоры и назначен в командиром Лейб-гвардии Семеновского полка. В 1913 г. был назначен начальником Офицерской стрелковой школы и в то же время состоял членом комиссий по выработке нового Наставления для стрельбы и принятия на вооружение автоматического ружья. В 1915 г. назначен начальником 48-й пехотной дивизии, которую восстановил после жестоких потерь, понесенных ею на Дуклинском перевале в мае 1915 г., где был взят в плен генерал Корнилов. В
- ²⁵Весьма негативно его характеризует в своих мемуарах В.Д.Семенова-Тян-Шанская, в частности в связи с историей последней болезни О.П.Семеновой.

- 1916 г. произведен в генерал-лейтенанты «за боевые отличия». В 1917 г. — командир 45-го армейского корпуса. После революции в начале 1918 г. оставался на Румынском фронте, где ему удалось спасти большую часть архива. В Добровольческой армии состоял в распоряжении Главнокомандующего и возглавлял ряд комиссий по выработке новых уставов и наставлений. После эвакуации Крыма служил с 1921 г. в инспекции пехоты Королевства СХС, а затем инструктором в Стрелковой школе в Сараево, 15
- Нольде Михаил Эмилиевич, барон [сын Э.Ю.Нольде (1854 – 1909), управляющего делами Комитета министров] 6, 50, 69
- Нурок Альфред Павлович, р. 1863 † 1919, искусствовед, художественный критик, 20
- Ольденбург Сергей Федорович, р. 1863 † 1934, востоковед, академик (1908), непременный секретарь АН (1904 – 1930), 36, 42, 118
- Ольхин Сергей Александрович, статистик; тесть гр. Я.Н.Ростовцева, в 1874-1882 г. управляющий делами Податной комиссии, в 1883 г. состоял при министре финансов, с 1884 г. член Совета министра финансов, 67
- Оппенгейм, р. 1858 † 1919, невропатолог, профессор, 58, 59
- Орановская Александра Ксаверьевна, вдова военного топографа генерала Орановского, 56
- Ее сыновья:
- Орановский Владимир Алоизиевич, р. 1866 † 1917, генерал от кавалерии (1914). Образование получил в Пажеском корпусе (1884) и Николаевской академии Генштаба (1891). Выпущен в лейб-гвардии Драгунский полк. 30.11.1894-30.11.1895 командир эскадрона 16-го драгунского Глуховского полка. С 22.11.1895 штаб-офицер при управлении 2-й Восточно-Сибирской линейной бригады. С ноября 1904 окружной генерал-квартирмейстер штаба Приамурского ВО. Участник рус.-японской войны 1904-05. С марта 1905 генерал-квартирмейстер штаба главнокомандующего сухопутными и морскими силами, действующими против Японии. С 21.8.1907 начальник 2-й отдельной кав. бригады, с июля 1908 начальник штаба генерал-инспектора кавалерии в. кн. Николая Николаевича. При мобилизации в июле 1914 назначен начальником штаба армий Северо-Западного фронта (главнокомандующий ген. Я.Г. Жилинский). С 31.1.1915 командир 1 кав. корпуса. С 19.4.1917 командир XLII отдельного АК, в состав которого входили все войска расквартированные в Финляндии, в т.ч. в крепостях Свеаборг, Выборг и др. В подчинении О. находился также сформированный 1 конный корпус. 26.7.1917 переведен в резерв чинов при штабе Петроградского ВО, с 9.8.1917 состоял в распоряжении главнокомандующего армиями Северного фронта. 29 авг. 1917 г. в Выборге арестован толпой солдат, подвергся истязаниям и оскорблениям и был сброшен в воду с Абоского моста, 56-57
- Орановский Николай Алоизиевич, р. 1869 † 1935, брат предыдущего, генерал-лейтенант (1916). Образование получил в Пажеском корпусе. Участник рус.-японской войны 1904-05. Награжден золотым оружием (1906). С 21.11.1907 командир 35-й, с 23.11.1908 – 3-й арт. бригады, с 24.1.1909 – лейб-гвардии конной артиллерии. 25.3.1914 назначен начальником 1-й отдельной кав. бригады, с которой вступил в войну. С 11.10.1914 командир 1-й бригады 2-й кав. дивизии. 24.10.1915 назначен инспектором артиллерии XXXVII АК; 14.3.1916 – XIII АК, а 19.4.1917 – 5-й армии. После Октябрьской революции эмигрировал во Францию, 56
- Орлов Владимир Андреевич, московский врач, тесть И.П.Семенова-Тян-Шанского, 87
- Орлова Анна Алексеевна, его жена, 32, 87
- Орлова Надежда Владимировна, см. Семенова-Тян-Шанская Н.В.
- Ососков Павел Александрович, геолог, исследователь Поволжья, в 1890-е г. преподаватель Самарского реального училища; собранные им коллекции сохранились в собрании Самарского краеведческого музея, 12
- Оссовский Александр Вячеславич, р. 1871 † 1957, музыковед, чл.-корр. АН СССР (1943), 15, 18, 56
- Охочинский Петр Владимирович, † 1909, статистик, 50, 63
- Оцуп Иосиф Адольфович, владелец фотографического ателье (Литейный пр. д. 41), 104
- Павлов Алексей Петрович, р. 1854 † 1929, геолог, палеонтолог, чл.-корр. Академии Наук (1905), академик (1916), президент Московского общества испытателей приро-

- ды, 98
- Палибин Иван Владимирович, р. 1872 † 1949, ботаник, доктор биол. наук (1934), засл. деятель науки РСФСР (1946). Образование получил в Женевском университете. С 1895 работал в Петербургском ботаническом саду (позднее Ботанический институт АН СССР), где организовал сектор палеоботаники (1932). Директор Батумского ботанического сада (1916–23). Совершил экспедиции (с целью изучения флоры) в Северный Китай, в Монголию, на острова Северного Ледовитого океана (на ледоколе «Ермак»), Кавказ, в Малую Азию. Основные труды по систематике и географии древесных растений, современной флоре восточной Азии, Забайкалья, Кавказа, третичной флоре Кавказа, Казахстана, Дальнего Востока, 26
- Пальчинский Петр Акимович (Иоакимович), р. 5 окт. 1875 † 1929, инженер, арестован в ноябре 1928 г., расстрелян в мае 1929 г.²⁶, 126
- Панфилов Гавриил Иванович, профессор географии, 45
- Панченко Семен Викторович, р. 1867, композитор. Главные его произведения: литургия C-dur, три Трисвятых песни, хоры, фортепианные пьесы, романсы, детские песни. Входил в круг общения Блока и Леонида Семенова, оказывал на них известное влияние в духе народнических и социалистических идей, 20, 125
- Парланд Эми Андреевна, р. 7 июня 1886 г. † 2 янв. 1919 г., жена М.Д.Семенова-Тянь-Шанского, 73
- Пастернак Леонид Осипович, р. 1862 † 1945, художник, академик живописи (1905), преподаватель Московского училища живописи, ваяния и зодчества (1894–1918), с 1921 в эмиграции в Берлине, с 1938 в Англии, 85
- Пель А.В., профессор фармацевтики, 40
- Пель Феликс Александрович, домовладелец, 40
- Пель, домовладелец, 49
- Перетяткович Марьян Марьянович, архитектор, спроектировал ряд крупных общественных сооружений в столицах: в Москве – дом страхового общества «Саламандра» (1908–1909гг.); в С.-Петербурге – Русский торгово-промышленный банк на Б.Морской (1910–1913), банкирский дом Вальвельберга на Невском проспекте (1911–1912), дом городских учреждений (1912–1913), Русский торговый банк (1912–1914), здание министерства Торговли и Промышленности на набережной Малой Невки (1914–1915), Храм Христа Спасителя на набережной Ново-адмиралтейского канала (1910–1911) и др., 130
- Петерс Александр Александрович, библиотекарь иностранного отделения библиотеки Академии Наук, 71
- Петерс Ричард Александрович, доктор, 40, 43
- Петри Эдуард Юльевич, р. 1856 † 1899, географ и антрополог, профессор Бернского (1883) и СПб (1887) университетов, 27, 65, 102,
- Петц Герман Германович, р. 1867 † 1908, в 1891 г. окончил курс по разряду естеств. наук в СПб. университете. С 1892 г. хранитель геологического кабинета университета. В 1901 г. защитил диссертацию на степень магистра минералогии и геогнозии, с 1902 г. приват-доцент, с 1895 г. состоял в должности геолога при кабинете Его Императорского Величества, преподавателем минералогии и геологии на женских естественно-научных курсах и исторической геологии в женском педагогическом институте. Утонул во время экспедиции на Алтае, 16, 58
- Петц Карл Германович, 16
- Пири Роберт Эдвин, р. 1856 † 1920, полярный исследователь, 93
- Платонов Сергей Федорович, р. 16 июня 1860 г. † 10 янв. 1933 г., историк, академик (1920), арестован в 1930 г., исключен из АН в 1931 г., умер в ссылке в Самаре, 38
- Плевако Федор Никифорович, р. 1842 † 1908, адвокат, судебн. оратор, чл. III Гос Думы (октябрист), 34
- Плеве Вячеслав Константинович, р. 1846 † 1904 (убит эсэром Е.Сазоновым), министр внутренних дел (1902 – 1904), 21
- Поггенполь Николай Васильевич, р. 1865 † 1916, советник Имп. Российского Посольства в Риме с 1912 года, действ. статский советник, камергер Высочайшего Двора. Один из первых русских альпинистов, совершил ряд первовосхождений на Кавказе, член-учредитель (вместе с А.К. фон Мекком и П.П.Семеновым) Русского Горного общества (1901), 91
- Погребов Николай Федорович, р. 1860, Петербург,

²⁶См. о нем: Л.Грехем. *Призрак казненного инженера. Технология и падение Советского Союза*. Европейский Дом. СПб, 2000; И. Гараевская, *Петр Пальчинский. Биография инженера на фоне войн и революций*. «Россия молодая», 1996.

- † 1942, геолог и гидрогеолог, заслуженный деятель науки РСФСР (1940). С 1930 профессор Ленинградского горного института. В 1884 поступил в Горный институт в Петербурге; в 1887 в связи с делом Александра Ульянова был сослан в Архангельскую губернию. С 1891 работал в Геологическом комитете (позже ВСЕГЕИ). Основные труды по региональной гидрогеологии, инженерной геологии и водоснабжению ряда городов, а также по изучению горючих сланцев Эстонии и Ленинградской обл. Умер во время блокады, 35
- Покровская О.В., см. Ламанская О.В.
- Покровский Василий Иванович, р. 1838 † 1915. Один из основателей земской статистики; проводил многолетние статистические исследования в Тверской губернии (1871–98, в общ. сложности более 20 томов). В 1893 г. занял должность управляющего статистическим отделением города Санкт-Петербурга; издал «Статистический Ежегодник С.-Петербурга за 1892 г.» С 1895 г. занимает должность статистика департамента таможенных сборов Министерства финансов. Председатель статистической комиссии при Имп. Вольном Экономическом Обществе, член-корр. АН (1902), 6, 13, 50, 83
- Покровский Иван Васильевич, сын В.И. Покровского, † 1906, 13, 20, 35, 48, 51
- Поленова Олимпиада Ивановна, см. Ламанская О.И.
- Поляков Александр Дмитриевич, сотрудник министерства торговли и промышленности, секретарь отделения статистики РГО (1918), 32, 113
- Померанцев Илиодор Иванович, р. 1847 (год смерти неизвестен), генерал от инфантерии (1914). Образование получил в Константиновском межевом институте, военно-топографическом училище и на геодезическом отделении Николаевской академии Генштаба. С 2.5.1894 начальник геодезического отделения военно-топографического отдела Главного штаба. С 20.3.1903 начальник военно-топографического училища. 8.4.1911 назначен начальником военно-топографического отдела ГУГШ. Одновременно с 3.2.1914 состоял председателем хозяйственно-строительной комиссии по постройке здания военно-топографического отдела в Петербурге и астрономическо-геодезической обсерватории в окрестностях города. Руководил подготовкой к войне картографического материала и снабжением войск картами местности (в целом его деятельность была не особенно успешна). 19.4.1917 уволен от службы по болезни с мундиром и пенсией, 36
- Померанцев Павел Петрович, картограф, 107
- Попов Александр Степанович, р. 1859 † 1906, 34
- Попов Борис Анфирович, петрограф, 5
- Потанин Григорий Николаевич, р. 1835 † 1920, русский географ, этнограф, публицист и фольклорист. Окончил Омский кадетский корпус (1852). В 1853–1858 на военной службе в Семипалатинске и Омске. В 1859–1862 учился в Петербургском университете. За участие в студенческих волнениях 1861 г. выслан в Сибирь, а в 1865–74 за участие в «Обществе независимости Сибири» находился в заключении, а затем на каторге и в ссылке. В начале 20 в. становится популярным общественным деятелем Сибири. В своих выступлениях и статьях «Областническая тенденция в Сибири» (1907), «Нужды Сибири» (1908) и др. отстаивает идеи областничества, выступает за создание Сибирской областной думы. В октябре 1917 г. на первом сибирском областном съезде был избран исполком во главе с Потаниным. На декабрьском чрезвычайном общесибирском областном съезде, решившем не признавать Советскую власть, Потанин был избран председателем Временного сибирского областного совета – первого правительства областников в Сибири. Но уже в январе 1918 г. Потанин сложил с себя полномочия председателя Временного Сибирского областного совета, аргументируя это «тяготением членов совета в сторону большевизма». В период гражданской войны активно призывал к борьбе с большевиками, 44
- Пресняков Александр Евгеньевич, р. 1870 † 1929, историк, ученик С.Ф.Платонова, с 1907 приват-доцент, с 1918 профессор СПб университета, член-корреспондент РАН (1920). В 20-е г. преподавал в институте красной профессуры. Умер за несколько месяцев до начала «дела Платонова», 38, 53
- Преснякова Юлия Петровна, жена А.Е.Преснякова, 53
- Прилежаев Василий Васильевич, управляющий канцелярией министра торговли и про-

- мышленности (1909), в 1917 г. чл. совета министерства торговли и промышленности, тайн. сов., 69, 73, 75, 86, 87, 122,
- Протопопов Дмитрий Дмитриевич²⁷, р. 1865 † 1934 (умер в тюрьме), чл. I Гос. Думы от Самарской губ., кадет, «выборжец», 45, 71
- Прохоров Николай Иванович, сотрудник В.П. по изданию «России», 97
- Пуанкаре Анри, р. 1854 † 1912, великий французский математик, чл.-корр. Имп. Академии Наук (1895), 108
- Пуанкаре Раймон, р. 1860 † 1934, премьер-министр (1912, 1926 – 1929), президент Франции (1913 – 1920), 108
- Пуришкевич Владимир Митрофанович, р. 1870 † 1920, чл. Гос. Думы (со II по IV созыв), 131
- Радко-Дмитриев Радко Дмитриевич (Радко Русков Дмитриев) р. 1859 † 1918, болгарский и русский генерал, в 1915–16 г. командовал 3-й, затем 12-й армией, потерпел ряд неудач, 20.7.1917 снят с командования армией и зачислен в резерв чинов при штабе Петроградского ВО. Уехал на Юг России для лечения, в сент. 1918 взят Кавказской Красной армией в число заложников и после мятежа И.Л. Сорокина вместе с ген. Рузским и др. расстрелян в Пятигорске в окт. 1918 г., 113
- Райская Сарра Григорьевна, рожд.Щелкина, гимназическая подруга В.В.Ламанской, 58
- Райский Дмитрий Павлович, ее муж, служащий канцелярии Гос.Думы, 58
- Распутин Григорий Ефимович, р. 1872 † 1916, убит) 82, 115, 122, 131
- Рауш фон Траубенберг Павел Александрович, барон, р. 1858 † 1923, экономист, гос. деятель; одно время Тифлиссский губернатор, 83
- Рафаэль, р. 1483 † 1520,
«Преображение», 93
- Резанов Александр Иванович, р. 1817 † 1887, архитектор, ректор архитектуры в Академии Художеств, 91
- Римский-Корсаков Николай Андреевич, р. 1844 † 1907, 18, 50, 56
« Снегурочка », 18, 19
«Китеж», 51
- Ришпас Платон Борисович, геолог, работал на Дальнем Востоке, секретарь отделения физической географии РГО (1906), 36, 67, 83
- Риттер Карл, р. 1779 † 1859, немецкий географ, почетн. член Имп. Академии Наук (1835), 12
- Рихтер Дмитрий Иванович, р. 1848 † 1919, статистик, экономист. С 1876 по 1889 г. служил в тверском губернском земстве, вместе с В.И. Покровским составил описания описания Ржевского и Вышневолоцкого уездов, секретарь Вольного Экономического Общества (1900–03), сотрудник Министерства торговли и промышленности. Автор «Географического словаря России». 6, 50, 83,
- Рождественский Зиновий Петрович, р. 1848 † 1909, адмирал, командующий 2-й Тихоокеанской эскадрой (1904 – 1905), 14, 55
- Романов Петр Михайлович, товарищ министра финансов, 17
- Ронкальи Джованни, итальянский географ, гидрограф, исследователь Африки, секретарь Итальянского Географического общества, 92
- Ростовцев Яков Иванович, р. 28 дек. 1803 † 6 февр. 1860 г., возведен в графское достоинство посмертно рескриптом Александра II от 23 апр. 1861 г. 75
- Ростовцев, гр. Яков Николаевич, действ. статский советник, гофмаршал. Служил в Министерстве земледелия, позднее заведующий канцелярией и личный секретарь Императрицы Александры Федоровны по делам благотворительности, управляющий делами августейших детей. Член Верховного совета по призрению семей лиц, призванных на войну, член Комитета помощи русским военнопленным. В 20-е г. – зав. издательством Якутской комиссии АН, арестован в 1929 г. по делу АН, в 1931 г. приговорен к 10 годам заключения, повторно арестован в 1937 г., † 1937 (умер в тюрьме), 45, 112, 128
- Ростовцева Мария Сергеевна, (ур. Ольхина), жена Я.Н.Ростовцева, выслана из Ленинграда после ареста мужа, 128
- Руднев Дмитрий Дмитриевич, географ, ученый секретарь Центрального географического музея, 112
- Руманов Аркадий Вениаминович, р. 1878 † 1960, журналист, окончил юридич. факультет С.-Петербургского университета, более 10 лет возглавлял петербургское отделение газеты «Русское слово», в 1916 г. был назначен директором журнала «Ни-

²⁷См. примечание на стр. 142.

- ва» и одним из трёх директоров «Товарищества издательского и печатного дела А.Ф. Маркс». Эмигрировал в 1919 г., жил в Англии, затем во Франции, 20
- Рутковская Ида Карловна, см. Штегман И.К.
- Рыбаков Сергей Гаврилович, р. 1867 † 1921, этнограф и фольклорист, 48
- Рыкачев Михаил Александрович, метеоролог, р. 25 дек. 1840 г. † 1 апр. 1919 г., академик (1900), 93
- Саблер Владимир Карлович (с 1915 г. Десятовский), окончил юридич. факультет Московского университета, магистр права (1868), состоял при вел. кн. Екатерине Михайловне, позднее юрисконсульт св. Синода, товарищ оберпрокурора св. Синода при К.П.Победоносцеве (отставка после 17 окт. 1905 г.), обер-прокурор св. Синода (1911 – 1913), р. 1847 † 1929 (умер в ссылке в Твери)²⁸, 51, 132
- Сакулин Павел Никитич, р. 1868 † 1930, литературовед, чл.-корр. РАН (1923), академик (1929), 129
- Салманов Николай Антонович, доктор, 49
- Самсонов Александр Васильевич, р. 1859 † 1914, генерал от кавалерии, в 1914 г. командующий 2-й армией во время Восточно-Прусской операции; погиб при выходе из окружения, 114
- Seменов Adolf von, 82
- Семенов, капитан, морской писатель, 55
- Семенов-Тянь-Шанский Андрей Петрович, р. 9 июня 1866 г. † 8 апр. 1942 г., зоолог, президент Энтомологического общества (1914–1931)²⁹, 24, 33, 41, 55, 73, 89, 97, 98, 106, 120, 127,
- Семенов-Тянь-Шанский Валерий Петрович, р. 17 дек. 1871 г. † 8 мая 1968 г., юрист, специалист по земельному праву, в 1917 г. товарищ обер-прокурора II деп. Прав. Сената, действ. статский сов., камергер, с 1920 г. жил в Финляндии, 8, 33, 34, 36, 38, 39, 45, 48, 57, 77, 120, 123, 130
- Его дети:
- Семенов-Тянь-Шанский Александр Валериевич, р. 1900 † 1987, инженер, с 1920 г. в Финляндии, во время войны – лейтенант финской армии, переводчик при К.Г.Маннергейме, 45, 130
- Семенова-Тянь-Шанская Елена Валериевна, 45
- Семенов-Тянь-Шанский Владимир Вениаминович, р. 11 янв. 1900 † 23 апр. 1972 г., 6, 13, 23, 29, 32, 34, 71, 73, 80, 85, 109
- Семенов-Тянь-Шанский Дмитрий Петрович, р. 7 ноября 1852 г. † 1 ноября 1917 г., статистик, действ. статский советник, служил в Министерстве земледелия, чл. Петербургской городской думы, 14, 35, 108, 109, 112
- Его дети:
- Семенов-Тянь-Шанский Александр Дмитриевич, впоследствии епископ Зилонский (1966), р. 6 сент. 1890 г. † 16 мая 1979 г., окончил С.-Петербургский университет (1914), во время I мировой войны в военном училище, потом на фронте, в 1919–20 гг. мобилизован в Красную армию, с 1921 г. в эмиграции в Финляндии, затем во Франции, рукоположен священником в 1943 г., настоятель Знаменской церкви в Париже, 108, 109, 127,
- Семенов-Тянь-Шанский Леонид Дмитриевич (Леонид Семенов), р. 2 дек. 1880 г., убит 13 дек. 1917 г., поэт-символист, позже толстовец, жил на хуторе в имении деда, убит бандитами, 20, 42,
- Семенов-Тянь-Шанский Михаил Дмитриевич, р. 8 мая 1882 г. † 19 янв. 1942 г. Во время I мировой войны на фронте в 26-м Сибирском стрелковом, затем в Л.-гв. Егерском полку, с 1918 по 1924 г. жил с семьей в Череповце, географ, статистик, сотрудник Географического музея, профессор Педагогического Института им. М.Н.Покровского, доктор географ. наук (1941), 47, 113, 122,
- Семенов-Тянь-Шанский Николай Дмитриевич р. 17 дек. 1888 г. † 27 июня 1974 г., лейтенант флота, во время I мировой войны на фронте в Сухопутном батальоне Л.-гв. Морского экипажа, позже на крейсере «Варяг», после 1920 г. в эмиграции во Франции, 110, 113
- Семенов-Тянь-Шанский Измаил Петрович, р. 25 июля 1874 г. † 3 янв. 1942 г., метеоролог, в 1920-е г. заведовал метеостанцией в своем бывшем имении Петровка в Тамбовской обл., выслен в порядке раскулачивания в 1930 г., работал в Гл. геофизической обсерватории им. Воейкова, 13, 33, 41, 55, 57, 73, 87, 105, 106, 120
- свадьба, 32
- Его дети:
- Семенов-Тянь-Шанский Олег Измайлович, р. 1 окт. 1906 г. † 21 сент. 1990 г., зоолог, профессор, один из организаторов Лапландского заповедника, доктор биоло-

²⁸См. примечание на стр. 140.

²⁹См. его биографию в Добавлении на стр. 134.

- гических наук (1962), 41, 87
- Семенов-Тянь-Шанский Святослав Измаилович (Тава), р. 1909 † 4 февр. 1942 г., инженер, 87
- Семенов-Тянь-Шанский Юрий Измаилович, р. 1910 † 1989, инженер, 87
- Семенова-Тянь-Шанская Ольга Измаиловна, р. 1912 † 1970, шахматистка, чемпион СССР среди женщин (1936), 87
- Семенов Николай Петрович, сенатор, р. 22 апр. 1823 г. † 1904, 29, 91,
- Семенов Петр Петрович (с 1906 г. – Семенов-Тянь-Шанский), р. 2 янв. 1827 г. † 14 февр. 1914 г., 7, 12, 27, 31, 33, 34, 36, 39, 41, 42, 50, 55, 58, 63, 75, 82, 84, 97, 98, 100, 103, 106, 118, 120, 123, 127
смерть, 105
- Семенов-Тянь-Шанский Роман Вениаминович, р. 27 июня 1902 г. † 6 июля 1976 г., 29, 32, 33, 39, 41, 43, 44, 48, 53, 71, 73, 76, 81, 85, 107, 109, 115, 129
рождение, 13
- Семенова-Тянь-Шанская Вера Владимировна (ур. Ламанская), 5, 13, 15, 21, 24, 29, 31, 38, 44, 47, 71, 79, 85, 109, 112, 132,
- Семенова-Тянь-Шанская Елизавета Андреевна, ур. Заблоцкая-Десятовская, р. 1842 † 1915, 39, 47, 55, 76, 82, 95, 97, 98, 103, 105, 120, 121,
- Семенова-Тянь-Шанская Евгения Михайловна, ур. Заблоцкая-Десятовская, р. 31 авг. 1854, † 15 апреля 1920 г., жена Д.П.Семенова (с 1878 г.) 32, 108, 109,
- Семенова-Тянь-Шанская Капитолина Ивановна, рожд. Кольцова, р. 1872 † 1961 жена Вал.П.Семенова-Тянь-Шанского (1898), с 1920 г. в эмиграции в Финляндии, затем в Англии, 45
- Семенова-Тянь-Шанская Надежда Владимировна (ур. Орлова), р. 16 апр 1879 г. † 1942, жена И.П.Семенова-Тянь-Шанского (1905), 32, 87
- Семенова Ольга Петровна, р. 28 мая 1863 † 12 ноября 1906 г., художница, этнограф-собираатель, автор книги «Жизнь Ивана» – этнографического исследования жизни пореформенного крестьянства, 31, 38, 41, 100
- Серафим Саровский св. (в миру Мошнин Прохор Сидорович, 1759 † 1833), 49
- Сергей Александрович, р. 1857 † 1905 (убит террористом Каляевым), вел. кн., московский генерал-губернатор (1891), командующий войсками Московского военного округа (1896), 21
- Серов Валентин Александрович, р. 1865 † 1911, 38
- Силантьев Николай Дмитриевич, судебн. следователь, тесть Н.М.Штруппа, 14, 38
- Силантьева Наталья Николаевна, 1-я жена Н.М.Штруппа, 14, 38
- Силантьева Татьяна Николаевна, свояченица, потом 2-я жена Н.М.Штруппа, 38
- Синицкий Л.Д., 71
- Скарская, актриса, 20
- Сластив Григорий Александрович, помощник столоначальника, 11, 19, 30
его жена Анна Адамовна, рожд. Добровольская, 19
- Слонимский Леонид Зиновьевич р. 1850 † 1918, журналист, сотрудник «Вестника Европы», писал по экономическим и общественно-политическим вопросам, редактировал «Малый Энциклопедический Словарь» Брокгауза-Ефрона, 35
- Смит Томас, американский вице-консул, 35
- Смит, председатель общества Вестингауз, 35
- Соколов Георгий Дмитриевич, доктор, 13
- Соловьев Владимир Сергеевич, философ, р. 16 янв. 1853 г. † 31 июля 1900 г., 25
- Станиславский (Алексеев) Константин Сергеевич, р. 1863 † 1938, 21
- Стасов Владимир Васильевич, художественный критик, р. 2 янв. 1824 г. † 10 окт. 1906 г., почетный академик (1900), 28
- Столыпин Петр Аркадьевич, р. 1862 † 1911 (убит террористом Д.Богровым), 44, 81, 82
- Стрекалов Владимир Владимирович, статистик, в 1917 г. служил в министерстве торговли и промышленности, 131
- Струве Вильгельм Оттонович, сотрудник Центрального статистического комитета, 71
- Сук В.И., дирижер, 17
- Сущинский Петр Петрович, р. 1875, в 1897 г. окончил С-Петербургский университет и был оставлен при кафедре геологии для приготовления к профессорскому званию. В 1898 г. назначен хранителем минералогического кабинета университета. Проводил полевые работы на Алтае (1896), на Кавказе (под руководством проф. Ф.Ю. Левинсона-Лессинга) и на Урале (1899). Летний семестр 1898 г. работал в Мюнхенском минералогическом институте. Напечатал «Некоторые минералогические наблюдения в Ильенских горах и Кыштымском округе Урала» (1900). Весной 1900 г. командирован от университета на 1 1/2 года за границу с научной целью; университетский товарищ В.П., 5
- Сырнев Иван Николаевич, сотрудник В.П. по изданию «России», статистик, в 1917 г.

- служил в департаменте неокладных сборов чл. междуведомственного совещания по продовольственному делу в Империи, действ. статский сов., 106
- Сысоев Сергей Николаевич, инженер путей сообщения, статский сов., 25, 126, 132
- Тан-Богораз Владимир Германович [Натан Менделевич Богораз], р. 1865 † 1936, революционер-народник, этнограф, языковед, 31
- Танеев Александр Сергеевич, р. 1850 † 1918, гофмейстер, главноуправляющий Собств. Е.И.В. канцелярией (1896), почетн. академик, чл. Гос. Совета (1906), 75
- Танеев Сергей Иванович, р. 1856 † 1915, композитор, 15
- Таскина Вера Яковлевна, рожд. Ламанская, дочь Я.И.Ламанского, 121
- Тилло Алексей Андреевич, р. 1939 † 1899, географ, картограф, чл.-корр. Академии Наук (1892), генерал-лейтенант, 16
- Тимашев Сергей Иванович, р. 1858 † 1920, по окончании Александровского лицея служил в Государственной канцелярии, Министерстве юстиции, в Сенате. В 1882—1884 г. жил за границей, изучая экономические науки в университетах Германии и Австрии. В 1884 г. перешел на службу в Министерство финансов. В 1892—1894 г. работал в Комиссии по пересмотру устава Государственного банка. С 1893 г. — товарищ (заместитель) Управляющего Государственным банком Э.Д. Плеске. В 1903 г. указом Императора Николая II назначен Управляющим Государственным банком и оставался им до ноября 1909 г., когда был назначен министром торговли и промышленности. Чл. Гос. Совета (1911). В февр. 1915 г. ушел в отставку с министерского поста, оставаясь членом Государственного Совета. Последние годы жизни провел за написанием мемуаров; недолгое время работал в наркомате финансов, 69, 86, 89, 123
- Тимирязев Василий Иванович, р. 1849 † 1919, министр торговли и промышленности (1905 — 1906, 1909), директор правления Ленского золотоискательского о-ва, 25, 31, 32, 69,
- Тимонов Всеволод Евгеньевич, р. 1862 † 1936, инженер путей сообщения, ординарн. проф. Института инженеров путей сообщения, управляющий отд. статистики и картографии министерства путей сообщения, 36, 69
- Тимофеева Ольга Андреевна, рожд. Оболенская, вдова П.П.Тимофеева (1800 — 1893), вице-директора Департамента Гос. имущества, предводителя дворянства Лужского уезда, владелица имения в Затуньне³⁰, 22
- Толмачев Иннокентий Павлович, р. 1872 † 1950, геолог, путешественник, Окончил СПб. университет в 1897 г. В 1899 г. избран ученым хранителем геологического музея Имп. Академии Наук. В 1898—99 и 1902 г. работал на Алтае, в 1900 г. — в Енисейской губ., в 1904—05 г. в бассейне р. Хатанги. Издал «Научные результаты экспедиции, снаряженной Императорской Академией Наук для раскопок мамонта, найденного на р. Березовке» (изд. Академии Наук, СПб., 1903); женат на дочери А.П.Карпинского, 5, 92,
- Толмачева Екатерина Александровна, рожд. Карпинская, его жена, 92
- Толпыго Генрих Генрихович, помощник столоначальника, 7, 10, 11, 14, 19
- Толстая гр. Софья Андреевна, рожд. Берс, р. 1844 † 1919, 15
- Толстой гр. Лев Николаевич, р. 1828 † 1910, 42, 49
- Торнау Николай Николаевич, барон, географ, историк; ему принадлежит книга «К истории приобретений России в Азии» (СПб., 1914) и «Учебный исторический атлас» (1902, несколько изданий), 93
- Тройницкий Николай Александрович. Директор Центрального статистического комитета при Министерстве внутренних дел в 1883-1903 г. Русский статистик, сын А.Г.Тройницкого. Являлся делегатом России на Международном статистическом конгрессе 1885 г. в Лондоне, Был избран действительным членом международного статистического института. Участвовал в статистических съездах в Риме, Париже, Берне и Вене. Подготовил проведение сессии Международного статистического конгресса в Петербурге. В качестве члена — управляющего делами Главной переписной комиссии принимал участие в подготовке и проведении первой всеобщей переписи населения России в 1897 г. Под руководством Н.А. Тройницкого проводилась

³⁰Описание имения см. в журнале «Столица и усадьбы» (1915), перепечатано в кн.: Н.В.Мурашова, Л.П.Мыслина. Дворянские усадьбы Ленинградской обл. *Петербургский Писатель*, СПб, 2001

- разработка итогов этой переписи, которые были опубликованы в 1897-1905 г. под его редакцией. Участвовал в организации и деятельности Международного статистического института, вице-президентом которого был с 1897 до 1913 года, 84
- Троянов Алексей Алексеевич, р. 1849 † 1916, хирург, окончил курс в С.-Петербургской медико-хирургической академии в 1872 году, в 1882 году, за диссертацию «О влиянии ожога кожи на животный организм» удостоен степени доктора медицины. Затем состоял ассистентом клиники Вилье (1883), а в 1886 году назначен помощником главного врача Обуховской мужской больницы и заведующим хирургическим отделением. Первым в России произвёл удаление жёлчного пузыря при его острой перфорации (1896), 22
- Тугаринов Аркадий Яковлевич, р. 1880 † 1948, зоолог, орнитолог. На протяжении 20 лет руководил Красноярским краевым музеем и многочисленными экспедициями охватил весь огромный бассейн Енисея. С 1926 по 1948 г. работал в Отделении орнитологии ЗИН (заведующий с 1940 по 1948 г.) Его первая большая работа (совместно с С.А. Бутурлиным) по птицам бывшей Енисейской губернии (1911) до сих пор не утратила значения основополагающей сводки. По результатам двух экспедиций в Монголию составил обзоры птиц северной и восточной частей Республики. В серии «Фауна СССР» ему принадлежат выпуски, посвященные пластинчатоклювым (1941), веслоногим, аистобразным и фламинго (1947); им написана также часть разделов определителя «Птицы СССР» (1951–1953). Основоположник планомерных палеорнитологических исследований в нашей стране, описавший остатки неогеновых и антропогеновых птиц, найденные в Сибири, степной части Украины, Крыму и Казахстане. Внес большой вклад в изучение миграций птиц, 52
- Тур Федор Евдокимович, р. 1866, профессор, физиолог, проректор университета, 71
- Успенский Федор Иванович, р. 1845 † 1928, византинолог, чл.-корр. Академии Наук (1893), академик (1916), 115
- фан дер Флит Константин Петрович, сын проф. П.П.фан дер Флита (1839 – 1904), женат на Вере Петровне Ивашевой (внучке декабриста В.И.Ивашева) 20
- Федорова Марья Михайловна, бонна, 30
- Ферсман Александр Евгеньевич, р. 1883 † 1945, минералог, академик (1919), вице-президент АН СССР (1927 – 1929), 118
- Философов Александр Дмитриевич, р. 1861 † 1907, шталмейстер, министр торговли и промышленности (с 1906). Родился в Петербурге. Образование получил на физико-математическом и юридическом факультетах С.-Петербургского университета, который окончил в 1886. Начал службу в Министерстве народного просвещения. С 1901 произведен в действительные статские советники и назначен товарищем государственного контролера. Одновременно состоял гласным Новоржевского уездного и Псковского губернского земских собраний. В правительстве С.Ю.Витте занимал пост государственного контролера (октябрь 1905 – апрель 1906). Член Государственного совета (с 1906). В правительстве П.А.Столыпина – министр торговли и промышленности (июнь 1906 – декабрь 1907). Скоропостижно скончался в Петербурге в возрасте 46 лет в ложе Мариинского театра во время праздничного представления оперы «Жизнь за царя», 122
- Флоренс мисс, гувернантка, 87
- Фомин, Иван Александрович, р. 1872 † 1936, архитектор, один из лидеров неоклассицизма. Среди наиболее характерных работ – особняки Половцева (1910–1916) и Абамелек-Лазарева (1913–1915) в Петербурге, проект «Нового Петербурга» (застройка острова Голодай; 1912), планировка и озеленение Марсова поля (1920–1923); дом общества «Динамо» (1928–1930), новый корпус Моссовета (1930), здание Министерства путей сообщения (1933–1936), станции метрополитена «Красные ворота» (1935) и «Театральная» (1936–1938) в Москве; здание Совета министров Украины в Киеве (1934–1939), 88
- фон Фохт Константин Константинович, геолог, 35
- Фош Фердинанд, р. 1851 † 1929, верховный главнокомандующий союзных войск во Франции (апр. 1918), маршал Франции (авг. 1918), 114
- Франц-Иосиф, император, р. 1830 † 1916, 31, 87, 110

- Франц-Фердинанд, эрцгерцог, р. 1863 † 1914 (убит террористом Г.Принципом), 110
- Фредерикс Владимир Борисович, р. 1838 † 1927, барон, министр двора и уделов (1897 – 1917), член Гос. Совета (1905) 19
- Фридрихсен Макс, проф., 75
- Хилков кн. Михаил Иванович, р. 1834 † 1909, министр путей сообщения (1885–1905), чл. Гос. Совета (1906) 50
- Хрущев Федор Иванович, обер-секретарь 1 деп Прав. сената, сослуживец Вал.П.Семенова-Тян-Шанского, колл. сов., женат на Надежде Ивановне Кольцовой, сестре К.И.Семеновой-Тян-Шанской, расстрелян ЧК в 1918 или 1919 г., 77
- Цингер Николай Яковлевич, р. 1842 † 1918, астроном, геодезист, чл.-корр. Академии Наук (1900), 36, 67, 73
- Черепнин Николай Николаевич, композитор, р. 1873 † 1945 (умер в эмиграции в Париже), 15, 38
- Чернышев Феодосий Николаевич, р. 1856 † 1914, геолог, палеонтолог, академик (1909), директор Геологического комитета 13, 32, 92,
- Чехов Антон Павлович, р. 1861 † 1904, 18
«Вишневый сад», 21
- Чисхольм, профессор, географ, 93
- Чубинский, инженер, 119
- Шаляпин Федор Иванович, р. 1873 † 1938, 126
- Шахматов Алексей Александрович, р. 1864 † 1920, филолог, академик (1899), 118, 124
- Шаховской Всеволод Николаевич, князь, р. 1874 † 1954. Окончил Морское училище (1893), в 1894–1896 совершил ряд плаваний в составе экипажей императорских яхт. С 1898 служил по Министерству финансов, в 1902–1905 в Главном управлении торговым мореплаванием и портами (секретарь главноуправляющего вел. кн. Александра Михайловича). С 1905 — в Министерстве промышленности и торговли: чиновник особых поручений, управляющий административной частью Отдела торговых портов, начальник Управления внутренних водных путей (с 1910). В 1910 — в должности гофмейстера Двора. Действительный статский советник (1912). С 18 февраля 1915 вплоть до Февральской революции министр торговли и промышленности. С 17 августа 1915 по этой должности председатель Особого совещания для обсуждения и объединения мероприятий по обеспечению топливом (Осогопа). В дни Февр. рев-ции 1917 был арестован 1 марта, освобожден 5 марта. После Окт. рев-ции эмигрировал во Францию. Автор воспоминаний *Sic transit gloria mundi*. (Париж, 1951), 122
- Швецов Сергей Порфирьевич, р. 1858 † 1930, народоволец, 97
- Шидловский Сергей Илиодорович, р. 1861 † 1922, Из дворян Воронежской губ., крупный землевладелец (на 1900 в родовой собственности и нераздельно с братом и сестрами в общей сложности 18 588 дес. в Воронежской и Екатеринославской губ.). Окончил Александровский лицей. Был женат на дочери статс-секретаря сенатора А.А. Сабурова. С 1880 служил по Министерству внутренних дел, с 1891 чиновник особых поручений при министре VI класса сверх штата. 27 января 1900 назначен членом Совета Крестьянского поземельного банка. С 30 сентября 1905 по 22 апреля 1906 директор Департамента земледелия Главного управления землеустройства и земледелия. Действительный статский советник. Депутат III и IV Дум от Воронежской губ., октябрист. Товарищ председателя III Думы с 30 октября 1909 по 29 октября 1910. В IV Думе председатель земельной комиссии. После раскола фракции октябристов — в думской группе «Союза 17 октября». Один из лидеров Прогрессивного блока с момента его образования, председатель бюро блока. 27 марта 1917 был избран членом Временного комитета Государственной думы. После революции в эмиграции. Оставил «Воспоминания» (Берлин, 1923, Т. 1–2)³¹, 44
- Шингарев Андрей Иванович, р. 1869 † 1918, депутат Гос. Думы II–IV созыва, лидер фракции к.-д., министр Временного правительства, арестован в конце 1917 г., убит в тюремной больнице, 86
- Шипов Иван Павлович, р. 1865 † после 1917. Из дворянского рода Костромской губернии. Тайный советник (1904). В 1902–1905 директор Департамента государственного казначейства. В 1905–1906 ми-

³¹Использованы материалы биографического словаря в кн.: Я.В.Глинка. Одиннадцать лет в Государственной Думе. 1906–1917. Дневник и воспоминания. М., 2001.

- нистр финансов. В 1914-1917 управляющий Государственным банком, 123
- Широков Всеволод Константинович, студент-картограф, 51
- Шлиффен Альфред фон, граф, р. 1833 † 1913, генерал-фельдмаршал (1911), начальник германского Генерального штаба, р. 1891 † 1906), 110
- Шмальц Сусанна, гувернантка Семеновых, † после 1911, 76
- Шмидт Николай Юльевич, гимназический товарищ Вениамина Петровича, врач, † янв. 1920, 54, 57, 73, 126, 131
- Шмидт Элеонора Германовна, его жена, † янв. 1917, 54, 68, 70, 82, 113, 126, 131,
- Шнейдер, сестры, художницы-акварелистки, педагоги, этнографы-собиратели, 41, 42
- Александра Петровна, † 1942? (умерла в ссылке в Саратове), 42
- Варвара Петровна, р. 1860 † 1941, в начале века преподавала рисование в гимназии Л. С. Таганцевой в Петербурге, в 1911 г. назначена попечительницей Школы народного искусства имп. Александры Федоровны³². Выслана из Ленинграда в апреле 1935 г., умерла в ссылке в Саратове, 41
- Шокальский Юлий Михайлович, р. 1856 † 1940, 16, 27, 32, 36, 67, 83, 89, 90, 94, 106, 118
- Штегман Ида Карловна (в замужестве Рутковская) † янв. 1942, бонна, 68, 79, 88, 130
- Штраус, ученик Н.А.Гоголинского,
- Штрупп Николай Мартынович, † 1915, пасынок В.И. Ламанского, 7, 10, 14, 19, 22, 23, 30, 37, 50, 54, 63, 68, 72, 75, 89, 120
- Щербина-Крамаренко, Николай Николаевич, р. 1863 † 1913, архитектор. Служил в Городской управе, Имп. человеколюбивом о-ве. Исследователь архитектуры Средней Азии, 36
- Ярмонкин, горный инженер, 49
- Ястребов Н.В., ученик В.И.Ламанского, 77
- Ястребцов Василий Васильевич, студент-технолог, член «Общества добровольных клакеров», в 1917 г. служил в гос. дворянском земельном банке, † 1934, 18

³²В 1919 году Школа народного искусства была реформирована в Техникум кустарной промышленности; позже переведена в Лугу, где просуществовала несколько лет.